

Колдовские

Миры

ПОЛОВИНКА

Ольга Гусейнова

Annotation

Всего одна ошибка – и правящая династия проклята. Всего один рискованный магический эксперимент – и прежде благополучная и богатая Цветана на краю гибели. Неужели настанет день, когда ее будет невозможно спасти?! Или шанс на возрождение королевства подарят таинственные и страшные маги из другого мира? Вот только чем придется заплатить за их помощь? Свободой? Сердцем? Или у судьбы другие расклады?

Как бы там ни было, отверженная принцесса и семеро риирцев отправляются навстречу опасным приключениям и ледяным монстрам, превратившим страну в застывший кошмар, чтобы попытаться уничтожить портал, через который пришла беда. Навстречу гибели или счастью...

- [Ольга Гусейнова](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ольга Гусейнова

Половинка

© Гусейнова О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Иллюстрации в тексте О. Гусейновой

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Хочу выразить огромную благодарность своей любимой помощнице Вере Борисковой за совместную работу над этим романом. Ты – мой главный подельник и помощник на литературном поприще!

Пролог

Снег! Белым-пребелым, то искрящимся на солнце до рези в глазах полотном, убегающим за горизонт, то колючей, завывающей, пронзительной вьюгой снег отхватил приличный кусок мира. Трудно поверить, что еще несколько лет назад красное солнце вставало из-за высоких, почти черных горных вершин. Теперь же они предстают перед редкими здесь путниками и малочисленными местными жителями белоснежными пугающими пиками.

Снег! Когда-то свежавыпавший и пушистый, он неизменно радовал глаз в преддверии праздника Нового года, во время которого люди отдыхали и позволяли себе немного безделья и посиделки у горячего очага или камина.

Снег! Раньше был желанным гостем, особенно для любителей покататься на санках и лыжах, был временным явлением, теперь же – постоянным. Врагом и захватчиком, не знающим пощады.

Большой военный форт Тартус среди этой отнюдь не радующей белизны кажется последним оплотом, одиноким воином, готовым стоять насмерть, понимая, что отступить некуда, а победа призрачна. Вокруг его древних, серых, испещренных непогодами и оружием, но достаточно крепких стен еще темнеет земля, но уже стывая, с клочками пожухлой травы, покрытой утренней изморозью.

Четкая разделительная черта, будто кто-то межу провел между поздней осенью и зимой, расставив палки-вешки, терялась на горизонте. А для устрашения этот «кто-то» еще и расписал палки замысловатыми рунами. Вдоль этой границы между темной землей и заснеженной медленно двигались два конных всадника в светло-серых плащах. По их ссутуленным спинам было видно, что они несут тяжелую службу и сильно устали. Но тем не менее бдительности стражи не теряли.

Внезапно за чертой закрутилась пара снежных смерчей – и мужчины напряглись, твердой рукой удерживая лошадей на месте. А уже в следующее мгновение смерчи обернулись жуткими белыми монстрами, которые ринулись на людей. Руны, начертанные на палках, вспыхнули ослепительным светом – и кровожадные твари словно врезались в невидимую стену, откинувшую их назад. Встать монстры не успели, их испепелили молнии, посланные вслед всадниками – магами, охранявшими границу между зимой и осенью.

Убедившись, что угроза миновала, стражи по-прежнему размеренно продолжали службу, периодически останавливаясь у магических вех и проверяя работу охранных заклинаний.

Центральная сторожевая башня Тартуса на несколько десятков ярдов

возвышается над землей; каменная крепостная стена испокон веков исправно защищает обитателей форта. Правда, совсем скоро даже самые высокие и толстые стены не помогут.

На площадке центральной башни у каменного парапета замерли двое, словно олицетворяющие собой противоположности. Один, седовласый мужчина в светло-сером, украшенном дорогим серебряным шитьем и подбитом лисьим мехом плаще, с трудом удерживал приличествующую его сану маску бесстрастия на благородном лице, отмеченном печатью многих прожитых лет. Ныне правящий Королевством Дармаш Бариус Семнадцатый, достойный представитель династии Даранов, глядя потускневшими, выцветшими от старости голубыми глазами на унылый окружающий пейзаж, как никто другой ощущал зимнюю стужу – холод, из дня в день вымораживающий его сердце и душу. Достойного правителя заботило будущее своего народа.

Другой, вернее будет сказать иной, – высокий, статный, широкоплечий мужчина, также с ног до головы закутанный в плащ, но в черный, льнувший к его фигуре, словно живой. Королю никак не удавалось рассмотреть лицо своего собеседника под низко надвинутым капюшоном.

Ветер злобно набрасывался на мужчин, рвал полы плащей, настойчиво пробираясь к телам. Но оба, не обращая внимания на его потуги, смотрели на подступавшую к форту зиму и мелькавших за магической границей тварей.

– Ваши люди попусту растрачивают силы, – заметил таинственный гость короля.

– Я могу их понять, – спокойно ответил монарх. – Как сдержаться, когда знаешь, что хозяева этих тварей уничтожают твою родину? Все, что ты знал и во что верил.

– Незачем тратить ценный ресурс на злость и пустую месть, – шелестящий голос одетого в черный плащ мужчины, который не смогло приглушить даже завывание ветра, словно наждаком по оголенной коже прошелся по нервам короля.

Бариус Семнадцатый обернулся и посмотрел в глаза своему собеседнику, правда, тут же внутренне содрогнулся, что, к его чести, не отразилось на лице. Хотя за пятьдесят лет правления он повидал разное: и бунты, и предательства, одержал победу в нескольких войнах, получив приставку Отважный к имени, но вид этого нелюдя даже не настораживал, а откровенно пугал.

Под черным капюшоном иного словно сама тьма клубилась, в какой-то момент рассеивалась и являла монаршему взору почти человеческий лик. И

все же непосредственно общавшемся с ним королю и его приближенным еще ни разу не удалось четко рассмотреть представителя загадочного народа – риирца, черты лица которого искажались, менялись в тот момент, когда кто-либо из королевской свиты или стражей форта пытался сфокусировать на нем внимание. Только глаза риирца неизменно оставались ярко светящимися, завораживающими, словно в омут затягивающими любопытствующих людей.

Вот и сейчас бледно-голубой, как воды ледяного северного озера, взгляд будто пронзил Бариуса, выстудил внутренности до опасного трепета перед чуждым, мало известным людям, могущественным созданием.

Хорошо, что старый король обладал стальной волей и бесстрашным сердцем.

– Вы правы, уважаемый Хейго, но я могу понять своих людей.

Темный кивнул и вновь устремил взор в сторону белоснежных вершин, вернувшись к главной теме разговора:

– Когда их доставят сюда?

– Мужчину – уже завтра, девушку – через три дня, – вернув за несколько мгновений утраченную уверенность, ответил король. – Вы отправитесь сразу или нам что-то еще необходимо подготовить?

– Ваша задача подготовить ключ, чтобы она работала с нами и не сопротивлялась. На территории белых будет и так слишком много сложностей, чтобы мы отвлекались на нее.

– Этот вопрос мы решим, – сухо пообещал Бариус. – В конце концов, от исхода кампании зависит существование моего королевства... И всего нашего мира.

Темный по имени Хейго обернулся и внимательно взглянул на короля. Края его капюшона трепетали на ветру, который будто не ткань пытался сорвать с головы Хейго, а развеивал тьму. Хотя Бариусу точно известно: риирцы, подобно людям, состоят из плоти и крови, но «проявляют» себя, когда сами того хотят.

– Я надеюсь, представители правящих династий надолго запомнят наше содействие и выполняют обещанное.

– Мы скрепили клятву кровью! – не без возмущения напомнил Бариус. – Каждый представитель высшей власти из двадцати девяти оставшихся на Эйре государств. Вам не о чем беспокоиться.

Неуловимые черты лица темного дрогнули в усмешке перед тем, как он поведal:

– Мы изучили вашу историю, ваше величество, именно поэтому доверяем лишь клятвам на крови, скрепленным смертельными обетами.

Нас слишком мало, чтобы рисковать своими жизнями, но мы готовы спасти ваш мир. Взамен ваша сторона должна выполнить условия договора. Каждый второй, вне зависимости от сословия, – теперь наш! По закону! И не дай боги людям нарушить договор – белые покажутся вам игрушками...

Барису Семнадцатому, возможно, последнему королю Дармаша, не пришлось отвечать на неприкрытую угрозу – за спиной раздался шум. Королевская охрана, бряцая оружием, торопливо расступилась от открывающегося в пространстве искрящегося портала. Оттуда вышли трое высоких мужчин-магов в светло-серых плащах, низко поклонились своему королю, затем темному и, получив дозволение, доложили:

– Ваше величество, клятвы принесены, высочайшие представители всех правящих династий подписали договор кровью. Артефакт и грамоты забрали... риирцы.

Темный на несколько мгновений замер, словно прислушивался к чему-то, затем мрачно усмехнулся и кивнул людям:

– Договор состоялся! Через три дня я вернусь сюда за ключом и грузом.

Старый король и его охрана невольно вздрогнули, когда риирец, не утруждая себя церемонным прощанием, крутанул темным вихрем и растворился тьмой под недовольный шепот одного из светлых магов:

– Что белые, что темные – не знаешь, кто хуже...

Глава 1

Холодное лето. Неожиданный визит

Протягивая личной служанке баронессы Риоли большую корзину, доверху наполненную пухлыми холщовыми мешочками с целебными сборами, я предупредила:

– Вот заказ леди Риоли. Лара Дарина, передайте ей, что отвар ланики нужно добавлять в горячую воду и принимать с ним ванну не более четверти часа. Иначе результат получится обратный против ожидаемого.

– Непременно передам, вашество Оливия. Госпожа сделает в точности, как вы велели. Вчера барон удивлялись, что его супруга неожиданно помолодели да похорошели. Вы бы видели, леди Риоли после похвалы будто еще пару десятков годков сбросили! Наш-то лар почти столько же ее не замечали. А тут...

Я улыбалась, слушая пухленькую невысокую женщину в безупречно белом накрахмаленном чепчике, с круглым веснушчатым лицом и лучистыми, голубыми, восторженно сверкающими глазами. Она еще некоторое время пересказывала слухи об аристократических семьях Дармаша, сплетни и городские новости. За что я, по обыкновению, отблагодарила ее небольшим пузырьком с целебным снадобьем.

Мы вышли из тени яблони, в густой листве которой зрели едва завидневшиеся плоды, и, радуясь теплему летнему дню, медленно брели к калитке, ведущей на улицу. Лето только началось, и Дарина не захотела пройти в дом, мол, «в хорошую погоду грешно сидеть в четырех стенах, хочется подышать среди такой благодати».

– Что-то много новостей в последнее время, – вслух задумалась я, выслушав словоохотливую собеседницу.

– Что вы, вашество Оливия, просто затворницей живете, а жизнь на месте не стоит, как говорит моя хозяйка. Вчера вот в королевском дворце суматоха была. Говорят, чуть ли не половина королей Эйра понаехала, причем все по секрету, тайно... – с придыханием поведала Дарина. – Да кто ж такую суету пропустит? Во дворце охраны столько понабилося, что прислугу потеснили, а то и выгнали на конюшню.

– Может, военный договор заключают? – осторожно предположила я, не желая углубляться в болезную для меня тему.

– Ой, не знаю, не знаю. Да и не нашего ума это – про королевские

тайны рассуждать! – Дарина пожала округлыми плечами, поправила на сгибе руки корзину и виновато округлила глаза: – Ой, вашество, простите меня, бабу глупую...

Внутренне я горько усмехнулась, но нарисовала на лице улыбку и спокойно ответила:

– Не беспокойтесь понапрасну. Вас, наверное, баронесса заждалась. На носу королевский бал, где она непременно хочет блистать. Как в прежние времена.

– В очень далекие времена, – хихикнула Дарина, быстро забыв о неловкости.

Прощались мы, довольные друг другом. Проводив милую гостью за калитку, я кликнула Пушистика, здоровенного черного мастифа. Пес моментально примчался, за что я ласково потрепала его по лохматым бокам и неторопливо, раздумывая о причине, вынудившей королей срочно обратиться в столице Дармаша, рассеянно поглядывая по сторонам, пошла обратно.

Поселившись не на центральной, но на одной из самых длинных столичных улиц с добротными, утопающими в яблоневых садах домами зажиточных горожан, я несколько месяцев жила впроголодь, потому что потратила все имевшиеся на тот момент деньги. И хоть корила себя за непозволительное расточительство, со временем убедилась: правильно поступила. Ведь главное достоинство моего поместья – большой участок плодородной земли, на котором я, будучи магом земли, занимаюсь не только садоводством и огородничеством, чтобы прокормиться, но и выращиваю цветы и целебные травы на продажу.

Работаю довольно успешно, не зря же считаюсь одним из сильнейших магов на Эйре. Сад, огород, цветник – каждый клочок земли за моим забором цветет и благоухает с ранней весны до поздней осени. Раньше, чем у соседей, созревают фрукты, ягоды и овощи. Конечно, образцово ухоженное поместье – лицо моего дела и средство к безбедному существованию. Теперь в дармашской столице каждый целитель или знахарка, любая состоятельная горожанка, желающая омолодиться, знают, где можно купить самые привередливые, редкие травы или целебные сборы.

Все еще рассеянно, испытывая странную тревогу, я мягко отстранила расшалившегося Пушистика, толкавшего меня в бедро лобастой головой, призывая поиграть. Обвела взглядом свое скромное темное платье – добротное, с длинными рукавами и подолом, на ладонь не достающим до земли. Подобные носят простые горожанки да деревенские женщины. В

саду и в доме в таком работать удобнее. Но от одежды простолюдинки оно отличается красивой вышивкой и изящным кроем, подчеркивающим тонкую талию и высокую грудь.

Не обнаружив на платье приставучей собачьей шерсти и какого-нибудь еще не менее прилипчивого садового мусора, почесав настойчивого пса за ушами, я тряхнула головой, отгоняя тяжелые думы, и решительно направилась к грядкам. Работы достаточно, не в моем положении позволять себе праздность. А думать можно, пока заняты руки в специально связанных зимой для садовых дел перчатках.

Лето нынче наступило поздно и пока не баловало теплыми деньками, как сегодня, добавляя мне душевной боли и беспокойства о будущем. Ведь каждый житель Дармаша понимает, о чем это говорит и к чему ведет.

Солнце за день согрело все вокруг. Я увлеченно копалась в земле, чувствуя, как испарина покрывает лицо и пот течет между лопатками, но не испытывала неудобства. Жизнь научила, что жар костей не ломит, в отличие от холода.

Пока рыхлила землю, высаживала рассаду, мой единственный друг и член семьи разлегся под деревом на спине и, вывалив язык между устрашающими клыками, громко, сыто сопел. Годовалый мастиф, еще не переросший возраст, когда собаки по-щенячьи играют со своим хвостом, даже таким неприятным образом согревал мне сердце, вызывая щемящую нежность и невольную улыбку, стоило взглянуть на него.

Полив грядку, я отряхнула руки и встала, распрямляя затекшие ноги и спину. Поправила выцветшую широкополую соломенную шляпу, защищающую лицо от загара, удовлетворенно вдохнула полной грудью, наслаждаясь воздухом, напоенным ароматами целебных трав и множества цветов. Хорошо-то как!

Неожиданно Пушистик резко перевернулся на живот и настороженно зарычал, угрожающе оскалив клыки, а у меня за спиной прозвучал строгий, сухой мужской голос:

– Ее высочество принцесса Оливия Малина?

Я вздрогнула от неожиданности – никого не ждала и даже не слышала шагов пожаловавшего ко мне гостя, а обратившегося согласно титулу, официально тем более. С помощью бытовой магии быстро очистила перчатки и одежду, платком вытерла лицо от пота, затем, неосознанно задрав подбородок и распрямив плечи, спокойно обернулась. И удивилась еще больше, насторожилась, увидев троих магов. Вернее, боевых королевских чародеев – высоких, суровых, закаленных воинов в светло-серых длинных плащах с вышитым на груди золотым знаком солнца, одним

своим видом внушавших трепет и почтение окружающим.

Шикнув на рычавшего пса и скомандовав «К ноге!», тщательно сохраняя бесстрастное лицо, хорошо поставленным в бытность во дворце голосом я ровно ответила:

– Вы правы, я принцесса Оливия Малина, с кем имею честь, лары? Чему обязана вашим визитом?

Трое воинов с обветренными строгими лицами – надо думать, служба у них суровая, возможно, и с границы прибыли – так же бесстрастно взирали на меня, но в их глазах отразилось удивление моим совершенно не аристократичным нарядом и – ненависть. Жгучая, неприкрытая, обидная. Видимо, им в голову прийти не могло, что даже проклятая Эйром принцесса снизойдет до положения садовницы, знахарки и торговки. Но выбирала свой путь три года назад не я. Мое будущее определили другие.

Причину истовой ненависти к себе – представительнице королевской династии Малина – понимаю, хоть и не могу принять до сих пор. Лично я не заслужила этого, даже от королевских магов, несущих тяжелую службу на границе. Несмотря на то что те ежедневно сталкиваются с опасными порождениями белых и поддерживают ее благодаря своей силе.

Внутри все сжалось от страха, но внешне, надеюсь, я даже бровью не повела. Суровым взглядом меня не утешить. И не такое видела. И все же отдавала себе отчет, что надеяться на защиту Пушистика по меньшей мере наивно. Если эти маги сочтут нас угрозой королевству Дармаш, от них ни меня, ни пса ничто не спасет.

Один из воинов коротко, вопреки принятому к моему высокому статусу обращению, кивнул и четко, по-военному коротко сообщил:

– Вам надлежит собраться сей же час, мы сопроводим вас к его величеству Бариусу Семнадцатому.

Я похолодела. Мной, опальной принцессой уже не существующего королевства, не интересовались несколько лет, более того, старательно забыли и вычеркнули из светской жизни все Высокие Дворы. А сейчас вдруг вспомнили? Поэтому насторожилась:

– Уважаемые лары, я могу узнать причину вызова во дворец?

Все трое не сдержали кривой, едва заметной ухмылки, от которой у меня перехватило дыхание в ожидании вести о грядущих неприятностях. И они не замедлили начаться.

– Аудиенция состоится в Тартусе, поэтому вам надлежит собрать необходимые вещи для трехдневного путешествия и гораздо, гораздо более холодной погоды. Не для светского раута!

– Его величество на границе? – испуганно выдохнула я, чувствуя

накрывающую с головой панику. – Но зачем я понадобилась ему? Там?

– Вам сообщат на личной аудиенции! – бескомпромиссно отрезал маг, говоривший со мной, которого я мысленно обозначила командиром. – Приказано доставить вас в Тартус как можно скорее.

– Я не готова именно сейчас, и...

Мой лепет командир оборвал жестко:

– Вашего согласия или желания никто не спрашивает, ваше высочество. Либо вы добровольно следуете за нами, либо...

Я судорожно сглотнула и молча, послушно кивнула. Становиться позорищем и демонстрировать соседям и случайным прохожим, как меня волокут в карету... а может, и в простую повозку... Ни в коем случае! Королевскому роду Малина больше двух тысяч лет. Даже если нашим именем теперь проклинаят, я не буду той, кто утратит последнее, что от него осталось: честь и достоинство.

Но кто бы знал, чего мне стоило держать спину привычно прямо и скользить между грядками к дому. Собираться. Кто бы догадался о моем ужасе и панике перед поездкой обратно... на границу с белыми!

Карета подпрыгнула на очередном ухабе, подбросив меня на обитом красным бархатом сиденье, заставив вцепиться в деревянную ручку. Пушистик, лежавший на полу, согревая мои ноги, заворчал, перебирая лапами. К счастью, от синяков и ушибов спасала мягкая обивка. Мои сопровождающие, или, лучше сказать, конвоиры, очень спешили. Впрочем, за три дня в дороге я оценила достаточно удобную и мягкую карету для длительных путешествий, несмотря на отсутствие геральдических знаков. А могли бы и обычной телегой ограничиться – лишний раз напомнить представительнице проклятого рода, кто она.

Колеса закрипели, карета качнулась пару раз и остановилась. Пес тут же с надеждой посмотрел на меня и сел, преданно виляя хвостом. Через минуту дверь открыл Мариус – ведущий боевой маг королевского отряда. По характерным признакам я догадалась, что командир отряда сопровождения – из аристократов, но к тем, кто выбрал путь боевых магов, посторонние, не знакомые с ними люди и воины, не знающие об их статусе, как правило, обращаются «лар». Как и к прочим людям.

– Ваше высочество, не желаете пройтись немного, прежде чем перекусить? – тон его был отнюдь не учтивым, а сухим, приказным.

Кто бы отказался? У «высочества» все тело затекло, и размяться хотелось нестерпимо. Остановки мы делали короткие, только наскоро поесть, сменить лошадей и переночевать на постоянных дворах. Казалось, только положу голову на подушку – и вот уже подъем и в путь. С облегчением кивнув магу, я протянула руку, чтобы помог выбраться из душной холодной кареты.

Сегодня Мариус не кривился и не смотрел на меня волком. Все шестеро сопровождающих всю дорогу исподволь наблюдали за мной. Вначале часто хмурились, отворачивались. Однако оказалось сложно ненавидеть молодую принцессу, которая не похожа на злую ведьму, не проклинает, ничего не требует, не просит, покорно, но с достоинством (как я надеялась, теща самолюбие) переносит отторжение общества.

Да, все понимаю, но принять не могу.

Ступив на землю, я плотнее запахнула на груди лисью шубку, оставшуюся от прошлого великолепия: чем ближе к границе, тем холоднее. Сегодня утром не выдержала и достала из багажного ящика меховую одежду, чтобы не мерзнуть.

Пушистик, чуть не сбив меня с ног, радостно понесся метить ближайшие деревья. Вот же вымахал! Год назад, когда я решила завести питомца, чтобы рядом была хоть одна родная душа, мне обманом вручили этого лохматого симпатичного «песика». У нас на востоке такие не водились, вот я и прикипела умильным взглядом к его крупным лапам, влажным косым глазам и забавной щенячьей мордочке. Тогда он действительно походил на хорошенький пушистый комочек, теперь же, нарастив массивную тушу, – на симпатичного проглота, каковым порой и зову. Особенно когда мясник счет выставляет.

Проводив взглядом пса, я наконец осмотрелась. Тракт, бескрайней полоской уходящий к горизонту; яркое полуденное солнце, которое, увы, уже не греет, потому что мы слишком близко подошли к границе с вечной зимой. Чуть поодаль виднеется большая, еще недавно благополучная деревня. Сейчас же – ни одного печного дымка, даже собачьего лая не слышно. Жители сбежали от наступающей ледяной напасти.

Вот и еще одно напоминание о терзающей душевной боли – знакомый, тоже опустевший трактир. Мои спутники начали носить туда дрова и воду. Я порадовалась: значит, сегодня на обед будет не просто сушеное мясо с хлебом, а горячая похлебка. И следом мысленно горько усмехнулась: насколько быстро научилась ценить то, что когда-то считала столь малым. Тарелку горячего супа и кусок хлеба.

Всего три года назад, а кажется, в другой жизни, я уже

останавливалась в этой таверне. Тогда здесь было не протолкнуться из-за огромного количества беженцев, лавиной устремившихся на запад, подальше от беды. Как можно дальше от жутких пришельцев из другого мира. Мы с кузенком и матерью, обезумевшей от горя, потерявшей почти всех, кого любила или знала, королевой без королевства, ночевали в сарае, прямо на сеновале. Тогда нас еще жалели и даже накормили бесплатно, предоставили ночлег. А несколько дней спустя открылась неприглядная, ужасающая правда.

Наверное, я никогда не забуду те жуткие события, разделившие жизнь восемнадцатилетней принцессы, перед которой лежал весь мир, на до и после, на тогда и теперь.

Родители позволили мне самой выбрать мужа. Готовился Большой королевский бал, на который пригласили не состоящих в браке принцев. Сейчас грустно и смешно вспоминать, что в те беззаботно счастливые времена меня беспокоили лишь наряды, в которых я собиралась блистать на выборе будущего супруга. Все тридцать два королевства Эйра незамедлительно ответили согласием участвовать. Каждый холостой представитель правящих династий мечтал породниться с Домом Малина – самыми сильными землянами, как попросту называли магов земли в народе.

Ведь благодаря именно нам, магам земли из рода Малина, королевство Цветана получило свое название две с лишним тысячи лет назад. И не особенно приветливый, прохладный район со сложным рельефом превратился в цветущую и благоухающую цепь плодороднейших долин, зажатых между высокими скалистыми горами, где много чего добывали. Наш народ был сытым, а королевство – одним из богатейших и спокойных.

Как-то на одном из обычных обедов, на котором помимо королевской семьи присутствовали особо приближенные придворные (этакий «небольшой перекус» персон на двести), наш любимый, немного «того» дедушка Римус Малина, близнец почившего короля, дядя нынешнего, заядлый экспериментатор и ученый, сообщил, что нашел в древних свитках описание давно забытого, запрещенного ритуала. Заявил, что ему, вероятно, удастся совершить настоящий научный прорыв – создать стабильный портал в другую точку Эйра, но, возможно, и в другой мир.

Это же так грандиозно и значительно – открыть другой мир!

Дедушка Римус... Его любили, но не воспринимали всерьез. Маги живут в несколько раз дольше, чем люди без дара, особенно маги, ведущие спокойный образ жизни. Те доживали до трехсот. И Римус Малина, давно разменявший второе столетие, походил скорее на немного выжившего из

ума, безобидного, в сущности, старика. Он носился по дворцу со старинными свитками, бубнил под нос и строил великие планы по увековечиванию своего имени в истории Эйра.

В тот день мы дружно спустились за ним в подвальные помещения, где он предлагал «узреть истину», потрясти нас невероятным открытием в большой кладовой для хранения запасов на зиму. Для нас это было просто развлечением, данью уважения близкому родственнику. Семейным делом, как любил говорить мой отец.

Наше воображение Римус потряс основательно, когда ему удалось буквально пробить пространство и действительно открыть путь в другой мир. Я прекрасно помню, как все мы, почти двести человек, многие из которых были магами, стояли, разинув рты, уставившись на голубое колеблющееся марево, разглядывая за ним ледяную пустыню другого мира. Холод стремительно заполнял наш подвал, стелился снежной поземкой по земляному полу, студил ноги в легких туфельках, но мы пребывали в шоке и смотрели... смотрели...

Даже тогда, когда снег взметнулся и из вихря возникло несколько жутких белых монстров, мы продолжали таращиться на неведомый мир, как селяне на ярмарочное представление. А потом монстры неторопливо шагнули сквозь портал, спокойно разглядывая нас белесыми глазами, напоминающими ледяные кристаллы. Вот так, вместе с лютым холодом, они проникли в наш мир.

Первой жертвой своего же открытия стал дедушка Римус, слишком восторженно щебетавший, разглядывая пришельцев. Снежные чудовища на глазах у нас разодрали его за пару секунд, обагрив кровью заснеженный пол. В тот момент мы думали, что видели самых жутких созданий, которые могут случиться только в кошмарном сне. Искристо-белых, как свежавывающий снег, хищников размером с саблезубого тигра, с острыми ледяными пиками вместо клыков.

Но как же мы ошибались!

Стоило монстрам насладиться теплой кровью, голубое марево портала вспыхнуло – и в следующий миг мы увидели первого разумного иномирца. Белого. Внешне он оказался подобен людям Эйра: чуть выше среднего роста, в белом балахоне, метелью развевавшемся вокруг тела, скрывая особенности фигуры. На голове словно искрили от напряжения светло-голубые не то волосы, не то тонкие пряди-сосульки. А лицо... не человеческое, нет, вытянутое, почти безносое, с тонкой прорезью рта, прозрачно-серыми щелками глаз и непривычно большим выпуклым лбом.

С появлением этого нелюдя переполох, вызванный ужасной смертью

Римуса, прекратился. Мы замерли. Даже замерзая от холода, стояли и пялились на странного иномирца, который так же неторопливо, как монстры, шагнул за порог портала к нам. Дальше мы видели новых и новых белых, возникавших из снежных вихрей.

Королевская элита дрогнула, когда пришелец, ступивший на нашу сторону, странно содрогнулся и закатил глаза как от наслаждения. Отец неосознанно отодвинул нас с сестрой и маму себе за спину. Может, именно этот извечный мужской жест спас нас тогда.

Белый подошел к стоявшему к нему ближе остальных третьему советнику короля. Медленно поднял руку с ногтями, похожими на осколки льда, и дотронулся до его щеки. И снова мы, подобно глупым мышам, замороженно наблюдали, как герцог Шиповничий, раскрыв рот, пытался закричать, но лишь хрипел от боли. Кожа его на глазах утрачивала живые краски, становилась мертвенно-голубой, глаза остекленели, а теплое дыхание перетекало к белому иномирцу.

Нелюдь словно саму жизнь, саму душу вытянул из человека вместе с теплом. От старого интригана, властолюбца, но преданного королю советника остался жуткий голубовато-серый труп с бессмысленно глядевшими в никуда, пустыми, мертвыми глазами. После этого началась паника. Из портала один за другим в наш мир шагали белые, охрана во главе с отцом начала боевые действия, но запущенные в иномирцев огненные шары и заклинания те поглощали даже с удовольствием. Смерть, боль, хаос – вот что творилось в том замкнутом пространстве. Отец прикрывал нас, обороняясь кинжалом и магией, выводил из подвала, а монстры рвали гвардейцев королевской охраны.

Каким образом мы выбрались оттуда, я помню смутно, но по пятам за нами шла ледяная смерть. Холод хлынул из подземелья наружу, а за ним по свежему снегу ступали чудовища. Народ бестолково метался, не понимая, что происходит. Отец пытался организовать оборону. В тот день нас с сестрой и мамой наспех собрали и вывезли из дворца.

Тогда мы думали, что ненадолго – слишком сильна была уверенность в способностях отца. Но уже к вечеру огромный поток беженцев настигла лавина холода и монстров. Отец успел пробиться к нам на своем любимом скакуне, организовал с кузеном Шарлем прикрытие. Как выяснилось, дворец пал, его защитники погибли. Первой волной ледяная смерть накрыла весь цвет дворянства Цветаны.

К вечеру того трагического дня, первого в цепочке таких же печальных, в схватке погиб отец и большая часть боевых магов королевства. Люди в панике бросали вещи и повозки и бежали.

Королевская карета увозила нас с сестрой, матерью, обезумевшей от потери любимого мужа, и раненым кузеном. В те дни мне еще казалось, что жизнь наладится, но становилось только хуже и хуже. К ногам пришельцев за три года одно за другим пали следующие два королевства, превратившись в ледяные пустыни – царство белых.

В этом ныне пустующем трактире, где тогда сходила с ума от горя королевская семья, накануне похоронившая в стылой земле младшую принцессу, пораженную холодом от прикосновения белого, народ узнал от беглого придворного, что виновен в трагедии экспериментатор Римус Малина. Только чудом оставшихся в живых членов королевской семьи не вздернули на ближайшем заборе, не зарубили...

Нас прокляли.

К счастью, тогда жители этого края не видели порождений зимы и снега, не теряли своих близких, как беженцы из Цветаны. Только это спасло нас от скорой и жуткой расправы. Но каждый плевал нам под ноги, проходя мимо. А сколько еще таких плевков и не под ноги, а в лицо и душу было после? Не счесть!

Я их понимала, но принять не могла.

Сейчас тракт заброшен и тих до звенящей пустоты, лишь наши лошади скрипят подпругой да рессоры кареты. Всего три дня назад вокруг было лето, сейчас же деревья словно зябко ежатся, теряя только-только показавшиеся листочки. Пожухлая трава; всюду, куда ни взглянешь, унылый, блеклый серо-коричневый пейзаж. Постепенно исчезают яркие краски жизни. Пахнет осенью и веет холодом, непрестанно крадущимся к людям подобно коварному хищнику. Ветер злобно рвет полы моей шубы, тербит края мехового капора и кусает щеки острыми колючими порывами.

Запрокинув голову, я с тоской смотрела в небо: серое, безрадостное, как и все вокруг, с низкими свинцово-темными облаками и черными косяками птиц, почуявших беду и сорвавшихся с насиженных мест. В дороге, особенно в последний день, я видела много пернатых, стремящихся на запад и юг. Попадались запоздавшие обозы – последние, самые упертые оптимисты, верившие в чудо, смирились и убিরались подальше отсюда. Вслед за людьми стаями, табунами и одиночками поспешало зверье. В этом году почти не видно птенцов и щенков. Дикие животные чуяли, что не время.

На Эйр наступают пришельцы, не первые за историю нашего мира, но чуждые ему, несущие лишь смерть всему живому, превращающие цветущие края в белую ледяную пустыню.

– Ваше высочество, пройдемте внутрь, там теплее и скоро будут

горячая еда и чай, – позвал один из магов, прервав мои мрачные воспоминания, неизменно вызывавшие душевную боль.

– Благодарю вас, лар.

Я признательно улыбнулась и последовала за ним.

Пушистик с оглушительным лаем бросился за мной. Мариус категорически отказывался брать его в поездку, но я настояла. В итоге моим сопровождающим пришлось позаботиться об увеличении провианта.

Глава 2

Форт Тартус. Королевский прием

Закат! Когда-то я любовалась закатом с балкона своих дворцовых покоев. Сейчас же с тоской и страхом, трясясь на ухабах, наблюдала сквозь пыльное окошко угасание очередного дня, проведенного в пути. Пейзаж за стеклом становился все более унылым и пустынным. Даже в карете мое дыхание вырывалось едва заметным облачком пара. Надеюсь, конвоиры останавливались на короткий обед не для того, чтобы проклятую принцессу накормить горячей пищей перед тем, как окончательно заморозить.

После поворота лес остался позади, а впереди наконец-то замаячили огни Тартуса и грань между зимой и поздней осенью. Именно магическая граница сдерживает холод, но ярд за ярдом, крупинка за крупинкой снег проникает дальше и дальше, позволяя монстрам белых захватывать территорию людей. Границу приходится сдвигать опять и опять, чтобы стражи не оставались на снежном покрове, где монстры имеют большое преимущество над любым человеческим магом. Эйр сейчас спасает только одно: пришельцы из ледяного мира передвигаются исключительно по снегу.

Глядя на мерцающую вдали защитную Грань, я с трудом сдерживала страх: вдруг наши защитники обессилят, вдруг больше не смогут поддерживать ее, что будет тогда? Как скоро порождения ледяного мира сомнут любое сопротивление? Я прекрасно запомнила последствия столкновения с белыми: несколько дней подряд моя сестра замерзала, умирала, не в силах сохранить хоть чуточку тепла. Она часто снилась мне в кошмарах именно такой.

Навстречу нам выехал караульный разъезд боевых магов в неизменно серых плащах. После падения третьего по счету королевства, захваченного белыми, правители других государств отправили многих своих магов на помощь Дармашу, поняв, что Эйр погибнет, если все не сплотятся. Беда придет в каждый дом, не спрячешься, не убежишь.

Карета, высоко подпрыгнув, загромыхла по каменной городской мостовой. Пушистик недовольно заворчал, тоже испытывая неудобство, хотел встать, но я успокоила его, погладила и предложила еще чуть-чуть потерпеть. Сегодня для пса выделили старую попону, чтобы не мерз. В

свою очередь, я грела руки и ноги, зарываясь в теплый собачий мех.

Загремели ворота старого форта. Пока мы въезжали в него, в карете было хоть глаз выколи, но несколько мгновений спустя вновь стало светло от костров, разведенных во внутреннем дворе, и осветительных факелов на стенах. Деловито сновали мужчины; я отметила нескольких женщин, хлопотавших по хозяйству. Внимание всех жителей форта тут же устремлялось к нам. Неужели гости здесь настолько редки? Или местные стражи знают о том, кто в карете? Знать бы еще самой, зачем меня привезли сюда...

Карета остановилась у отдельно стоящего двухэтажного здания более поздней, чем стены и сторожевая башня, постройки. Дверь распахнул один из сопровождающих, объявил: «Прибыли, ваше высочество», – и протянул мне руку.

Откинув меховую полсть, в которую куталась в дороге, я вылезла из опостылевшего за почти четыре дня пути роскошного салона и сразу плотнее запахла шубку.

Пламя костров трепал ледяной ветер. Ночь еще не наступила, но сумерки в этом каменном мешке казались более мрачными, плотными и зловещими. У массивной двери двухэтажного дома, больше напоминающего городской особняк, нежели казарму, стояли трое мужчин. Судя по дорогой одежде и ярким «солнышкам» на груди, облеченные властью маги. Один, высокий брюнет лет сорока с темными, коротко стриженными волосами, слегка наклонив голову, выслушал доклад Мариуса, дружески похлопал его по плечу и отпустил. Затем обратил внимание на нас с Пушистиком. Коротко кивнул, уже привычно не проявив должного уважения к моему титулу и полу, и холодно произнес:

– Приветствую вас, принцесса Оливия. Его величество ждет вас с самого утра.

Будто по моей вине мы опоздали к определенному времени.

– Добрый вечер, уважаемый лар. Мне позволят привести себя в порядок перед аудиенцией у его величества? – спокойно, но с нажимом спросила я у этого не пожелавшего представиться мужчины, по-видимому, коменданта.

Забеспокоившегося пса я крепко держала за ошейник – молодой же, может учудить что-нибудь. А как к нему отнесутся те, кто ненавидит меня, лучше не проверять.

– Если только по самым неотложным... делам, – едва заметно ухмыльнувшись, надменно смиловившись комендант явно аристократического происхождения.

– Благодарю вас за любезность, лар, – ледяным тоном ответила я.

Глаза высокомерного брюнета вспыхнули недовольством, но он промолчал, жестом предложив следовать за ним.

Комнату мне выделили на втором этаже. Пока мы поднимались туда по лестницам и коридорам, освещенным масляными лампами, я растеряла огромную долю уверенности и апломба – устала с дороги, замерзла и проголодалась. А голод переношу плохо.

Первый год после отчуждения обществом приходилось тяжело. Оставшись в одиночестве и будучи избалованной принцессой, я ума не могла приложить, чем можно заработать на жизнь. Да еще и обворованная, измученная... Это голодное, суровое время мне крепко запомнилось.

Пройдя в аскетичную, кельеподобную комнатушку, я повернулась вполоборота и не попросила, а приказала:

– В число неотложных нужд входит и легкий горячий ужин. Мне и моему питомцу!

«Гостеприимный хозяин» смерил меня мрачным взглядом, но возражать не стал – закрыл дверь в комнату, как отрезал.

Вернувшись из отхожего места, я увидела два своих кофра. Умылась ледяной водой, затем, дрожа от холода и нервного напряжения, переоделась в теплое шерстяное платье, самое нарядное из тех, что у меня остались от прежней жизни. Хотя что я могла одна унести? Едва-едва.

Пока Пушистик с ворчанием обнюхивал углы незнакомой территории, я замерла с зеркалом в руках – маленьким, в простой рамке, по какой-то случайности оказавшемся в этой более чем скромной комнате, – разглядывая свое отражение. Три года назад мои щечки были пухленькими, как и фигура, сейчас же черты лица стали вполне взрослыми, четко выраженными.

В свете свечей моя молочного оттенка кожа выглядит бледной, особенно на контрасте с черными как смоль прямыми волосами, убранными в косу. Под большими серыми глазами, блестящими от охвативших меня эмоций, опущенными длинными, густыми, черными ресницами, залегли тени. Я невольно сморщила прямой нос и поджала губы, похожие на мамины, в форме сердечка. Очень нежные, мягкие черты лица. Впрочем, как и характер... Был. Жесткой и целеустремленной была кронпринцесса Александра, моя старшая сестра.

Коротким именем Алекс сестру называла только я, остальным это и в голову не приходило. Ее прочили в королевы Цветаны. А вот меня родные и близкие ласково называли Оли. Просто и коротко. Или Ягодка. Моим уделом были сады королевства, в которые я вдыхала жизнь.

Девушку с грустным усталым лицом, с уныло опущенными уголками рта вряд ли кто-то теперь назовет Ягодкой. Тяжело думать, что никто и никогда. Тем более из дворян Цветаны никто не выжил, кроме моего кузена. По крайней мере, о себе никто не заявил в течение последних лет. Спаслись большей частью жители окраин. Жаль, люди не сразу поняли, какую угрозу представляют белые, пытались отстоять свои деревни, города, дома. С топорами, вилами, святыми атрибутами наших богов. Что сейчас в тех краях творится – жутко даже представить! Магия белых не просто замораживает: некоторые люди сами превращаются в ледяных бездушных монстров.

От Цветаны не осталось ничего, кроме одинокой проклятой принцессы!

Я поправила шерстяное черное платье с красивой вышивкой серебром. Недолго думая, надела лисью шубку, иначе по пути на аудиенцию замерзну в коридорах форта. С момента гибели сестры я постоянно ощущала внутренний холод. Мерзла, даже когда жарило солнце или рядом пылал огонь в печи. Вновь поймала свое отражение в зеркале: женщина в трауре. А ведь не появилась на Эйре белые, эти годы обещали быть самыми чудесными, романтичными, с непременными балами и праздниками. Возможно, мне бы повезло обрести супружеское счастье... любовь...

В двадцать один год я подчас чувствовала себя потрепанной суровой жизнью старухой. Что поделать, беды заставляют людей слишком рано взрослеть.

На прием к Бариусу Семнадцатому я вошла с гордо поднятой головой, тщательно скрывая сильное беспокойство. Окинула взглядом довольно большой кабинет, освещенный десятком свечей в затейливых бронзовых канделябрах. Уютно потрескивали дрова в камине, языки пламени бросали причудливые тени на стены, украшенные гобеленами в красных тонах, тяжелую дубовую мебель и суровые, непроницаемые лица присутствующих.

За массивным столом восседал его величество, как и я одетый в черное. Седые волосы, мягкой волной лежавшие на его плечах, подчеркивали благородные черты волевого лица, испещренного морщинами, твердый упрямый подбородок. Глаза блеклые и водянистые от старости, но взгляд жесткий, безжалостный.

Этот человек лишил меня последнего. Сделал сиротой!

Королевская свита в лице первого королевского советника, министра внутренних дел и главы боевых магов (тоже в темных одеждах) заслуживала отдельного внимания. Но я глаз не могла оторвать от короля, потому что три дня подозревала, предполагала, раздумывала о цели своего визита. Есть все основания ожидать, что сейчас произойдет нечто очень важное.

Я присела в коротком реверансе, как пристало принцессе перед королем другого государства. Бариус Семнадцатый даже не кивнул, рассматривая меня с четвероногим спутником, затем жестом указал на широкий, удобный, мягкий стул рядом с собой. Ну что ж, я и не надеялась, что Его Величество Король Дармаша по мне соскучились. А между тем в голове мелькали предположения одно страшнее другого: «По какому делу меня «приказано доставить» именно сюда, на границу с белыми?»

Наконец король соблаговолил начать разговор:

– Хорошо выглядишь, девочка. – Пренебрежительный тон, будто к деревенской простушке обращался, звучал оскорбительно. – Рад, что твоя жизнь налаживается.

– Хотелось бы думать. Но не благодаря вам, ваше величество.

Я выдержала ровный, уважительный тон.

Ожидая продолжения беседы, я невозмутимо смотрела на короля, размеренно поглаживая мастифа по голове, которую тот пристроил у меня на коленях, и в который раз радовалась, что взяла его с собой.

– Я присматривал за вами, – спокойно ответил он, но уже с большим уважением. – В конце концов, вы моя дальняя родственница.

– Ваше величество, значит, вы были осведомлены, что мне пришлось голодать?

– Но вы выстояли. Это весьма похвально.

– Мне повезло: лето в тот год наступило раньше. И благодаря своей магии я ускорила рост овощей и фруктов... – С трудом удержалась, чтобы не повысить голос, но не от насущного вопроса: – Ваше величество, могу я узнать, зачем меня привезли сюда?

Король помолчал, затем его взгляд потяжелел. Видимо, Бариус Семнадцатый утомился изображать доброжелательного родственника.

– Нам всем повезло: процветание нашего мира, населенного людьми, в интересах риирцев. Они согласились спасти Эйр от белых, – объявил его величество.

Я напряглась, как натянутая тетива. Неужели?!

Об этом таинственном народе мне известно лишь понаслышке. Видела однажды, и то мельком. Говорят, риирцы появились в нашем мире так же как и белые, через случайный портал. Но немного раньше, лет десять назад. Самое важное, что бывшие жители погибшего, как они рассказали, мира Риир не принесли Эйру ни бед, ни сколько-нибудь заметных неприятностей. Они укрылись в труднодоступных скалистых горах и среди людей показывались крайне редко. Враждебности не проявляли, слыли очень сильными магами (а к таковым отношение особое), вели закрытый образ жизни и никого не трогали.

Именно по причине безвредности риирцев, или темных – название этих иномирцев, ставшее куда более распространенным у людей, – мы с простодушным любопытством наблюдали за появлением белых. Никто из двухсот человек, находившихся в тот момент в подвале королевского дворца Цветаны, не ожидал открытого и стремительного нападения со стороны очередных пришельцев.

– Риирцы? Действительно повезло! Ваше величество, я несказанно рада этой новости! – вежливо ответила я.

А мысленно застонала от боли: «Где же они раньше были со своей помощью? Когда за считанные дни погибла моя страна!»

Три высокопоставленные особы Дармаша молча сверлили меня взглядами. Бариус Семнадцатый взирал менее пристально. Наконец он продолжил:

– В настоящий момент ситуация такова: над Дармашем нависла угроза уничтожения. Через пару месяцев граница «зимы» передвинется к стенам самой столицы.

Я вздрогнула, услышав неожиданное известие. Неужели нынешняя, с огромным трудом налаженная, более-менее сытая жизнь снова рухнет через какие-то жалкие два месяца?

– Несколько дней назад представители всех королевских династий Эйра договорились о совместных действиях против белых. И темные решили помочь.

– И в чем будет заключаться их помощь? – хрипло выдавила я.

– Несколько их... – людьми риирцев назвать бы никто не решился, поэтому король мгновение-другое подбирал слово, – представителей смогли добраться до Цветаны. Более того, до самого дворца. Выяснили обстановку, прощупали энергетику. И нашли решение нашей общей проблемы: как одолеть белых.

– О! И как же? – потрясенно выдохнула я.

– Необходимо закрыть, захлопнуть портал, через который они тянут магию своего мира и вымораживают все живое в нашем. Белые могут передвигаться только по снегу, жить только в лютom холоде, а живое тепло для них будто... наркотик. Вызывает кратковременный экстаз. Мы не выяснили, чем они питаются, долго ли живут, но тепло для них – просто удовольствие. Без которого, в принципе, спокойно можно жить.

– То есть люди и все живое на Эйре – совершенно лишние... – в страхе прошептала я.

– Да, – кивнул король и устало потер переносицу. На краткий миг я посочувствовала ему как человеку, которому грозит потерять то же, что и мне в свое время. – Слава всем богам, Риир не заинтересован в гибели Эйра. Темные предпочитают тепло и... партнерство с людьми.

– Какое счастье... для людей, – не сдержала я иронии.

Бариус бросил нервный взгляд мне за спину, но в его глазах мелькнула усмешка.

– Верно, – наконец кинул он.

Свита короля смотрела на меня с нескрываемым неудовольствием, подвигнув поинтересоваться опять:

– Ваше величество, позвольте вновь спросить: зачем здесь я?

В комнате повисла тяжелая, мучительная тишина, предупреждающая, что ответ мне не понравится.

– Защитная магия рода Малина! – произнес Бариус и цепким острым взглядом уставился на меня. Я начала догадываться, о чем пойдет речь. – Темные смогли добраться до дворца, но внутрь им не пробраться – ваша магия не пускает.

– Да, верно, ваше величество, мои предки постоянно укрепляли родовой замок, заботились о неприступности стен дворца... снаружи... – Я судорожно вдохнула, но тут же резко выдохнула: – Подождите, какая защита? Белые захватили замок, и я думала, ее уничтожили?! Ведь монстры легко проникали внутрь.

Ответить мне король жестом поручил советнику, старому магу с неприятно дребезжащим голосом.

– Портал в мир белых создали внутри дворца. Более того, мы предположили, что ваш дед провел ритуал призыва, то есть сам пригласил иномирцев не только в наш мир, но и в ваш дворец. Проще говоря, выдал им проезжую грамоту. Теперь уже бессрочный, свободный доступ.

– Значит, если запретить доступ во Дворец Малина каким-либо образом, то...

– Необходимо захлопнуть портал, чтобы закрыть вход враждебной

силе. Так и только так! – оборвал меня министр. – А с ледяными тварями, которые останутся на нашей земле, мы разберемся. Очень надеюсь – в скором времени. И тепло нашего мира поможет.

– Хорошая идея, – осторожно поддержала я, уже предполагая, что скажут дальше, но не желая верить в чудовищное предположение.

Бариус встал, я тоже, отчего Пушистик тревожно заворчал, подняв морду.

– Оливия Малина, вы ключ для входа во дворец. Вам, принцесса, придется отправиться вместе с темными в Цветану, чтобы...

– Нет! – Я отчаянно замотала головой, не в силах сказать других слов. – Нет! Нет!

– Девочка, неужели ты не понимаешь? Выбора нет! – повысил голос король, снова оставив титулы, вежливость и напускную доброжелательность. – Ты последняя из рода Малина. И только ты пройдешь внутрь дворца.

– Нет! Я туда не пойду! Я не последняя! – выпалила я. – Остался еще мой кузен Шарль Малина. Он мужчина, боевой маг, воин... был им когда-то... – выдавила последнее горькое замечание.

– Его убили пару недель назад в порту одного из южных королевств. А защита пропустит только живого Малина. Хотя тело твоего кузена тоже доставили сюда.

Я рухнула на стул. Слезы подступили и грозили хлынуть нескончаемым потоком. Сердце обливалось кровью, но не от скорби по кузену, а потому что теперь действительно осталась последней в роду.

– Мы соболезнуем вам, – прогнусавил советник короля.

– Не стоит. – Я тряхнула головой и поднялась. Твердо посмотрела на Бариуса и заявила: – Я не вернусь в Цветану. Если не дадите карету на обратный путь, пойду пешком.

– Вас, принцесса Оливия Малина, не примут ни в одном королевстве. Ни одни городские ворота не откроются перед вами. Более того, вас будут травить собаками и...

К давлению, отторжению и презрению я была готова, да и страх сейчас пропал, остались лишь горечь, злость и неимоверная усталость.

– А что изменится в сравнении с моим теперешним положением? Ошибся один – мой дед. Но за его ошибку заплатили все Малина. Вся Цветана! Мой отец в первой линии сдерживал натиск белых. Давал возможность уйти своим подданным, защищал не только свою семью, но и народ. А мы? Мы поднимали земляные валы, отдавали все силы, чтобы задержать нашествие. Из-за этого моя сестра столкнулась лицом к лицу с

белым, а потом несколько дней умирала, по капле отдавая душу и замерзая.

Я всхлипнула, не сдержав уже ярости:

– А вы?! Вы, кузен моей матери, выгнали ее на улицу, как нищенку, бросили на произвол судьбы двух несчастных, обездоленных женщин. Вы же знали, что вдовствующая королева и принцесса вряд ли смогут выжить в столице без поддержки. Вы знали, что мама слишком гордая, а боли и потерь слишком много, чтобы выдержать.

– Из-за вашего рода погибает весь мир. Вы должны...

– Должна? – Я удивленно уставилась на величественного дядюшку. – Единственное, что я была должна – скрыть, что нашла маму повесившейся в сарае нашего дома после того, как вы выгнали ее, прилюдно плюнув под ноги. Должна была похоронить маму в тихом месте, чтобы ее бедная душа обрела покой. Соблюсти традиции и предать ее земле не как проклятую дважды, своим народом и богами, а как добрую, праведную, верующую женщину, которой не хватило сил жить дальше. Я должна была выживать, когда весь мир отказался от меня и возненавидел. Строить свое будущее... одна. В восемнадцать лет, не имея за душой ничего, кроме нескольких тряпок и этой шубки, захваченных во время побега. Ваше величество, никому я ничего не должна! Вы сами, лично, провозгласили, что род Малина проклят и мертв для этого мира. Да будет так!

Я глухо рычала, опираясь кулаками на стол перед Его Королевским Величеством. Немыслимо!

– Ты должна! Можешь понять, что король не имеет права на слабину? А вы... ваш род виновен в нашествии монстров, – настаивал он.

– Сколько раз случались подобные истории в прошлом? – Я задрала подбородок, теперь будто взирая на него свысока. – Когда кровожадные правители сталкивали между собой народы, когда стирались с лица Эйра целые королевства. А что потом? Династический брак – и мир, дружба, заздравный кубок.

– Тут совершенно другое дело! – жестко парировал Бариус Семнадцатый.

– Три года назад вы об этом не знали. Но без колебаний и сомнений отказались от родственной ветви, быстро вычеркнув нас из жизни. А сейчас хотите, чтобы ради вас я вновь вернулась туда? Посылаете меня ради вас на смерть? – Мой голос дрогнул, столько горечи и обиды накопилось. – Вы не можете заставить меня...

– Если вы добровольно поможете, то очистите имя Малина. Вам вернут все регалии и...

– А с меня никто их не снимал! – прошипела я взбешенно. – Мой

король умер. Только он мог лишить меня имени и титула, но не вы. Более того, теперь я единственная претендую на корону Цветаны! И только белые могут оспорить этот факт.

Мы с его величеством испытывали друг друга злыми взглядами. Наконец он, как более мудрый и опытный, глубоко вдохнул и спокойно заговорил:

– Ваше высочество, в случае добровольной помощи ваше право на корону Цветаны признает каждый из правителей двадцати девяти государств. Более того, я клянусь, что никто из нас не будет притязать на территории вашего королевства. Их вернут исконным жителям, чтобы они восстановили благоденствие родного дома.

Вернут мне дом? Мою прежнюю жизнь? Против этого возразить было нечего. Я даже дыхание затаила. Пойти на смерть ради своей родины?! Но мой любимый дом, сады... сейчас замороженные. А согласятся ли вернуться туда те немногие, кто выжил? Вернуться туда, где только монстры бездушные, замерзшие мертвяки и лютый холод?

Сморгнула повисшую на ресницах слезу и мотнула головой:

– Вы не понимаете, я просто не могу... никто не сможет...

– Темные смогли и говорят, что проведут вас, – вкрадчиво произнес министр, скользя ко мне ближе, словно гончая, почувствовавшая усталость дичи.

Я качала головой, чувствуя, как замерзаю, только представив, что творится в родных краях. Неожиданно король и его приближенные напряглись. В следующий миг свита отступила, а меня окутало странным «живым» теплом. Пушистик, сидевший смирно, заскулил, прижавшись к моим ногам.

Медленно обернувшись, я ошеломленно замерла, успев увидеть, как из темной массы, похожей на облако, сформировалась фигура. Широкоплечая мужская фигура. Через мгновение я во все глаза смотрела на высокого, облаченного в длинный, плотно запахнутый плащ неожиданного гостя, лицо которого скрывал глубоко надвинутый капюшон.

Потрясающе: плащ этот, словно живой, колыхался черной дымкой вокруг незнакомца. Я невольно всматривалась под капюшон, пока темный туман там не рассеялся. Появилось светлое пятно лица, затем на нем проступили, оформились нечеткие черты. Описать внешность мужчины было невозможно, потому что лицо «плыло», менялось, не принимая окончательный вариант. И лишь бледно-голубые глаза неведомо откуда взявшегося гостя мерцали. Мерцали невероятно, завораживающе, таинственно.

– Жизни вам желаю, принцесса Оливия, – прошепестел из-под капюшона голос – глубокий, сильный, уверенный.

Лицо незнакомца вновь заволокла тьма и скрыла под краями капюшона.

«Жуть!» – успела подумать я, оседая на пол и, кажется, потеряла сознание.

Глава 3

Форт Тартус. Хейго

Очнувшись, я какое-то время лежала с закрытыми глазами. Неподвижно, прислушиваясь к собственным ощущениям, определяя свое местоположение, осторожно проверяя пространство токами силы и доступными обычному человеку способами: пытаюсь различить звуки и приносясь. Наверняка меня перенесли в другое место, где даже пахнет приятнее и тепло. Божественный запах трав, еды и горящих дров! Даже желудок призывно заурчал от голода.

Открыв глаза, я увидела, что лежу на прямо-таки роскошной мягкой кровати в комнате, гораздо больше выделенной мне поначалу, хорошо освещенной свечами. Даже хмыкнула мысленно: «Стоило упасть в обморок, и вместо клетушки мне нашли приличные покои. Вот еще бы накормили».

Внимание сразу привлекла миловидная женщина средних лет в скромном теплом платье, чепце из беленого полотна, аккуратном сером фартуке с большими карманами. Она подкладывала дрова в большой камин, в котором весело потрескивал огонь. Благодаря ему да толстому пуховому одеялу мне было жарко.

Заметив, что я зашевелилась и немного приподнялась, незнакомка неожиданно широко, с облегчением улыбнулась и быстро подошла ко мне:

– Ваше высочество пришли в себя? Вот и ладно! Вот и славно! Давайте-ка выпьем отварчика полезного, сил набраться...

Она откинула одеяло, помогая мне сесть, и вручила горячую кружку с ароматным травяным чаем. О, какая прелесть! В нем еще и ягоды сушеной малины плавают!

Некоторое время я невольно наслаждалась запахом и вкусом, отметив, что в отваре успокаивающий сбор. Казалось бы, тепло, светло и мягко – красота. Если бы не ситуация и незнакомка, говорившая на цветанском наречии. Богатые покои и соотечественница-горничная насторожили. Что дальше?

Я спустила ноги на пушистую овечью шкуру и поправила платье. Женщина тем временем ловко надела мне на ноги шерстяные носки и заставила встать. Затем и вовсе удивила – вытащила из кармана мерную ленту и, не сказав ни слова, начала меня обмерять: руки, ноги, бедра, грудь.

– Мне собираются шить новый гардероб? – спросила я, скрывая за ироничным тоном растерянность.

– Ну а как же, ваше высочество?! Говорят, за Гранью лютый холод, если даже здесь, рядом с ней морозно, – как ни в чем не бывало пояснила женщина, прикладывая ко мне ленту. – Всю неделю по приказу его величества лучшие портнихи и скорняк шьют для вас одежду в поход. А уж какие вам сапожки невиданные сладили – загляденье! Говорят, с самого севера порталами прислали, – щебетала она, обмеряя мою голову. – Я самолично видела: толстые, из валяной шерсти, а внутри еще и мехом утеплены. Как в таких и ходить-то можно – не знаю. Осталось только подошву по вашей ножке пришить, чтобы, как сказали, полегче идти было.

– Порталами? – сипло, недоверчиво выдохнула я. – Сапоги?

Уж кому как не мне, магу и принцессе, известно, что порталами пользуются редко. Сильных магов очень мало, особенно способных раздвигать пространство, и сейчас вся их мощь идет на подпитку границы. А тут... сапоги.

Женщина проверила, что в моей кружке ничего не осталось, посадила меня на кровать и ловко придвинула небольшой столик с дымящимся блюдом. Под крышкой оказался большой кусок жареного мяса и – невиданное дело – свежие овощи в начале лета!

– А как же иначе? Наши маги силу только на самое необходимое тратят. Обувку эту да гроб с его высочеством Шарлем порталами переправили. А вас решили уже обычным путем привезти. Сил-то на все разом не напасешься, кто-то должен и Грань питать... Кушайте, ваше высочество. Путь-то неблизкий ждет. Надежда только на вас. Спасение целого мира! Так что кушайте плотно, когда еще горячего доведется...

Я сердито посмотрела на назойливую наставницу.

– Послушайте, лара, к сожалению, не знаю вашего имени?..

– Нина я, ваше высочество. Нина Полевая, ваша подданная. Из Белоголовки...

Фразу «Я никуда идти не собираюсь» пришлось проглотить. Белоголовка – небольшой городок нашего королевства. Вокруг него на огромных полях сеяли рожь, гречиху, выращивали лен, из которого ткали замечательные ткани. Но в память врезались не сады и нивы, а то, как мы пытались задержать белых. Собственными руками уничтожали подмерзшие посевы, уже присыпанные снегом, когда поднимали пласты земли, удерживая врага за земляным валом. Давая возможность жителям спастись. И именно там один из иномирцев ранил Александру, в конечном счете вытянув из нее душу и тепло жизни.

Я смотрела на поникшую не то горничную, не то портниху, раз вон как сноровисто обмеривала, и чувствовала, что у самой сердце сжимается от боли. Видимо, она все прочла по моим глазам – на несколько мгновений прижала меня за плечи к себе, понятливо покивала, а потом с тяжелым вздохом налила в опустевшую кружку отвара и протянула мне. Наши пальцы на миг соединились, взгляды встретились, и в ее глазах отразилось тоже много боли и печали.

Нина грустно улыбнулась, пожала округлыми плечами и как-то по-житейски убедительно сказала:

– Ну а кто кроме вас-то? Больше-то и некому. Я б вместо вас пошла, да не дали боги королевским отпрыском родиться.

– Я боюсь, – шепотом призналась я. – Мы же обе знаем, что там ждет любого... живого.

Она поморщилась и печально покивала, потом, вздохнув еще тяжелее, поделилась:

– У меня много родни... было. Благодаря вам, ваше высочество, королеве и принцессе Александре мы с мужем и сыновьями уйти успели. Дальше Тартуса не пошли, дюже надеялись, что нечисть эту остановит кто. Долго ждали, думали, с той стороны кто еще из родни да земляков объявится... живой... да не было никого. А граница-то все ближе. И вот чего я боюсь: придут эти твари в другие города и деревни. Так же нежданно-негаданно нагрянут, как к нам... в Белоголовку. А там ребяташки, бабы, скотина. Вспомните, сколько по дороге сюда мы лесов прошли, сколько там зверья было, а теперь... пусто. И вот как представляю я, что ледяная пустыня по всему Эйру будет – и жить больше не хочется... А вам, ваше высочество?

Нина подхватила выскользнувшую из моих рук кружку, а я спрятала лицо в ладонях и зашлась в сухих рыданиях, вздрагивая всем телом. Неожиданно хлопнула дверь – и мне в коленки уткнулся холодной мордой Пушистик. Видимо, его во двор побегать отправляли, пока я здесь отлеживалась.

– Ну что же вы себя заранее хороните? – расстроилась Нина, опять подняла меня с кровати и повела в уборную, ласково увещевая: – Вы ж не одна пойдете туда, вас Ключом зовут. Вот как ценный ключ и повезут. Ох уж эти темные! Дрожь от них пробирает до самых косточек. Но говорят, с ними вам сам владыка подземного мира не страшен!

Совершенно неприлично и не по-королевски шмыгнув носом, я хмыкнула, подражая ей:

– Ох уж и успокоили вы меня, добрая лара. Добавили храбрости...

Нина хихикнула, сразу прикрыла широкий рот ладонью, а потом, покачивая головой, подталкивая меня в спину, завела за ширму.

Я привела себя в порядок, поплескала в лицо водой и, более-менее успокоившись, вернулась обратно. К моему удивлению, вместо Нины и пса увидела его величество Бариуса Семнадцатого, расположившегося в кресле у камина, и риирца, замершего в паре шагов от двери.

Король коротко указал на соседнее кресло. Я повиновалась. И тут из-под кровати высунулся Пушистик, забавно подполз ко мне и примостился рядом, прижавшись теплым боком к ногам, смутив окончательно. Мало того, пес-переросток, от которого шарахались в столице, пугливо косил глазом в сторону темного. Кажется, мы с четвероногим сторожем поменялись местами – теперь я охраняю его. Даже «веселая» мысль пришла в голову: «Хороший защитничек у тебя, Оли!»

Но поведение трусишки мастифа, как ни странно, придало уверенности, поэтому под капюшон темного я заглянула без содрогания. И вновь сердце замерло, словно время остановилось. Непроглядная темень рассеялась, являя светлое пятно лица, на котором быстро появились привычные человеческие черты.

Фу-ух, теперь даже дышать стало легче.

Мгновение-другое я не могла оторвать взгляд от едва заметно колеблющейся в свете камина фигуры иномирца в плаще-тьме. Причем видела одно – реального «человека», а подразумевала другое – сущность у этого создания природы не вещественная, что ли. Словно темный-претемный туман завис над полом в виде человеческой фигуры. Дрожал-перетекал-клубился плащ, шевелились края капюшона... Но ведь ни моя одежда, ни короля так не шевелилась! Мало того, от малейшего движения риирца возникал шлейф рассеивающейся тьмы. Непривычное, загадочное, устрашающее зрелище неведомой сущности, находиться рядом с которой – весьма суровое испытание.

Я натянуто улыбнулась темному и постаралась, чтобы голос не дрожал:

– Простите мою слабость, лар...

– Нам с вами предстоит совместная дорога и условности ни к чему. Зовите меня по имени – Хейго. И если позволите, за Гранью к вам мы будем обращаться тоже коротко – леди Оливия, – шелестящий мужской голос вновь пробрал меня до мурашек на коже.

– Я понимаю, – мой голос прозвучал неуверенно.

Какая насмешка и ирония! Темный даже не сомневался, что я пойду с ним, не спрашивал моего согласия, не склонял к единственному решению,

как его величество, который сомневался, до сего момента тревожно сверлил меня взглядом. А этот... Хейго... запредельного облика иномирец с замысловатым именем все уже решил – и с титулами, и с походом. И, не растекаясь мыслью по древу, в две фразы поставил перед фактом: я иду с ним в Цветану!

Вместе с тем надо отдать темному должное: условности соблюдены, он даже проявил вежливость, оставив мне выбор, хоть и призрачный. Спрашивал позволения, которое ему, в сущности, не нужно, и заодно наметил наше взаимодействие. Это же надо так уметь!

– Ваше высочество, я рад, что вы приняли верное решение! – не скрывал удовлетворения король.

– Не ради вас, ваше величество, – холодно отозвалась я. – Соболаговолите представить обещанную королевскую грамоту!

– Мы заранее озаботились документами, – одобрительно блеснул глазами его величество и протянул свиток с королевскими печатями.

– Вы лично принесете мне клятву на крови в качестве гаранта подлинности документа, – потребовала я.

Король Дармаша вновь улыбнулся и быстро уколол палец концом кинжала. Поклялся следовать букве договора и расслабился, приняв снисходительный вид. Хейго наблюдал за происходящим, не проявляя любопытства, так мне показалось. Но в его жутких ледяных глазах мелькнула мрачная заинтересованность, а может, это тоже показалось в мерцающем пламени огня.

– Лар Хейго, я хотела бы знать, когда и как мы отправимся в... Цветану?

– Послезавтра, на рассвете, – прошелестел темный, привычно заставив меня дрогнуть. – К этому времени вам подготовят одежду и соберут в дорогу. А насчет «как» – это наша забота. Вам лишь надлежит знать, что с нами вы в безопасности, и в точности выполнять указания.

Подозревая некий подвох, я переводила взгляд с одного собеседника на другого, пока не поняла, что мне с ними не тягаться. Больше для самоуспокоения спросила вновь:

– И все-таки, как мы будем добираться?

– Сначала на лошадях, а большую часть пути – на лыжах и санях, – сообщил темный.

– А как же провиант? Пушистик ест много, и...

– Ваш пес останется здесь! – категорично заявил король.

Я разъяренно уставилась на него:

– Вы отобрали у меня все, что не досталось белым, последнего

человека, которого я любила. Пушистик – единственное близкое мне существо, а вы хотите лишить меня и его! Нет! И еще раз нет!

– Вы...

Темный, к моему полному изумлению, вскинул руку, призвав его величество замолчать и пояснил сам:

– Монстры белых чутко реагируют на любое тепло, охотятся за ним, уничтожают. Собаке там не выжить. А наши силы будут уходить на сокрытие вашего тепла и защиту.

– Но... лошадей же вы берете? – чувствуя, что слезы подступают к горлу, выдавила я.

– Когда вы их увидите, поймете почему, – ровно ответил Хейго, плавно переместившись к королю.

– Ваше высочество... – необычайно эмоционально начал Бариус, – Оливия, детка, я клянусь лично взять твоего пса под опеку. За ним будут ухаживать и кормить до твоего возвращения. Когда бы это ни произошло. Я прослежу за тем, чтобы твой... э-э-э... Пушистик был в полном порядке и доволен жизнью, пока вас не будет.

Я зарылась пальцами в мягкую густую собачью шерсть. Пес косил на меня тревожным взглядом, а у меня внутри все переворачивалось от боли. Но вдруг будто мысленно споткнулась – впервые за три года не ощутила внутреннего льда. После смерти сестры я словно забрала часть терзавшего, убивавшего ее холода, а сейчас... тепло. Неужели из-за предстоящей кампании по спасению мира? Ведь раньше даже в жару летнюю маялась. Я резко подняла взгляд на темного и выпалила:

– Лар Хейго, вы сказали, что будете скрывать мое тепло. А как же ваше собственное? – Следующую догадку придушенно просипела: – Или вы... дух, привидение, не имеющее плоти?

Его величество насмешливо хмыкнул. Видимо, гораздо больше моего узнал о риирцах. На более четко проступившем лице Хейго появилась улыбка, прежде чем он ответил:

– Мы имеем две формы. Скажем так: истинную – элементаря Тьмы – и вторую, реальное воплощение, в которой можем удовлетворять свои плотские... потребности и... производить потомство.

– Тьма – не стихия, это лишь...

Не смогла я промолчать, услышав спорное заявление, но меня прервали.

– В вашем понимании – возможно! В нашем – это именно стихия. И ближе всего сущность риирцев именно к понятию элементарей Тьмы.

Поймав себя на том, что совершенно неподобающе вытаращилась на

духа стихии, я опустила глаза, но в следующий миг опять уставилась на него. Любопытство не выдержало. Темный рассмеялся, глядя на меня, словно зашуршал резко поднятый ветром ворох сухих листьев: необычно, завораживающе, но зловеще.

– Простите за бестактность, лар Хейго.

От смущения щеки полыхнули жаром.

– Нам предстоит весьма сложное путешествие, поэтому давайте оставим неловкость и смущение. В походе вы должны сообщать мне обо всем, что вас тревожит, мучает и беспокоит. От взаимного доверия зависит исход дела.

– Хорошо, – уныло кивнула я и, подняв взгляд от своих коленей, проследила размытый шлейф – в этот момент Хейго отошел от короля, по-видимому, к чему-то прислушиваясь.

– Вынужден вас покинуть. Ваше величество, ваше высочество, – коротко кивнул он, и следом – словно тьма взорвалась мелкими брызгами – исчез.

Опомнилась я, прижимая за шею Пушистика, дрожавшего всем телом. Испуганно воскликнула:

– Боги, какие же они... жуткие!

– Полностью с вами согласен, принцесса Оливия. Меня от них тоже пробирает. И выглядят темные словно близнецы.

– Почему они не могут перенести меня к дворцу таким вот образом? Зачем рисковать и добираться несколько недель, рискуя жизнью? Или маги-портальщики переместили бы.

– Темные сказали, что переносятся, растворяясь в своей Тьме. Человек не может... растворяться. Их способ просто убьет вас. Да и любого другого. Вы должны знать, что прорыв можно сделать по заданным знакомым вехам, которые можешь почувствовать. А мы не смогли найти ни одного... живого порталщика из ваших. Или хотя бы соседей.

Его величество невольно обращался ко мне то по-родственному на «ты», то снова делая акцент на «вы». Но меня беспокоило другое:

– Потому что маги погибли первыми, спасая других. В Цветане в первый же день погибло большинство людей, наделенных даром. Никто толком не понимал, что происходит и откуда белые твари лезут. Вообще, белые легко вычленили магов среди людей и сразу уничтожали.

– Маги выделяют гораздо больше тепла, нежели обычные люди, поэтому мы для белых – словно факел в темноте, словно маяк.

Перспектива стать ярким призывным факелом для белых поразила меня до глубины души. Как же выжить в Цветане?

Король медленно встал, словно вся тяжесть мира легла на его плечи.

– Отдыхайте, завтра будет тяжелый день. Вам понадобятся все силы. Я рад, что не ошибся в вас, Оливия, – добавил он, направляясь к двери. Остановившись, посмотрел на меня совсем по-стариковски, устало: – Обещаю, что за вашим псом как следует присмотрят. И... сожалею, что тогда... принял неверное решение. Очень сожалею.

Горькие слова сами собой сорвались с моих губ:

– Только ничего уже не исправить.

Глава 4

Форт Тартус. Светлые и темные

Утро началось со сплошных примерок, от чего я, признаться, отвыкла, поэтому переносила как повинность. Нудную, но обязательную. А раньше часами вертелась перед модистками, горничными и подружками-фрейлинами, выбирая наряд. С другой стороны, одежду, которую осталось подогнать по моей фигуре, нельзя считать нарядной. Гардероб получился теплый, добротный, шерстяной, меховой, непривычный, необычный – все для похода за Грань. И больше походил на военное снаряжение. На душе стало чуть-чуть спокойнее, однако ненадолго.

Потому что затем в сопровождении Нины я пошла к целителю. К счастью, он оказался довольно-таки пожилым магом, а то бы сгорела со стыда, ведь помимо осмотра пришлось отвечать на множество неловких вопросов. Кто бы мог подумать, что моя женская сущность может помешать спасению Эйра? Дело оказалось в способности монстров белого мира чувствовать кровь и тепло, а значит, как важно выразился целитель, необходимо свести к минимуму возможные риски. Короче говоря, чтобы нас не обнаружили, я должна быть «чиста». пылая лицом от смущения, не зная, куда глаза отвести, призналась, что «грязные» дни у меня только прошли.

Не успела вздохнуть с облегчением, уходя от целителя, в голову пришла крайне неприятная мысль: «А как же в пути справлять свои телесные надобности? Под присмотром иномирных спутников? О-хо-хо!...»

Нет, пусть все летит к Хозяину Подземного царства, но «в кустики бегать» я предпочитаю в одиночестве! Дальше дум о походе в мужской компании стало еще больше. В частности, об отсутствии этих самых кустиков в ледяной пустыне.

Я была готова взвыть, когда нас с Ниной, видимо, приставленной ко мне в качестве компаньонки, на выходе из лазарета встретил Мариус. Неожиданно вежливый и учтивый, он не просто кивнул, как делал до сегодняшнего дня, а отвесил должный моему статусу поклон. Нина тепло, приветливо, искренне радуясь, улыбнулась ему, поясню склонившись, подтвердив мою догадку о том, что этот пограничник действительно аристократ и, по-видимому, неплохой человек.

– Ваше высочество, лорд Хортус и лорд Мардариус ждут вас внизу и

просят уделить им время, – уведомил меня Мариус.

Надо же – просят! Спрашивать о причине встречи не стала, скоро узнаю сама. Но червячок любопытства зашевелился. Неспроста главный боевой маг Дармаша и первый советник короля хотят со мной поговорить. И печальный взгляд Нины тому свидетельство.

Ожидая новых неприятностей, я шла за Мариусом по коридору и успокаивала себя мыслью, что хуже уже некуда, а лорды будут обсуждать со мной организационные вопросы. Наконец мы вышли из основного здания, где проживали комендант и офицеры форта, и остановились. В отличие от нас, сразу поднявших плечи на пронизывающем ледяном ветру и засунувших носы в воротники, Пушистик обрадовался, получив разрешение побегать по двору. Честно говоря, он своевольно рванул вперед без такового, а я отдала команду «Гуляй!» ему вслед.

Завернув за угол, я увидела у входа в подвал советника с главным магом, тоже зябко ежившихся. В чем была с ними согласна: подобная погода и обстоятельства вряд ли кому-то по нраву. Мне опять отвесили поклон и обратились по этикету. Удивительно, неужели выданная вчера королевская грамота с «разрешением» вернуть себе трон захваченной Цветаны изменила мой статус? Или это прощальный подарок проклятой принцессе, чтобы не передумала идти на смертельный риск?

– Давайте спустимся вниз и там... переговорим. Здесь слишком холодно и ветрено, – проскрипел советник, по-стариковски опираясь на толстую палку из дорогого полированного дерева. – А ваш пес пока побегает во дворе.

Оглянувшись на шум, я увидела Пушистика, с азартом несущегося за кудахтавшей курицей, неизвестно зачем вылезшей из теплого курятника. Но тут наперерез им выскочил разгневанный петух, саданул клювом моего проглота по носу. Дальше уже пес-переросток, обиженно заскулив, улепетывал от воинственной птицы. И смех и грех.

– Никакого воспитания у собаки, – тихо проворчал советник, осуждающе качая седой головой.

– Ему только год, ваша светлость, – заступилась я за пострадавшего от «пограничной» живности питомца. Сама же, к собственному стыду, мысленно согласившись с замечанием.

Лорд Хортус наставительно заметил:

– Хорошего защитника воспитывают до года, далее – бесполезно!

Я промолчала, стиснув зубы. Не признаваться же, что меня попросту обманули и вместо комнатного песика всучили будущего лохматого переростка. И что понятия не имела, как тренируют больших сторожевых

собак, поэтому положила на доброе отношение и любовь к Пушистику. Он платил мне той же монетой, хоть порой вел себя несносно.

Мой недовоспитанный защитник, видимо, по незнанию территории форта путаясь в направлении, пронесся мимо. Кажется, ему все равно, от кого бегать. Хоть от петуха. Лишь бы бегать, а не сидеть чинно в помещении да смотреть на хозяйкины примерки. Как я его понимаю!

В темный провал лестницы, ведущей в подвал, я ступила с содроганием. И причина тому – события трехлетней давности, появление белых в нашем мире из портала, открытого в подземелье. Но на первой же площадке почувствовала, что снизу потянуло сухим теплом. Путь освещали масляные лампы.

– Эти подвалы остались от старого здания. Их раньше использовали под лазареты, особенно когда раненых было много, поэтому здесь сухо и... чисто, – словно подслушав мои мысли, сказала Нина, спускавшаяся за мной.

Зачем ее приставили ко мне? Для присмотра, чтобы не сбежала? Или для соблюдения приличий – правила, по которому незамужняя аристократка не может обойтись без компаньонки? Споткнувшись, я с горечью усмехнулась: «Точно старуха раздражаюсь, брюзжу, ворчу... Хорошо еще, что про себя, а то образ был бы полным».

Мы спустились в довольно большое помещение с тщательно подметенным, утоптаным полом и каменными стенами, освещаемое несколькими лампами, подвешенными за крючья к толстым деревянным балкам. А вот гроб, установленный на длинном столе в центре этого подземного «зала», я увидеть не ожидала. Более того, стеклянный, с золотыми гранями, блестящими в свете ламп, и искусной рунической вязью. Догадавшись, что это за гроб, я потрясенно воскликнула:

– Вы привезли сюда тело Святого Дария?

Наверное, каждый житель Эйра знает, что принц и боевой маг Дарий Венценосный тысячу лет назад спас свою страну Южную Морану. Отдал жизнь и душу духам гор, запечатав армию врагов в ущелье. С того времени его тело сохраняли в этом древнем артефакте-саркофаге, в котором оно не подвергалось тлену, пока маги на его родине искали способ вернуть своему герою жизнь и душу.

– Боги, зачем он здесь? Почему?

Затаив дыхание, я на носочках подошла к столу и замерла, рассматривая тело, покоившееся под стеклом.

Меня захлестнула боль. Дикая, беспросветная, душевная боль и горькие воспоминания. Оказалось, вместо прославленного героя древний

артефакт теперь хранил от разложения тело Шарля Малины. Знакомое до каждой черточки лицо кузена носило печать пьянства, предсмертной боли и страха. Будто он не далее как вчера испустил дух от удара ножом в живот.

Кровь запеклась на дорогом, изрядно потрепанном камзоле Шарля. Кудрявые, пшеничного цвета волосы неряшливыми, слипшимися прядями обрамляли его узкое благородное лицо. Внешностью кузен пошел в свою красавицу-блондинку мать, принцессу с запада, а более грубые, резковатые черты рода Малина не унаследовал. К сожалению, вместе со стойкостью, силой духа и храбростью. Лишь прозрачно-серый цвет глаз достался Шарлю от отца.

Судорожно всхлипнула, не выдержав переполнявших меня эмоций. Не такой я представляла нашу встречу.

– Мы соболезуем вашей утрате, и...

– Не надо! – вырвалось у меня. Советник и боевой маг удивленно замерли. – Я жалею только об одном. Что он не умер три года назад, вместо отца, сестры или любого другого цветанца.

Нина испуганно охнула, а я вновь уставилась на труп презренного родственника. Хотелось вытряхнуть его из этого древнего саркофага, чтобы не осквернял, и попинать от души.

– Он проявил себя, только спасая собственную шкуру. В спешке мы взяли с собой немного драгоценностей, денег... – Я вздохнула, вспоминая побег. Нам было не до королевской сокровищницы. – А в тот день, когда маме отказали, с позором выгнали из дворца, Шарль сбежал вместе с нашими драгоценностями.

– Какой ужас! – почти беззвучно выдохнула Нина, не удержавшись.

– А дальше вы уже знаете, – закончила я, вспоминая предательство, окончательно сломившее несчастную королеву, не захотевшую бороться за жизнь дальше. Даже ради меня.

Поступок Шарля стал последней каплей, переполнившей чашу маминого горя, выплеснувшуюся в продолжение череды моих кошмаров. В восемнадцать лет остаться сиротой с самоубийцей на руках и жалкими крохами в кармане – даже врагу не пожелаешь. После похорон я продала украшения, какие были на мне, кроме родового перстня. Вырученных денег хватило на небольшое поместье на окраине города – и все.

Я никогда и никому не расскажу, что по ночам лазила по чужим огородам в поисках брошенных или приготовленных на корм скоту овощей. Никогда и никому не признаюсь, чего мне стоило выжить в первый год и как страшен голод для того, кто ни разу в жизни не испытывал противного сосущего желудок чувства пустоты. Долгие одинокие ночи, когда

вздрагивала от каждого шороха, а сны приходили только вместе с кошмарами.

– Его величество сожалеет, – проскрипел советник, не глядя мне в глаза и не поясняя, о чем сожалеет король погибающего королевства.

– Зачем этого... поместили в саркофаг великого мага? – едва не шипела от злости я.

Боевой маг Хортус встал по другую сторону саркофага и заглянул мне в лицо:

– Чтобы уничтожить портал!

Я вскинула взгляд:

– Но ведь портал пообещали закрыть темные...

– Портал создал ваш двоюродный дед Римус Малина, использовал свою кровь при проведении ритуала.

Я похолодела, но невольно кивнула, а Хортус продолжил:

– Чтобы закрыть портал в мир белых, нам нужен кто-то из рода Малина. Вы, ваше высочество, – ключ для входа во дворец и должны быть живой. А тело вашего кузена послужит... хм... порталной заглушкой. Поэтому важно довести его в максимально сохраненном виде. Темные успокоили нас: чтобы послужить еще своему... хм... народу, Шарлю Малине не обязательно быть живым.

– А если бы не нашли Шарля, то меня бы...

Не успела я порадоваться своей «везучести», советник Мардариус заявил, для значительности даже выставив указательный палец:

– Вы только представьте себе, ваше высочество, насколько значима ваша миссия для Эйра. Ведь Южная Морана доверила вам свою святыню. Пока вы не вернетесь, лучшие маги будут своими силами сохранять тело Дария Венценосного.

Я не удержалась от глупейшего, но насущного вопроса:

– А если не вернемся?

Первый советник и главный боевой маг Дармаша посмотрели на меня с укоризной.

– Тогда нет смысла сохранять тело великого героя, – пробурчала Нина, снова нарушив этикет.

Глядя на тело проклятого родственника, я нервно усмехнулась:

– Тяжела доля героя...

– Позвольте заметить, ваше высочество, спасти мир будут темные, – язвительно начал советник, – а вы всего-навсего... – И запнулся. Хотел, наверное, сказать «обуза» или что-то подобное, но передумал: – Ключ, который в целости и сохранности доставят к стенам дворца и сделают дело

за вас.

Видимо, не понял, что я сочувствовала Дарию Венценосному, а не о себе столь высокого мнения. Так и хотелось не менее язвительно предложить ему самому отправиться в легкую и приятную прогулку за Грань, но выразилась по-другому:

– Хорошо бы к концу нашего путешествия меня вместе с Шарлем в один гроб не уложили, чтобы доставить в более-менее целом виде.

– Ой, не говорите так, ваше высочество! – испуганно всплеснула руками Нина и опустила голову, словно чувствовала себя виновной.

– Ваша светлость, как темные собираются по ледяной пустыне тащить стеклянный гроб? – обеспокоилась я.

Светлости дружно поморщились. Отчего-то они каждый раз нервничали и выражали недовольство, вспоминая об обещаниях темных.

– Темные собираются уменьшить его... как-то. Саркофаг – магический артефакт. Они сказали, это можно сделать, – не стал вдаваться в подробности советник. А может, и сам не знал как.

– Вы только тело родственника собирались мне показать? – напомнила я, прервав затянувшееся неловкое молчание.

– Его величеству не хотелось бы неожиданностей завтра, перед отправлением в поход. Он решил заранее показать и предупредить вас, ваше высочество, – сообщил Хортус, делая шаг назад. – Не смею вас больше задерживать.

Я покивала и отважилась коснуться пальцами стеклянной крышки. Холодная. Ненависти к кузену больше не испытывала, она растворилась в разочаровании и боли очередной потери. Зато усилилось странное ощущение, будто меня угораздило попасть в страшную сказку, откуда никак не выбраться, а героя все нет и нет.

Нина взяла меня под локоть и настойчиво потянула к лестнице:

– Ступайте ваше высочество, у вас полным-полно забот: и собраться, и покушать, и в баньке погреться напоследок... А то путь неблизкий, говорят, почти три недели...

Я мысленно улыбалась, слушая подзабытый, приятный уху цветанский говорок, поднимаясь наверх, оставляя прошлое за спиной.

У выхода нас догнал Хортус, учтиво распахнул дверь и пропустил первыми из подвала, словно невзначай заметив:

– В центральной башне вам предстоит сегодня еще одна встреча... – Поймав мой напряженный взгляд, продолжил осторожно: – с вашими телохранителями. С темными! Лар Хейго решил познакомить вас с ними заранее, чтобы завтра не случилось... э-э-э...

– Истерики? – с иронией предположила я и добавила: – Чтобы принцессу в обмороке не пришлось навьючивать на лошадь?

Хортус ухмыльнулся, пожав широкими плечами, обтянутыми теплой, стеганой форменной курткой, которую боевые маги носят под подбитыми мехом плащами.

– В который раз убеждаюсь, что юные леди часто не сдержаны на язык, болтуны... – донеслось скрипучее ворчание советника, с трудом поднимавшегося по лестнице за нами.

И все-таки он здесь, выполняет свой долг в замерзающем Тартусе, что достойно похвалы. Я обернулась и с горечью ответила:

– Часто юные леди за своими остротами пытаются скрыть страх. Неужели подобную малость им нельзя простить, ваша светлость?

Советник шумно дышал, запыхавшись от подъема, поэтому лишь кивнул согласно. На его лице не отразилось прежнего порицания, лишь мелькнуло непонятное сожаление.

Следуя за провожатыми, я все глубже зарывалась в меховой воротник, таким незамысловатым образом пытаюсь спрятаться от холодного ветра и от любопытных взглядов, хотя и убеждала себя, что членам королевской семьи не избежать чужого внимания и должно гордо нести голову. У главной сторожевой башни, возвышавшейся над всем фортом, Нина поклонилась и, повинувшись распоряжению советника, ушла, тихо сказав мне, что найдет Пушистика. Надо полагать, ей присутствовать на встрече ни к чему.

Первый этаж тартусской башни, или Зал Перемирия, оказался похож на те, что довелось увидеть в Цветане. Я успела побывать в трех подобных пограничных фортах, когда отец брал нас с Алекс в поездки по королевству. Круглый зал со стенами из тесаного камня, два огромных очага, на которых защитники готовят пищу при осаде, широкая винтовая лестница наверх и широкие лавки вдоль стен, где не только сидят, но и спят.

Нас уже ждали его величество Бариус Семнадцатый в окружении личной охраны, трех крепких боевых магов, и министр внутренних дел Дармаша герцог Ложен. В народе его называли Волчарой. Этот страшный непримиримый страж королевства с обычно суровым видом теперь страдал от простуды. Посмотрев на меня, он неожиданно громко чихнул и под недовольным взглядом его величества сконфуженно вытер нос платком.

– Герцог, обратились бы к целителю, в конце концов, – не без сочувствия посоветовал ему король, поворачиваясь ко мне.

– Доброе утро, ваше величество, – склонилась я. Затем приветствовала вставшего с лавки герцога Ложена: – Ваше сиятельство.

– Доброе утро, ваше высочество, – кивнул король, быстро, тревожно переглянулся с моими сопровождающими и, видимо, узрев хороший знак, успокоился. – Почему-то наши спасители задерживаются...

Стоило замечанию сорваться с уст, воздух в центре зала словно загустел, потемнел, завихрился, а потом из воронок начали одна за другой появляться темные фигуры в плащах.

Я невольно шагнула за спину Хортусу, мужчине надежному, смелому и одному из сильнейших магов королевства. Свита сплоченной группой встала вокруг короля.

Семь мужчин, закутанных в черные плащи с глубоко надвинутыми на лица капюшонами, словно живое воплощение самой Тьмы, замерли неровным строем. Все как на подбор, одного роста. Особенности фигур скрывали плащи, но ширина плеч впечатляющая. Я подметила пока только одну отличительную особенность риирцев – насыщенность черного цвета их плащей имела оттенки.

Его величество прав: рядом с ними жутко. Вон как все люди побледнели.

Риирцы как-то неуловимо, только шлейфы мелькнули, «растеклись», распределились по залу таким образом, чтобы присматривать за каждым магом. Двое встали рядом с нами. Я с неприкрытым интересом, отчасти перебившим страх перед неведомым, переводила взгляд то на одного, то на другого пришельца, которые, по словам Хейго, принимали «человеческий» вид лишь для продолжения рода и в случае нужды.

Лиц риирцев, скрытых капюшонами и «дымкой», я не могла рассмотреть, но на подсознательном уровне, кожей чувствовала, что меня тоже разглядывают, изучают. Причем Хейго, с которым мы познакомились, среди этих двоих нет.

– Приветствуем вас, лары! И желаем долгих лет жизни! – обратился к спасителям его величество.

Из середины зала прозвучал знакомый шелестящий голос:

– И вам долгой жизни, всем!

Люди держались настороженно, верно, как и я, боялись раскрыть рот и ждали продолжения от риирцев. У меня сердце где-то в горле колотилось от страха: как с ними, этими порождениями тьмы, иномирцами, мужчинами (вроде бы) отправляться в длительное опаснейшее

путешествие? Неужели придется доверить им свою жизнь, а значит, и душу?

Наконец лорд Хортус отмер и отступил в сторону, оставляя меня в центре зала в одиночестве:

– Позвольте представить вам, лары, ее высочество принцессу Цветанскую Оливию Малина.

Я невольно скосила глаза на подол своего платья и нашла его вполне приемлемым для церемонии официального представления иноземным гостям в неторжественной обстановке. Поверх платья меня согревала шубка из лисы-огневки, тоже достойная королевского приема. Капор я сняла, а прямые длинные черные волосы мастерица на все руки Нина сегодня утром помогла уложить в сложный затейливый узел, перевитый лентой, «как полагается принцессе».

Вспомнила, что, взглянув на себя в зеркало перед выходом «в свет», отметила посвежевший цвет лица – мягкая постель и хорошая еда сделали доброе дело. Рыжий и черный тона одежды подчеркивали белизну моей кожи, нежные черты лица и «отдохнувшие» серые глаза. В следующий момент я одумалась и мысленно отругала себя за желание покрасоваться, не ударить в грязь лицом. И перед кем? Призраками, в сущности. Которым, вполне возможно, совершенно все равно, как я выгляжу. Может быть, у них иные представления о красоте...

Стремительное движение, несколько темных шлейфов – и все риирцы предстали передо мной. В следующее мгновение я почувствовала, что кровь отлила от лица, наверняка сделав щеки бледными от ужаса. Каким-то чудом с криком не сорвавшись с места, я переводила взгляд с одного элементаря на другого и внезапно ощутила, что холод, терзавший меня последние годы, полностью отпустил. Стало тепло, как вчера, во время знакомства с одним из них. Неужели так действует магия риирцев?

И снова по наитию догадалась, что третий слева – Хейго.

Я нервно облизала губы. Сжав кулаки, попыталась вернуть немного смелости, сделав несколько шажков вдоль ряда. Неуверенно улыбнувшись, кивнула:

– Рада вас вновь видеть, лар Хейго. Может, возьмете на себя труд представить ваших... спутников?

На последнем слове я запнулась, потому что в этот момент все семеро едва заметно дрогнули, словно в удивлении, и под капюшонами проступили лица. Увы, его величество прав: они словно близнецы. Второе отличие – глаза, у всех семерых сиявшие разными цветами. Светлоголубых больше не было ни у кого. Значит, я не обозналась.

Голубоглазый риирец выступил вперед, улыбнулся и прошелестел:
– Ваша наблюдательность делает вам честь, леди Оливия.

Меня до костей пробрало страхом под его пристальным, изучающим взглядом, и снова победило тепло, излучаемое риирцами. Оно приятно согревало, давая умиротворяющее, но, как я заподозрила, ложное ощущение защищенности.

Наверняка отметив мое вынужденное молчание, Хейго продолжил, указывая на сделавшего шаг из строя элементаря с глазами зелеными, как сочная весенняя трава:

– Позвольте представить вам Кайго.

Затем вышел следующий, с синими глазами оттенка, называемого королевским. Под цвет мантии, в которой коронуют.

– Свер. Они с Кайго отвечают за груз... за саркофаг.

Я машинально кивала, запоминала, изумлялась...

– Теперь ваша личная охрана. – Хейго, кажется, улыбнулся, указывая на остальных участников похода. – Фрей, Тьюго, Хал, Тиж.

Глубокий пурпурный цвет глаз Тижа потряс. Таких у людей не бывает! Впрочем, у каждого из них поразительно яркие, насыщенного цвета глаза. Невероятные! У Фрея – фиолетовые, темные, глубокие, словно омуты. Тьюго согрел меня медово-желтыми – будто в них солнце спряталось от стужи. У Хала – сине-зеленые, как морские воды у побережья моей родины в солнечную погоду. Может, в глазах Хала плескался целый океан?

Почти не дыша я смотрела на команду темных освободителей, к которой должна примкнуть. Боялась и в то же время восхищалась, ловила себя на том, что совершенно необоснованно почувствовала к ним расположение.

В глазах элементарей Тьмы бушевала сама жизнь. Разве такое возможно?

Будучи под впечатлением от знакомства с темными, дальнейшее я воспринимала отстраненно. Разговоры, договоренности, нюансы... Но четко запомнила несколько простых правил, которые мне приказали выполнять риирцы: ни на шаг не отходить от назначенного охранника, не кричать, не магичить, всегда сообщать о том, что беспокоит. Все вроде бы ясные и простые, но почти невыполнимые за Гранью. Кажется, новоявленные защитники тоже это поняли.

Потом мне позволили уйти.

Глава 5

Форт Тартус. Начало пути

Я критично окинула взглядом набитую под завязку кожаную суму со своей новой теплой одеждой. А затем – разложенную на кровати, в которую собралась облачаться. И озабоченно пробормотала себе под нос:

«Как бы в ней еще научиться ходить и сносно двигаться?»

Ведь вчера, пока перемерила и научилась надевать необычные обновки, – запарилась. Рядом с первой сумой Нина поставила вторую, наконец-то завязав постромки. Там мы упаковали не менее важную часть моей поклажи: целебные травы, порошки, притирания и всякую всячину, включая артефакты, – все в пути пригодится, особенно, когда хочется выжить любой ценой.

В плотных шерстяных штанах я чувствовала себя крайне неловко, словно раздетая, хотя одежды на мне гораздо больше, нежели обычно. То ли еще будет, когда мы пойдем дальше и приблизимся к источнику лютого холода?

Пошевелила пальцами ног, разглядывая серые толстые носки, специально связанные под сапоги из валяной шерсти светло-серого цвета. В одном из северных королевств они назывались «уни». Вот бы посмотреть на овечек, с которых стригут почти белую шерсть! Оттуда же позаимствовали и покрой штанов, пошитых так, чтобы справлять телесные надобности на холоде – можно развести в стороны штанины. Покрой, как меня заверила портниха, будучи более осведомленной, – бабий. В тех дальних краях настолько холодно, что никому в голову не приходит зад морозить, снимая штаны. Да и каким условностям в угоду, если разобраться?

Кроме того, от северян мне достался плотный свитер, который я надела на рубаху. Сказали, что новенький. И самое интересное: вяжут их тамошние мужчины. Долгими темными зимними днями. Даже ячеистый узор на свитере – в каждом роду свой, неповторимый – не только для красоты, а еще и оберегом служит. Но под всю эту непривычную амуницию я надела тонкое батистовое белье, кожа у меня нежная, к грубой ткани непривычная.

– Пора, ваше высочество! – хрипло от волнения объявила Нина, протягивая мне меховые одежды.

Влезла я в них быстро, не зря училась накануне, и замерла, разглядывая себя в самом большом зеркале, которое нашлось в форте. Снеговик – вот на кого я стала похожа! Чтобы не выделялась на снегу, мне пошили из белоснежного северного песка шубку по колено и совсем невидаль – штаны меховые. Я утонула в шикарном, приятном на ощупь пушистом меху, как ни странно, оказавшемся легким по весу.

Еще одна невидаль – не привычный капор, а меховой капюшон, плотно прилегающий к голове, закрывающий лоб, с тесемочками под подбородком, чтобы ветром не сдувало, как и на манжетах и подоле для плотного прилегания к телу, и на штанинах, накрывающих голенища уни. По словам скорняка, так холоду будет перекрыта любая лазейка. Завершили мой наряд песцовые рукавички, привязанные к краю рукава, теплый пушистый шарф и варежки, связанные из кроличьего пуха. Чем не снежная королева?! Вернее, принцесса.

В зеркале отразилась бесформенная меховая фигура с неуклюже расставленными ногами, разведенными в стороны руками. В обрамлении меха виднелась только часть лица с блестящими от едва сдерживаемых слез, настороженными глазами да раздумавшимися от жары щеками и закушенными от нервов губами. Как есть Снежная... баба! Несчастная, испуганная, надеющаяся только на снисхождение судьбы.

– Вас поди заждались внизу лар Хейго, его величество и все-все-все, – взволнованно поторопила Нина.

– Да, иду, – кивнула я, откидывая капюшон.

Поправила вязаную белую шапку и, с непривычки раскачиваясь из стороны в сторону, неловко потопала на выход. Перед тем как мне облачаться, Пушистика закрыли в другой комнате, чтобы ни меня, ни его не расстраивать больше, чем уже есть. С ним я попрощались рано утром, когда за окном было еще темно. Сидела на кровати и гладила мохнатую голову, опасаясь заглядывать в печальные, все понимающие собачьи глаза, и говорила, говорила, говорила... А хотелось выть.

Со второго этажа я спускалась медленно, осторожно, но все равно не удержалась, поскользнулась на последних ступеньках и замахала руками, пытаясь удержать равновесие. Нина вскрикнула, потянувшись ко мне, но не успела перехватить. Зато я краем глаза уловила черный шлейф – и в следующий миг оказалась на руках у Хейго.

Даже через многочисленные одежды я почувствовала крепкие, сильные руки и едва ли не каменное тело иномирца, видимо, ради моего спасения сменившего ипостась. Все произошло столь неожиданно, и мужчина оказался так близко и столь ощутимо, что я еще больше

испугалась и даже зажмурилась.

– Все в порядке, леди Оливия! Вы не упали... до конца, – прошелестел над ухом необычный голос темного, в котором я, к своему полному удивлению, уловила насмешку. И внутренний холод начал отпускать.

Хейго поставил меня на ноги и чуть отступил, дав возможность вдохнуть свободнее и обрести немного уверенности. Причем настолько, что я набралась смелости взглянуть ему в лицо. Отметила вспыхнувшие ярким светом бледно-голубые глаза и более отчетливо проступившие, чем до этого случая, черты лица, но обрисовать, запечатлеть их в памяти мне опять не удалось.

«Интересно, как им удастся мгновенно менять ипостась?» – билось в голове. А еще было неудобно и стыдно. Наконец удалось хрипло выдавить:

– Благодарю вас, лар Хейго, за помощь и... простите. Это все нервное...

– Понятно, вы просто волнуетесь перед дорогой.

Я кивнула, мысленно поблагодарив темного за то, что не заострял внимания на моей истерике. Стыдливо отвела взгляд – и тут же увидела наблюдавших за нами его величество, свиту и стражей. Они смотрели с любопытством и едва заметным сочувствием, пожалуй, впервые вошли в мое положение – человека, испытывающего безотчетный страх перед темными. Наш общий страх, не раз мелькавший на лицах этих, без сомнения, храбрых мужчин.

Затем нас с Хейго сопроводили к конюшне, где в лучах рассвета в полной готовности выдвинуться замерли другие темные рядом со старыми заезженными клячами, накрытыми плотными попонами. Да на них садиться жалко, а не в дорогу брать!

– Не смотрите на них обреченно, леди Оливия, – неожиданно раздался голос одного из элементарей, – лошади вполне в состоянии дойти до границы и дальше. Старые животные не выделяют много тепла по причине угасания жизненных сил, поэтому скрывать их какое-то время удастся без труда. А дальше либо сами замерзнут, либо монстры сожрут...

– Какой ужас! – возмутилась я, невольно прижав ладони в меховых рукавицах к щекам.

– Это вынужденная мера, ваше высочество. Верхом вы быстрее доберетесь до места, где пересядете на сани, – строго прекратил мои моральные терзания лорд Хортус. – Поэтому мы используем старых лошадей.

– И поэтому вашего питомца, принцесса, оставили здесь, – веско заметил его величество.

И обратил внимание на приближающуюся к нам процессию из шести пограничников, несших нашу поклажу или груз, как говорили темные, – стеклянный саркофаг с телом Шарля Малины. Последнего представителя мужского пола проклятого королевского рода, а также жалкого труса и подлого вора.

Стражи осторожно поставили ношу на мерзлую землю и торопливо отступили. К саркофагу приблизился Кайго, если я верно запомнила цвет глаз этого риирца. Блеснув в неясной утренней мгле зелеными глазами, присел перед древним артефактом, положил ладони, тоже меняющие очертания, на стекло – и через несколько мгновений от них брызнула во все стороны тьма. Обволокла, скрыла саркофаг в невообразимой клубящейся массе и, кажется, начала сжимать. В первый момент мне именно так показалось.

Люди, дрогнув, отшатнулись, затем кто-то отошел еще дальше, кто-то нашел в себе силы стоять на месте. Но опасаться больше было нечего. Тьма медленно, будто неохотно, вернулась в ладони Кайго, а перед нами остался лежать на земле стеклянный артефакт. Только узкий, с ладонь, и длиной не больше пары локтей. После протяжного удивленного вздоха людей, большинство которых составляют маги, уменьшившийся «груз» аккуратно замотали одеялом, засунули в меховой мешок и приторочили к лошади.

За спинами короля и советников собралось, наверное, все не занятое непосредственно службой население форта. Задерживаться далее было незачем – разобранные сани, как я поняла, и провиант для меня уже навьючили на старых лошадок, отправляющихся в последний путь. На пятую, свободную, меня посадил лорд Хортус.

– Пусть вам сопутствует удача в благом деле избавления Эйра от белых! – торжественно произнес его величество.

– А как же... они? – шепотом обратилась я к Хортусу. – Лошадей-то всего пять и все с поклажей. На каких поедут темные?

– Пойдут пешком. Они довольно быстро передвигаются на своих ногах, – тоже шепотом ответил этот боевой маг, улыбнувшись глазами. – С богами, ваше высочество.

«Если у них вообще есть ноги», – подумала я, кивнув Хортусу. Проследив направление его быстрого взгляда (на подол плаща ближайшего темного), поняла, что он тоже сомневается.

Ворота форта с тоскливым скрипом медленно закрылись за нами. Я спиной чувствовала тяжелые безрадостные взгляды пограничников. От исхода нашей миссии будет зависеть и их жизнь, хоть она у этих боевых магов постоянно находится на острие.

Первое время я оборачивалась на последний оплот людей, противостоящий холоду и монстрам. Но мы в хорошем темпе удалялись от форта, и когда я уже не смогла разглядеть стражей на башне, поняла, что осталась один на один с риирцами, существами мужского пола. Мало того, совершенно чуждыми, наверняка с иными нравами, жизненными устоями и правилами. Даже призраки – и то когда-то были людьми. А элементали – незнакомая форма жизни абсолютно. Я чувствовала себя несчастной и одинокой маленькой заложницей в окружении больших, широкоплечих, высоких... мужчин. Жутких созданий.

Насмотревшись на унылый пейзаж, начала исподтишка наблюдать за своими спутниками, в первую очередь заинтересовавшись особенностями их передвижения. Пять лошадей темные распределили следующим образом: за ведущей, которую держал за повод один из них, парами шли другие четверо. Первая лошадь везла сани, следующая пара – провизию, последними тряслись мы с «Шарлем». Видимо, и вес артефакта уменьшился, потому что на конягу навьючили еще несколько мешков. Конечно, раздобыть еду в ледяном краю, захваченном белыми, просто невозможно. Поэтому пришлось взять с собой столько запасов.

Лошадка-старушка, на которой я ехала под присмотром Тижа, везла две сумы с моей личной поклажей. Иногда сопровождающий обращал в мою сторону «лицо», и из-под капюшона поблескивали нечеловечески пурпурные глаза, от чего поначалу бросало в дрожь. Черные плащи элементарей, словно существующие сами по себе, казалось, мели землю, но следа не оставляли. Да, земля мерзлая – я чувствовала ее слабый отклик, – но хотя бы легкую пыль поднять...

Получается, риирцы передвигаются, совсем чуть-чуть не касаясь земли. Лошади рысят, но не похоже, что темных напрягает подобная скорость. Мало того, они не идут или бегут, как люди, а – парят! И поэтому кажется, что меня сопровождают призраки. Ну мало ли, что я их вижу белым днем, не падаю в обморок от страха и, что становится привычным, чувствую особенное тепло; не важно, что повод первой коняги держит мужская рука... вроде бы. Если верить собственным глазам и ощущениям, «живая тьма» не может быть реальным, живым существом, в смысле – человеком с присущими ему качествами.

По дороге к границе мы встретили два разъезда. Пограничники, усталые и опустошенные магически, молча уступали нам дорогу и

искренне желали удачи. Скоро я перестала коситься на темных и пытаться разгадать тайну их передвижения. В конце концов, либо сами расскажут или как-то раскроются, либо по-прежнему останутся тайной за семью печатями...

Энергетическую вибрацию Грани я почувствовала внезапно. Распахнула глаза, а то даже задремать успела под мягкий ход лошадки. Тем более ночью долго уснуть не могла, гадая о своем будущем. Наконец я увидела границу в непосредственной близости. Сотни вех убегали вправо и влево, а меж ними дрожала сама суть магии людей.

Нам всем повезло, как бы противоречиво это ни звучало, что именно на моей родине дед открыл треклятый портал в другой мир. Бывшая Цветана – край каменистых гор и долин, омываемый на востоке океаном, граничивший с королевствами Коралус и Шандар. Большая часть территорий этих соседей – степи, спускающиеся к каменистым каньонам, и такие же берега.

Географически Цветана, Коралус и Шандар располагались на огромном полуострове, соединенном с единственным континентом, называемым Эйром, давшем название всему миру. Есть еще множество больших и маленьких островов, безлюдных и населенных. Некоторые – дикими племенами, до сих пор, как поговаривали бывалые мореходы, промышлявшими человечинкой. Но острова окружены водой. А белым нужна суша, большая земля!

Белые наступают на Эйр с полуострова, в западном направлении. Одно за другим вымерзли, погибли три королевства. И вот уже три года магам удастся сдерживать нелюдей на узком перешейке, где дармаши срочно установили вехи, поддерживающие Грань. Если бы портал открыли в центре огромного континента, нас бы ничто не спасло. Потому что невозможно бесконечно растягивать границу. Нет у людей столько сил.

Пока я ворочалась с боку на бок и не могла уснуть в ночь перед походом, раздумывала и над тем, почему мы не отправились океаном, ведь с востока до дворца на неделю быстрее добираться. Вот и сейчас мы почему-то уходим все дальше и дальше от форта, хотя можно пройти сквозь Грань гораздо ближе. Наверняка лучшие стратеги и сами темные маршрут проложили и рассчитали, а мне остается довериться им.

В месте прохода Грани возле костра грелись несколько магов. Ждали нас. Двое из них встали, не сказав ни слова, разошлись в стороны. Каждый у своей вешки открыл проход и махнул нам, чтобы ехали дальше.

Стоило Грани прерваться, ледяной ветер с остервенением швырнул в лицо колючий снег. А я-то во дворе форта наивно полагала, что холоднее

уже некуда. Темные поторопили лошадей двигаться быстрее.

Когда за спиной вновь завибрировала магическая преграда, я не сдержалась, всхлипнула. Конец! Путь назад отрезан. Впереди ждет лишь ужас, холод и, не приведи боги, смерть. Я обернулась посмотреть на магов, выстроившихся цепочкой. Люди провожали нас мрачными, печальными, суровыми взглядами. Думаю, они видели слезы, бегущие по моим щекам, но никто не произнес хоть слово в утешение. А уж мечтать о том, чтобы позвали обратно, под защиту Грани...

Кто бы осмелился осуждать их? Одна про́клятая принцесса в обмен на выживание целого мира – выбор очевиден!

Отвернувшись, я пригнулась и крепче вцепилась в поводья, потому что моя лошадка тоже занервничала за Гранью. И ей, и себе я прошептала слова ободрения и утешения.

Глава 6

День первый. Лица

Холод мира белых стелился коварной поземкой и замораживал, замораживал землю моего мира, поднимаясь выше и выше, расползаясь дальше и дальше. И все же, запрокинув голову, я наслаждалась ослепительными лучами солнца, просто радуясь свету. Пока это единственное, чем можно заняться, кроме мысленного перебирания бесконечных страхов и опасностей. Хотя бы отвлечься от них. Благодаря солнцу даже ставший неприятным теперь звук хрустящего под лошадиными копытами снега перестал нервировать и пугать зловещими картинками из прошлого, где снег – предвестник монстров и смерти.

В этой части Эйра сейчас должно быть теплое время года. Но полетному высоко стоящее яркое светило совсем не греет. Зато длинный день позволит делать большие переходы, если... Я подсознательно ждала появления белой напасти.

Предложение Тижа застало меня врасплох:

– Леди Оливия, полдень. Вы не хотели бы сделать остановку? По нужде?

Опустив голову, я посмотрела на темного, но в первый момент из-за солнца или по причине нежелания риирца проявить лик, увидела привычное темное размытое пятно. Поморгав, наконец сфокусировала взгляд на собеседнике, ждущем ответа:

– Да, я буду очень благодарна вам за остановку.

И быстро осмотрелась: когда-то широкий торговый тракт занесло снегом, словно белым покрывалом, искрившимся на солнце. Пушистым, расстелившимся, куда хватает взгляда. Красивый зимний пейзаж, если не знать о том, кто его «нарисовал», и о том, что эта часть света стала пустынной. С одной стороны дороги раскинулись бескрайние заснеженные поля, с другой – начался редкий голый перелесок. Ну хоть спрятаться для этих самых нужд есть где, осталось спешиться. Да только я никогда в жизни столько времени не ездила верхом. Слезть с лошади самостоятельно вряд ли смогу и тем более не отважусь просить о помощи темного.

Наш маленький отряд остановился на обочине. Тиж, посмотрев на меня, протянул руки помочь, но я резко отпрянула вместе со своей кобылкой. Сопровождающий насмешливо сверкнул красными глазами и

отступил. А я, на все лады коря себя за глупость, с трудом перекинула ногу через седло, едва сдержав стон. Натруженный зад и бедра ныли от многочасовой езды. И толстый слой меховой одежды не очень-то спасал. Разве что кожу.

Взглянув вниз, я тяжело вздохнула: если спрыгну сама, могу не удержаться на ногах. Лошадь подо мной опять занервничала и я, качнувшись, вцепилась в луку, чтобы не ухнуть на землю.

– Мы же договорились, леди Оливия! – Рядом возник вездесущий Хейго и, с поразительной легкостью подхватив меня, снял с лошади. – Вы должны слушаться нас беспрекословно. Давайте не будем рисковать вашим состоянием из-за ерунды.

От неожиданности я дернулась, но хватка у Хейго была, как и в прошлый раз, железной. Вырваться бесполезно, да и откровенно неблагодарно, ведь он просто позаботился обо мне, не выходя за рамки, давая возможность вернуть подвижность затекшим, отказывающимся держать ногам.

Следующее, о чем я задумалась, замерев в объятиях темного: можно ли схватиться за его плечи? Ведь руки на своих боках и торс, к которому я оказалась прижатой, опять ощущались более чем настоящими. И на весу меня держал, словно перышко. Еще с ним общаться легче, чем с его соплеменниками, все-таки познакомились мы чуть раньше, беседовали... И тепло, опять окутавшее меня, какое-то... почти привычное.

Да, тяжело приходится магу, когда нельзя применить силу. Поневоле чувствуешь себя не в своей тарелке, будто частично утратил органы чувств.

Наконец Хейго осторожно поставил меня на землю, но не выпустил полностью из рук, поддерживал. Я качнулась на нетвердых ногах и непроизвольно схватилась за его предплечье. Опустила глаза и – поразилась контрасту белой меховой варежки и черного рукава. Плащ уже не выглядел живым воплощением Тьмы – вполне обычного черного цвета ткань, плотного на вид переплетения. Даже сквозь варежку я чувствовала твердую мужскую руку с хорошо развитой мускулатурой. Как же быстро они меняют энергетическую форму на телесную...

Интересно, а сколько в них человеческого?

Я опасливо убрала руку и попыталась отстраниться. Ладони Хейго медленно соскользнули с моих плеч. Теперь мы не касались друг друга. Подняв лицо, я уже открыла рот, чтобы поблагодарить, и приготовила вежливую улыбку, но осеклась, поймав мужской взгляд. В светло-голубых, прозрачных, будто горные озера, глазах Хейго таилось легкое любопытство и одновременно предупреждение, что терпение его не безгранично. Снова

стало неудобно за свое поведение, пришлось срочно подбирать слова, чтобы выпутаться из дурацкой ситуации, в которую по собственной глупости и угодила.

Но получалось у меня плохо, потому что одновременно я пыталась уловить выражение лица Хейго, как обычно делала, разговаривая с людьми, и никак не могла. В какой-то миг, вглядываясь в его необыкновенно красивые глаза, единственный постоянный признак, вспомнила нашу длинную дворцовую галерею с парадными, в богатых рамах, портретами представителей династии Малина. Более всех я восхищалась изображенным на одном из них далеким предком, братом первого правителя, боевым магом, помогавшим создавать и защищать королевство Цветана, – Феодосом Малиной. Печально, что его линия прервалась, потомства он не оставил, погибнув в бою.

Частенько в компании фрейлин, таких же юных болтушек-хохотушек, как и сама, обсуждались предпочтения по части мужской красоты. Девушки (или розочки, как ласково называли молоденьких красавиц на родине) спорили, кто лучше: брюнеты или блондины. А вот я – под впечатлением от образа рыжего и голубоглазого воина Феодоса Малины, изображенного талантливым художником в боевом доспехе, – считала, что подобный тип мужчин гораздо привлекательнее. И весьма brutальный!

На продолговатом светлокожем лице Хейго все отчетливее проступали присущие ему черты. Не точь-в-точь как те, которыми я когда-то восхищалась, но неуловимо похожие: высокие скулы, упрямый подбородок, четко обрисованные, плотно сжатые, бледно-розовые губы, прямой нос с тонкими крыльями. Светлые, словно выгоревшие брови, хмуро сведенные к переносице. Высокий умный лоб с парой черточек-морщинок.

Темный маг стоял неподвижно и взирал на меня с некоторым напряжением, а я вычленяла все больше особенностей в его внешности. Пока, наконец, не увидела светлые, с рыжеватым оттенком волосы. Его облик окончательно проявился и запомнился. Ничуть не изменились только голубые глаза.

Удивительным образом во внешности Хейго переплелись, по-моему, прямо противоположные и несовместимые вещи. Рыжий «окрас» считается признаком доброго и веселого характера, но в чертах этого мужчины отразился твердый, суровый и, кажется, непримиримый нрав. А уж на дне льдистых глаз порой сам бог подземного мира чудится, доводя до мурашек, испуганно разбегающихся по телу, до дрожи в коленях.

Едва я четко разглядела риирца, извечный страх перед неизведанным загадочным и непостижимым образом отступил. «Снаружи» он оказался

почти обыкновенным мужчиной. Без сомнения, смертельно опасным и по-прежнему малознакомым. И сплошной тайной «изнутри». И в то же время голубоглазым, рыжеватым, широкоплечим, высоким... В общем-то, вполне привлекательным и вовсе не старым. Наверное, эта мысль полыхнула на моих щеках смущением, потому что после того как, шепнув «Спасибо!», я отвернулась, прямо-таки кожей почувствовала изумленные взгляды остальных шести темных. Во всяком случае, замерли они весьма выразительно.

Пару раз кашлянув, прочистила запершившее горло и поспешила в кусты. Следом за мной тенью скользнул Тиж – мелькнули красные глаза. Забравшись поглубже в облетевшие заснеженные заросли, я быстро, неловко раздвинула, стянула, скомкала одежду, даром что учили. О, ну почему все слишком сложно, даже в кустики сбегать!

Выходить к спутникам в очередной раз из кустов было мучительно стыдно. С таким-то позором я и о страхах забыла! Ненадолго забыла, оказывается. Буквально через несколько мгновений застыла на месте ни жива ни мертва, испытывая жгучее желание забраться обратно в кусты и зарыться с головой, потому что снег вокруг нас вздымался небольшими вихрями, из которых возникали монстры. Весь день ждала, когда же они появятся. Дождалась! Жуткий, леденящий душу кошмар, от которого я в первый момент хотела с криком кинуться наутек. Но в следующий миг поняла, что не могу – от ужаса и язык, и ноги словно примерзли.

Пятеро темных охраняли лошадей, положив ладони им на головы. Наверное, таким образом заставив тех тихо-смирно стоять. Лошади вращали глазами, дрожали, но не двигались, подчиняясь магам-иномирцам. Вокруг этой группы клубилась сероватая дымка, как обещано, спрятавшая темных и несчастных коняг.

Еще неизвестно, кто страшнее: Тьма или монстры.

От неминуемой расправы меня закрыли Хейго с Тижем. Казалось, они совершенно спокойно следили за огромными зверюгами, будто перед ними лошади ходили по загону. Дальше я была не в силах оторвать глаз от снежных монстров, рыскавших поблизости подобно сторожевым псам в поисках воров, отважившихся вторгнуться в хозяйские владения.

На белейшей шерсти зверей чужого мира, будто из сонма снежинок сотворенной, переливались, сияли красными искрами лучи закатного

солнца. Они плавно ступали по снегу, оставляя на нем глубокие следы от широких лап с ужасными когтями. Из голубоватых пастей вырывались белые облачка, а клыки походили на обломки сосулек. Очень-очень острых и больших сосулек, какие от любопытства ни один ребенок лизнуть не захочет. И глаза у монстров подобны кускам льда – пустые и бездушные.

Несколько тварей сновали вокруг нас, благо не нарушая границ дымки, скрывшей наше присутствие. Мы молча, неподвижно стояли, терпеливо ожидая, когда же они уберутся прочь, не обнаружив учуянного тепла. Я вцепилась зубами в меховую варежку, чтобы не разораться, когда белый монстр прошел в шаге от меня. Сердце колотилось где-то в горле и, кажется, все поджилки тряслись. Хейго сделал знак молчать и не дергаться, а от Тижа, стоявшего за спиной, прихлынула знакомая, явно магического происхождения, «волна», принесящая тепло и позволившая немного успокоиться.

Наконец монстры, тряхнув головами, взметнув снежные вихри, убрались прочь, а я всхлипнула от облегчения. Боги, ведь это еще цветочки, ягодки! Собственно белые ждут нас впереди. Трудно даже представить, как

темным в прошлый раз удалось добраться до Цветаны! И что должно стать их наградой за спасение Эйра?! Может, когда-нибудь я решусь спросить их и об этом, и многом другом. Например, о том, почему видела монстров, а они меня – нет. Но не сегодня!

Риирцы выждали какое-то время, пока не убедились, что дорога и темнеющий горизонт чисты. Меня посадили на лошадь и направили в лес. Я покорно, благодарно, вымученно улыбнулась Хейго, прошелестевшему, что недалеко есть сторожка, где мы заночуем.

Увидев вросшую в землю избушку вместо воображаемого крепкого и просторного охотничьего домика, я пала духом: моя жизнь катится под откос, в неизвестность. А ведь еще пару недель назад надеялась, что, наоборот, пошла в гору. Пришлось мысленно одернуть себя, ведь никто королевских покоев в походе не обещал. Точнее, никаких не обещал.

Темные быстро рассредоточились-разлетелись вокруг избушки, затем проверили ее внутри и завели лошадей под низкий навес. Отметив мой жалостливый взгляд, устремленный на бедных, уставших кляч, Хейго пояснил:

– Не беспокойтесь, леди Оливия, трое останутся снаружи с лошадьми и заодно зададут им корма. – Пропустил меня в хлипкую дверь и запустил под потолок магический светлячок. – Устраивайтесь, сейчас будете ужинать.

– Благодарю вас, лар Хейго, – кивнула я, сразу же почувствовав, насколько проголодалась.

Четверо темных сложили в углу тесной комнатухи, перегороденной печью, часть поклажи и предложили присесть рядом с ними. Наверное, чтобы не нервировать меня, фигуры в черных плащах приняли сидячее положение.

Деревянную плешку мне протянул Хал, риирец с бирюзовыми глазами, сияющими в сумраке убогой комнатенки особенно ярко. Как и янтарно-желтые глаза Тьюго, будто в дом забралась огромная, мягко ступающая кошка. Плешка была холодной, а мясо с картошкой – и вовсе ледяным. Чего и следовало ожидать. Разводить огонь в печи – чистейшее самоубийство. Но Хал, устроившись рядом, почти скрыв плащом-тьмой мои колени, мягко коснулся миски руками и прикрыл на миг глаза. Еда нагрелась, а я вдохнула вкусный мясной аромат и радостно воскликнула:

– Спасибо, лар Хал! Какое счастье – не придется грызть застывшую картошку.

Боги, как же мало надо, оказывается, замерзшему и голодному человеку! Уставшему настолько, что бояться уже и сил нет! Вот и я жадно

налегала на еду, оставив приличия.

Почувствовав себя после ужина совсем другим человеком, сытым и довольным, я сладко зевнула и решила укладываться спать. Глаза слипались, чего доброго с миской в руках усну. Залезла в меховой мешок, специально сшитый, чтобы ночью не замерзать, притулилась к суме с одеждой и под тихий разговор темных на неизвестном языке и ночные шорохи сразу уплыла в сон.

Глава 7

День третий – день пятый. Одинок розан

Яркий лучик света, проникший сквозь щель покореженных ставней очередной заброшенной избушки, дал знать об окончании «летней» ночи и наступлении раннего утра. Посланник солнца игриво коснулся моих век, заставляя жмуриться и прятаться под пологом мехового мешка. Я не выпалась, солнце ясное. Целыми днями трястись в седле – нелегкий труд, а ночь слишком коротка для полноценного отдыха. Мы делали достаточно большие переходы, останавливаясь только из-за меня да на короткую ночь. При встрече с монстрами темные действовали по-военному четко и слаженно, словно проводили отточенный до последнего движения ритуал.

Отодвинув край шкуры, я высунулась наружу и, выдохнув облачко пара, сразу уперлась взглядом в лежащего рядом Хейго. Вернее, парящего с закрытыми глазами в горизонтальном положении, потому что между ним и полом ничего, кроме свисающего плаща, не обнаружила. Сон как рукой сняло!

Слегка приподнявшись, удивилась еще больше: в приглушенном голубоватом свете магического светляка трое других темных, карауливших сегодня внутри избушки, тоже повисли в воздухе подобным образом. Правда, их плащи не спадали на пол, а клубились плотной живой тьмой, скрывая тела и лица. Впрочем, уверенности в том не было – может, под плащом и нет ничего. Да точно нет, духи же...

Как «сидят» – видела, но чтобы лежали по-человечески – впервые! Жутковато!

Решив не обнаруживать своего пробуждения, чтобы тайком полюбопытствовать, я посмотрела на «улегшегося» рядом со мной риирца, отметив, что привычное, присущее ему тепло продолжает исправно согревать меня. Черты его лица остались четкими и неизменными, какими день назад проявились, такими и остались. Третий день в пути, но другие темные не показали «свои» лица, видно, не захотели, и узнавала я их по цвету глаз. Кроме Хейго со мной общались только личные охранники – исключительно по необходимости, односложно, скучно.

Даже во сне лицо командира отряда было строгим, суровым, словно вырезанным из камня. И общее впечатление сглаживали лишь видневшиеся

из-под капюшона завитки рыжих волос. Неожиданно мне захотелось потрогать их, узнать, каковы они на ощупь: мягкие или жесткие, как сам риирец. Светлые брови мужчины, которого я с большим интересом рассматривала, чуть сошлись к переносице, будто он недоволен чужим вниманием или ему снится что-то неприятное.

Невольно скользнув глазами немного ниже, а то вдруг он взгляд почувствует, я осмотрела вызывающе упрямый подбородок, неожиданно оказавшийся гладким, без темной щетины. Неужели у этого мужчины нет волос на лице? Вообще? Он никогда не пользуется бритвой? Нет, ну правда?! Темный же... Дальше шел глухо закрытый ворот, и на мощной груди полы плаща словно спаяны – ни завязок, ни пуговиц. Затем я неторопливо прошлась взглядом по телу Хейго до ступней: тьма там клубилась сильнее, потому разглядеть что-либо еще оказалось невозможным. Мое любопытство – есть ли у темных ноги? – так и осталось неудовлетворенным.

Почувствовав на себе взгляд, я быстро посмотрела в лицо Хейго и вздрогнула от неожиданности – попалась! Предмет моего внимательного изучения не спал и совершенно ясными, не затуманенными сном глазами смотрел на меня. Неуловимое движение, чуть рассеянный след – и вот он уже опирается на локоть и, лежа на боку, с нескрываемым интересом тоже разглядывает меня.

С трудом подавив порыв нырнуть в мешок поглубже, как ребенок под одеяло, чтобы спрятаться от пристального льдистого взгляда иномирца, я сипло шепнула, заливаясь краской:

– Доброе утро.

– Как ваше самочувствие? – Кажется, Хейго улыбнулся глазами, а вопрос прозвучал совершенно серьезно, как будто целитель спросил. Причем уже второе утро интересовался.

– Привыкаю, – ответила я, не собираясь вдаваться в подробности о «самочувствии» моего многострадального зада. Да только от мысли, что скоро снова придется садиться в седло, утро перестало быть добрым.

Не выдержав одолевавшего второй день любопытства, отважилась спросить:

– Вы вообще спите?.. Едите?..

В конце концов, не съедят же они меня.

Сзади раздался насмешливый «хмык» и, обернувшись, я увидела взметнувшиеся полы черного плаща – «поднялся» Хал.

– Все зависит от формы нашего тела. – Черты его лица плыли, но улыбка достаточно хорошо проступила. – Элементали в первой ипостаси не

нуждаются в отдыхе, питаемся мы энергией окружающей среды. А для поддержания физической формы необходима еда и полноценный сон, как и вам, людям.

Голоса у риирцев тоже отличаются, не так ярко, как глаза, но при сходном «шелестящем» звуке тембр разный. У Хейго – более глубокий грудной; у Хала – резковатый; у Тижа – глухой. Другие спутники пока не обращались ко мне и беседы вели между собой совсем тихо. Иногда казалось, что это ветер шумит, усиливаясь, а иногда – что они безмолвно каким-то образом разговаривают.

– Но ведь сейчас вы вроде бы спали? – уточнила я, усевшись и наполовину выбравшись из мешка.

– Нет! – Хейго так же, как и Хал, резко принял вертикальное положение, отчего в стороны слегка брызнула тьма, частично скрыв мой белоснежный мех. – В этой форме мы попросту тратим время, а лежим, чтобы не пугать вас, леди Оливия.

В его голосе не прозвучало упрека – обычное пояснение, констатация факта. А по части «не пугать», так их что поставь, что положи – один черт. Но опять-таки немаловажно – заботятся о моем душевном состоянии. Еще, в который раз за время нашего знакомства, поймала себя на мысли: Хейго не сюсюкал со мной будто с ребенком, чем грешат мужчины, разговаривая с хорошенькими женщинами или молодыми незамужними аристократками. Словно те глупее обычных и замужних. Не пытался приукрасить или обмануть. Отвечал конкретно, по делу, четко и понятно.

– Можно поинтересоваться, лары? – не унималась я, коль собеседники не выражали недовольства моей, нет, не настырностью, любознательностью. – Зачем меня одели в белое, а сами – в черном? Вы же выдаете нас... на снегу...

Тиж с Тьюго молча забрали поклажу и вышли из избушки. Отвечать пришлось Халу:

– Мы – энергетические сущности, как вы говорите, духи стихии, поэтому монстры нас не видят в первой ипостаси. Мы наблюдали за ними и выяснили, что они ориентируются на тепло. И перерожденные люди тоже. Выражаясь ученым языком, обладают тепловым зрением, поэтому им все равно, какого цвета наша одежда. А вот их хозяева, которых вы называли белыми, цвета различают. Мы специально проверяли. Цвет вашей одежды может послужить защитой, не полной, но не лишней. Мало ли что в дороге может произойти... Ни те, ни другие не представляют для нас опасности, когда мы в этой форме!

О! Вот это новость! Значит, монстры и белые темным не страшны, но

тоже не по нраву. Меня же в белое нарядили, чтобы, если что, как они сказали, могла слиться с окружающей природой или прикинуться старой шубой, ненароком забытой под каким-нибудь кустом. Хотя нет – новой. Замечательно!

Я вздохнула, еще не определившись, радоваться или не очень этой новости, а следующий вопрос сам собой сорвался с языка:

– Лары, скажите, почему мы не сразу напротив форта перешли границу, а ушли дальше? Ведь несколько часов потеряли...

Хал переглянулся с Хейго, поручая тому самому отвечать:

– Если бы мы пересекли границу напротив Тартуса, пришлось бы идти через погибший городок. Я не уверен, что вы смогли бы перенести это печальное зрелище спокойно... как это у вас называется... без душевных переживаний. Там много перерожденных, и некоторые в поисках живого тепла добираются до Грани. Ваши пограничники с ними сталкиваются ежедневно и посоветовали не рисковать вашим... самочувствием сразу, а обойти неблагоприятное место и дать немного привыкнуть. К нам!

Несколько долгих мгновений я смотрела на него, переваривая короткие, но емкие сведения. Ведь совершенно забыла про Дышовец и тамошних жителей. Перерожденных, как назвал их риирец, или зомби, на наш лад. На самом деле это «замороженные» люди, душу которых забрали белые. Заразили лютым холодом. Бродят теперь те несчастные голодным зверьем, подобно монстрам белых, и ищут живое тепло, чтобы согреться. Но разве без души можно согреться? Сама утратила лишь частичку души – и то постоянно мучаюсь от холода. Вот и сейчас, зябко передернулась, разворошив воспоминания и испытывая душевную боль.

Три года прошло, но мне до сих пор слишком больно.

Они правы, прислушиваться и приглядываться я только вчера к вечеру начала, обвыкнувшись с моим надежным иномирным окружением и слегка осмелев. Хотелось задать темным сотни вопросов. Но пришлось усмирить природную любознательность и вылезти из мешка.

Рассеянно потеряла лицо, нестерпимо хотела хотя бы умыться, хотя бы снегом. К бытовой магии я пока не прибегала в силу прямого запрета. Но, думаю, стоит попробовать обсудить это с риирцами. Вчера они неизменно грели мне еду. С собой нам собрали мясо с картошкой, без опаски, что пропадет. Конечно, в таком-то холоде!

Отняв ладони от лица, я вновь тяжело вздохнула и поймала на себе изучающий взгляд Хейго. Чтобы спрятаться от него, занялась укладыванием шкуры и спального мешка, своей единственной обязанностью, помимо изматывающей верховой езды. Едва я выпрямилась,

закончив со сборами спального места, рядом возник Хейго и протянул мне небольшой деревянный тазик, наверняка найденный в этой хибарке. Какая радость: в нем под защитой серой дымки, скрывающей тепло, плескалась вода, от которой поднимался пар. Совсем немного, но вполне достаточно, чтобы умыться.

Я благодарно взяла тазик:

– Спасибо!

Хейго бесстрастно кивнул и, забрав мой мешок, вышел. Видимо, он даже не понял, какой подарок сейчас преподнес. В отличие от охранников, непосредственно опекавших меня, подумал о такой мелочи как обычное умывание.

Оставшись одна, я, недолго думая, отчаянно содрогаясь от холода, разделась до пояса, умылась и наскоро обтерлась едва теплой водой. И тем не менее завязывая последнюю тесемочку на своем меховом облачении, чувствовала себя превосходно, мысленно послав благодарность заботливому мужчине.

На пятый день пути я привыкла и уверилась, что рядом с темными монстры белых мне не страшны. Настолько, что перестала остро реагировать на каждое их появление. Конечно, относилась к зверюгам настороженно, но вполне достойно переживала опасность и не ловила себя на желании с криком бежать куда глаза глядят. И серая мгла магии риирцев, неизменно окутывавшая нас с лошадами, скрывая живое тепло, теперь тоже воспринималась как полезная – если не родная, то не чужая точно. Ведь она непостижимым образом согревала мою душу.

Королевство Шандар. Мне довелось гостить во дворце, при Дворе здешнего правителя, в бытность младшей принцессой соседнего королевства. Было большое торжество – свадьба принца. Праздник продолжался три дня, и я веселилась от всей души, от рассвета до заката. Позже, уже беженкой, вместе с тысячами других обездоленных людей проезжала по Шандару, но места, по которым мы ехали сегодня, не узнавала.

Показалось, что происходит нечто странное, подозрительное. Сначала мои спутники поглядывали по сторонам, потом всматривались, принюхивались и прислушивались, словно хищники на охоте. Не то чтобы очень чем-то озаботились, но, присмотревшись к их «манерам», я

чувствовала и замечала даже нюансы. С раннего утра вокруг нас, то тут то там, возникали десятки снежных смерчей, из которых появлялись монстры. Пока все шло, как обычно: твари, не обнаружив нас, исчезали ни с чем в белом безмолвии. И я провожала их мстительным взглядом: что, съели?!

Далее я заметила сначала одну серую ниточку, стремительно протянувшуюся от Тижа к Хейго, потом между темными словно сплелась паутина из тончайших серых нитей. За прошедшие дни неоднократно подмечала эти «нити» и постепенно догадалась, что так мои спутники разговаривают между собой. На сей раз беседа затянулась и, видимо, была «на повышенных тонах». Плащи почернели, будто тьмой налились, и пульсировали, клубились подобно грозovým тучам... Неужели от сильных эмоций?

В ходе безмолвной перепалки темных я опять обратила внимание на их не одинаково черные плащи. У Хейго, Тижа и Хала более «густая», насыщенная «расцветка», чем у остальных. Может, это проявление градации силы у темных магов? Занятно, но пока мой очередной вопрос останется без ответа.

Разговоры разговорами, но двигались мы в том же темпе, ничуть не замедлившись. Темные теперь и при приближении монстров не останавливались. Лишь напряженные спины-плащи да сверкающие из-под капюшонов глаза выдавали спорщиков. Кажется, зачинщиком выступил Хейго, по обыкновению паривший рядом с лошадью. Рука его, лежавшая на холке, почернела.

В последнее время я постоянно, словно так само собой выходило, присматривалась к его фигуре, пытаюсь определить с особенностями, которые исподволь выделяли для меня этого спутника среди остальных. Поэтому сейчас без особого труда улавливала, как он едва заметно поворачивал голову, скрытую капюшоном, то в одну сторону, то в другую, упорно не желая соглашаться с чем-то. А сама представляла его сверкающие ледяные глаза, светлые насупленные брови, упрямо поджатые губы, «упертый» подбородок...

Наконец спорщики пришли к единому мнению: «нити» в последний раз дрогнули и медленно развеялись, словно осталось что-то невысказанное, что предпочли придержать. И мы постепенно начали забирать на запад, ближе к тому пути, которым бежала от нашествия белых моя семья.

О чем они спорили?

Сегодня рядом со мной в коконе созданной им же защитной мглы шел Хал. Этот риирец с красивыми, зеленовато-голубыми глазами казался мне

более улыбчивым, чем остальные. Во всяком случае, не столь пугающим, как Тиж, который одним только взглядом пурпурных, похожих на кровь глаз безотчетно пугал до дрожи.

После полудня, не выдержав молчания, я решилась полюбопытствовать:

– Лар Хал, позвольте спросить, почему мы изменили направление?

Он, как мне показалось, посмотрел в спину Хейго, прежде чем пояснить:

– Ведущий решил: пока есть возможность, лучше не выходить на прямое столкновение с белыми. Их скопление проще обойти, чем доставлять вам... душевные страдания.

– То есть впереди были белые?.. – хрипло выдавила я, невольно сжимая поводья от страха.

Обернувшийся в этот момент Хал, видно, отметив мое состояние, положил ладонь на холку моей лошади и мягко прошелестел:

– Вы не должны бояться, леди Оливия. – От его руки потекла черная мгла, надо думать, решил усмирить животинушку на всякий случай, если я со страху рвану в неизвестном направлении. – Вам ничто не угрожает рядом с сильнейшими риирцами. Ничто, кроме скучного длительного путешествия. Из предполагаемых вначале трех недель благодаря вам мы уже сберегли день пути. Если получится и дальше делать длинные переходы, сократим путь еще немного.

– Вы рассчитывали, что идти придется медленно? – усмехнулась я, чуть расслабившись.

– Мы не знали тогда, с кем пойдем в Цветану. Поэтому рассчитывали различные маршруты и варианты поведения груза. Я хотел сказать...

– Поняла-поняла вас, лар Хал, – хихикнула я, совсем успокоившись. – Грузом мне еще ни разу не приходилось быть, зато опыт получу всесторонний.

– Мы рады обогатить ваш опыт любым доступным способом, – ровно ответил Хал, слегка кивнув.

Услышав двусмысленное предложение, я невольно опешила. Мало ли что они иномирцы, духи? Никто не отменял того факта, что они мужчины. И в физической форме размножаются...

Я было приготовилась строго высказаться о недопустимости подобных намеков, но духу не хватило. Слегка недовольно, тихонько укорила:

– Ваш флирт, лар Хал, в данных обстоятельствах неуместен. И не с леди!

– Флирт? – Из-под капюшона блеснул его заинтересованный взгляд, а в

голосе прозвучало искреннее недоумение: – Вы сочли, что этой фразой... я за вами... как это у вас... ухаживаю? Да? Почему?

Наверное, со стороны выглядела я глупейшим образом. Мы с Халом шептались между собой, но парившие рядом риирцы несомненно услышали наш разговор и, что называется, тоже решили погреть уши.

– Потому что ваше предложение прозвучало двусмысленно, – без особого рвения объясняться с женщиной в присутствии других мужчин ответила я.

Сама же не в ту степь разговор повернула. Еще, не дай боги, о совсем сокровенном придется говорить. Или о том, чему может научить мужчина женщину наедине. Мои щеки вспыхнули от смущения.

– Двусмысленно – это?..

Хал, видимо, не смог подобрать сразу подходящего слова. На помощь ему пришел Тьюго. Его глухой голос тоже прозвучал заинтересованно.

– ...когда у слов есть другое значение. Да?

– Нет, это когда вы говорите одно, но на самом деле подразумеваете другое, – поправила я.

Собеседники переглянулись, а я призадумалась: если они не знают, что такое двусмысленность, то ни о каком нарушении приличий речь не идет.

– А какое другое значение можно вложить в мое предложение поделиться опытом? – Вопрос Хала прозвучал чересчур заинтересованно. – У нас слова имеют лишь один смысл, иначе можно настолько усложнить жизнь, что дойдет до суда справедливости.

Я уже пожалела, что вообще завела разговор о приличиях. Обвинила иномирца в домогательствах, в темных мыслях, а выходит, только у меня голова дурная. Поэтому махнула пушистой белой варежкой и попросила:

– Оставьте, лар Хал! Забудем.

Не тут-то было, сзади раздался голос Кайго:

– Леди Оливия, если я другим женщинам это предложу, они тоже сочтут, что за ними ухаживают? Или, как вы сказали, флиртуют?

Я скрежетнула зубами и ответила, не оборачиваясь:

– Вполне возможно. Смотря как будет сделано ваше предложение, в связи с чем, в какой обстановке. Даже тональность голоса влияет.

– Леди Оливия, какой второй смысл вы нашли в предложении Хала? – не унимался Тьюго, причем, мне показалось, не без иронии.

Ох, как же неприятно слушать его мрачные и язвительные высказывания! Раз а три открыл при мне рот, но каждый – с подковыркой.

– Уже не важно! И давайте забудем! Пожалуйста.

Дальше я ехала молча, самой себе напоминая толстого, надувшегося

на «взрослых дяденек» снеговика. По большому счету, по собственной неосторожности попала в двусмысленную ситуацию, а дуться на себя – глупо. Зад ныл от тряски; было откровенно скучно. Окружающий пейзаж производил удручающее впечатление, напоминая о событиях трехлетней давности: редколесье с одной стороны, кажется, дальше болота... были, с другой – длинная цепь невысоких холмов, покрытых голым кустарником и заметенных снегом.

В груди екнуло, когда после поворота перед нами раскинулась до самого горизонта степь. Раньше здесь было раздолье степнякам. Шандар – их исконная территория. Здесь три года назад стояли многочисленные пестрые шатры, повозки. Город Шидарцы – яркая, шумная, казалось, вечная праздничная ярмарка с бойкой торговлей, зазывалами, шутками, песнями и плясками, почестями Богу Ветра и Богу Торговли.

А сейчас вместо городка – ровное белоснежное поле, заливаемое солнечным светом до слепящей яркости. Прикрыв рукой в варежке глаза, я отыскала посреди этой белой пустыни одинокое, невысокое дерево розан. Ровный толстенький ствол и густая шарообразная крона нежно-розового цвета. Мороз, а на ветру все равно трепещут розовые листики...

Боль воспоминаний захлестнула меня с такой силой, что, не думая ни о чем, я подчинилась порыву души. Неожиданно легко перекинула ногу и, соскользнув с лошади, рухнула в снег. Хал на миг застыл от удивления, а я, неуклюже поднявшись, заковыляла к розану, загребая унями снег. Даже если придется пробираться на четвереньках, ползти, меня ничто не остановит, даже монстры!

Я неловко бежала, шумно дыша от подступающих к горлу рыданий, не обращая внимания на окрики Хала, пока не остановилась перед розаном, встретившим меня родным, до судорожного вздоха известным откликом силы. Той силы, что когда-то переплеталась с моей собственной, удваивая ее. Сбросив варежки, чтобы не мешали, я с трепетом коснулась кончиками пальцев живых розовых листочков – нежных, тоненьких, уязвимых, но противостоящих морозу. Еще слишком много магии сохранилось в этом месте.

Затем нашла небольшой белый холмик у подножия дерева, подошла к нему и осела на колени. Протянула руки и зарыла в снег, пытаясь достать до земли, несмотря на сковывающий пальцы холод. Я чувствовала ответную магическую песнь самой земли. Так звонко и так пронизывающе!

Слезы текли по моим щекам, падали на мех, на снег, а я горько счастливо улыбалась:

– Ну здравствуй, родная. Видишь, я вернулась! Мне столько тебе надо

рассказать...

– Леди Оливия, что происходит? – позади меня отрезвляюще прозвучал голос Хейго.

Не отнимая рук от земли, я подняла лицо и прошептала:

– Здесь похоронена моя сестра.

– Вы уверены? – прошелестел его голос.

– Да. – Я снова посмотрела на трепещущие листики над головой. – Это место я не забуду никогда. Узнаю даже под толщей льда. Розаны растут только над могилами магов земли. И чем сильнее землянин, тем быстрее и крепче дерево. Смотрите, этот розан не замерзнет еще пару лет, я уверена. Александра была одним из сильнейших землян Эйра. Наша магия едина... Я ощущаю ее своей.

– Суть вечна, желаю ей скорейшего перерождения, – тихо посочувствовал Хейго, отступая назад.

Я кивала, роняя слезы, а потом всхлипнула:

– Чем ближе к Цветане, тем чаще будут встречаться розаны. Думаю, мы встретим целые розовые сады. Маги земли рождались и жили в основном на наших землях, а погибали первыми, защищая своих родных и дом. На Эйре осталось слишком мало землян.

Я отвернулась, спрятав лицо в ледяных руках, почти не чувствуя замерзших пальцев, чтобы истово помолиться за погибших и оставшихся живыми. За своих и чужих. За Цветану, Шандар и Коралис. За Алекс, папу и маму. За себя!

Не знаю, как долго мне пришлось простоять на коленях, забыв о реальности, погрузившись в себя, обращаясь к богам и стихиям. Застыв у занесенного снегом холмика, словно прислонившись к силе, мысленно разговаривала с Алекс. Но Хейго все-таки вздернул меня с колен, окутал теплом. И я, припав к его груди, разрыдалась – слишком давно не плакала. Раньше было не о чем, а потом – нельзя. Иначе развалишься – и все, жизнь закончится.

Темный стоял недвижимо, как скала, неуверенно положив руки мне на спину. Наверное, ему впервые довелось столкнуться с истерящей женщиной в качестве утешителя. Наревевшись до икоты, я получила кружку с теплой водой, кем-то сунутую в руки, потом меня посадили на лошадь, напомнили надеть варежки, и мы тронулись дальше. Я еще долго оглядывалась назад, на одинокое розовое деревце, опять ощущая, как рвутся невидимые связи нашей с сестрой магии.

Хал взял на себя обязанности ведущего, а Хейго шел рядом со мной, иногда загадочно поглядывая. Вот только мне было не до загадок – ушла в

себя и ехала молча, качаясь из стороны в сторону. Но я не погрязла в собственном горе, отнюдь. Должно быть, после прикосновения к земле, где покоится моя решительная Александра, которой не судьба была стать королевой, во мне зародилась уверенность: непременно дойду до Цветаны. Обязательно. Ради родных! Ради себя! Закроем этот проклятый богами портал – и я восстановлю Цветану. Мое родное королевство, единственный дом, где жили самые светлые мечты и надежды на счастливое будущее.

Ночевать расположились прямо в поле, с подветренной стороны холма. После традиционного ужина зарывшись в мешок с головой, я уверенно смотрела вперед: иду возрождать Цветану! Трепещите, белые твари! В сопровождении темных, которым на вас плевать, идет Оливия Малина. Уже не та юная Оли-ягодка, какой была, а королева Оливия Цветанская, бесстрашная и беспощадная к врагам!

Перед погружением в сон мелькнула мысль заключить договор с темными. Разрешить им поселиться на своих землях. А взамен бы они охраняли меня... нас. Надеюсь, оставшиеся в живых мои подданные вернутся домой. Рядом с темными нам никто не будет страшен, они кого угодно до икоты доведут одним видом. И маги очень сильные. А питаются, считай, одним воздухом. Обмундирования не нужно, коней тоже. Заманчиво! Для разоренного королевства лучше не придумать. Все, решено, великодушно позволю им поселиться в Цветане. Какая разница, в каких горах им жить? Могут и в наших прекрасное местечко найти. Отличный план!..

Глава 8

День седьмой. Утраченные надежды

Пустая, словно вымершая деревушка. Да как ни назови: вымерзшая, оставленная, брошенная – все правда. Сплошная искрящаяся белизна, неестественная тишина и ни дымка, ни следа, ни звука, кроме зловещего скрипа деревьев да хлопающих на ветру, сиротливо распахнутых дверей и ставней.

По мере приближения к Цветане мороз крепчал, снег становился глубже, затрудняя ход лошадей, по колено утопавших в нем. Рядом со мной сегодня шел Хейго. Утром я вновь нечаянно поймала его загадочный бледно-голубой взгляд и с того момента не могла отстраниться от впечатления, которое он произвел. Хейго не просто смотрел, терпеливо ожидая, пока я соберусь в путь, а наблюдал и оценивал. И даже если на его губах была улыбка, глаза оставались внимательными, выдавая работу мысли, острой как клинок. Верно, этот риирец всегда начеку. Да и немудрено – в краю, где подопечную постоянно подстерегает опасность.

И все-таки в его взгляде мелькало сочувствие, пусть невольное, а может, мне почудилось. Как можно быть уверенной с темными, иномирцами, когда дело касается такой тонкой материи – человеческих чувств? Правда, одно я уяснила четко: риирцы, если о чем-то говорят, то имеют в виду именно это. Им не присущи иносказание и двусмысленность – не понимают и не используют в обиходе. Для них естественна прямота, причем, как мне подумалось, абсолютная, даже если та кого-то ранит. Но, кажется, лучше промолчат, нежели выскажут нечто такое, что может задеть чувства другого. В данном случае – мои. А между собой... они без слов общаются и, надо думать, к какому-то решению приходят.

Я тоже продолжала тайком изучать риирцев. Они же постоянно на виду, вот волей-неволей и приходилось что-то подмечать. О чем-то удавалось расспросить. Их отношение ко мне, как хлопотному и хрупкому грузу, приносило даже некоторое успокоение: заботились и берегли на совесть, но с вопросами в душу не лезли, не говоря уже о том, чтобы помогать или посягать на честь. В друзья тоже не навязывались.

Темные вели себя так, как если бы выполняли рутинную работу. Несколько выделялись из общей компании Хал и Хейго. Один – тем, что пытался вести со мной светский разговор и учился шутить, в какой-то

степени развлекая; второй – проявлением ненавязчивой заботы о моем физическом и душевном состоянии. Хотя иногда я ловила на себе разноцветные взгляды других риирцев, внимательные и цепкие, словно те искали во мне нечто, свойственное потомку королевского рода. Наверное. Но видели неуклюжего «мехового» снеговика, которому даже головой вертеть проблематично, чтобы ответить на их любопытствующие взгляды. И тогда я вновь настораживалась.

И все же, стоило мне уткнуться взглядом в широкую спину или профиль Хейго, тревожные мысли постепенно отступали, вновь сменяясь любопытством. Раньше меня не занимали ширина мужских плеч, сила рук и все остальное, из чего складывается мужественный облик. Даже поначалу наводивший страх плащ-тьма, клубящейся черной массой спускающийся донизу, притягивал внимание. Таким образом, наблюдая за темным, я подметила еще одну странность: вылетающий из-под лошадиных копыт снег не оставался на подоле, а исчезал, попадая на «ткань». Неужели проникал сквозь нее?

Вроде ничего нового не происходило, но конкретно этот риирец не отпускал моего внимания, и я совершенно свободно, не опасаясь выглядеть неприлично, рассматривала нашего командира. И пусть у меня поредеют волосы, если я не ощущала на себе его не менее пристальный изучающий взгляд, когда меняла объект своего внимания. Правда, Хейго ничего не стоило скрывать свой интерес. Хотя, возможно, это было простое любопытство.

Сразу за околицей занесенной снегом деревушки от идущего в голове нашего отряда Свера резко выстрелили серые «нити». Получив сообщение, риирцы остановились, положили ладони на холки лошадей. Видимо, угрозу почувствовали серьезную, раз Хейго помимо лошади решил «успокоить» и меня, опустив тяжелую ладонь мне на бедро. Я невольно посмотрела вниз: его рука, словно в черной перчатке, резко контрастировала с мягким белоснежным мехом моих штанов. И, несмотря на толстый пушистый мех, длинные мужские пальцы перекрыли мое бедро, словно утверждая право сильного. Конечно, с такой-то лапищей!

Посмотрев на Хейго, я столкнулась с его пронзительным взглядом. Глаза цвета горного хрусталя предупреждающе блеснули под капюшоном. Затем он тихо, но жестко предупредил:

– Сейчас молчи, что бы ни случилось! Помни, я рядом!

Какое уж тут спокойствие! Хейго впервые за шесть дней обратился ко мне так строго и сразу отвернулся, но продолжил поглаживать по бедру. Бессознательно, наверное. Больше ничего на сей счет подумать не успела –

вокруг нас вырос и уплотнился серый защитный купол магии темных. А в следующий момент начали закручиваться десятки – о, боги, десятки! – снежных смерчей. Один за другим из них выходили монстры. Я вцепилась в луку седла, вытаращившись на жутких созданий.

Как же их много в этот раз!

Снежные твари рыскали вокруг нас. Темные отводили лошадей с их пути, избегая случайного столкновения, словно в шахматы играли на выживание, меняя один квадрат на другой. И все это происходило в звенящей тишине, нарушаемой лишь всхрапыванием испуганных животных и бешеным стуком моего сердца. Как ни странно, рука Хейго, лежавшая на моем бедре, и тепло его магии действительно придавали мне уверенности.

Играть в шахматы и искать свободные клетки становилось все сложнее, наш отряд постепенно разделился на мелкие группы, чтобы лавировать между тварями было легче. А затем произошло жуткое. Кайго снял поклажу с лошади, свалил ее кучей в снег. Положил ладонь на голову старому коню и – выпустил тьму. Я задохнулась от зрелища брызнувшей из пальцев темной серой массы, которая паутиной начала оплетать лошадиную морду. Потом паутина разбухла, наливалась черным цветом, словно высасывала саму жизнь из лошади. Я всхлипнула, ладонь на моем бедре предупреждающе сжалась, сдавливая, но не причиняя боли.

Дальше я сквозь слезы смотрела в глаза Хейго, в которых были приказ молчать и сочувствие. Он не позволил мне отвести глаза, «отпустил» только тогда, когда после жуткого хрипа раздался глухой топот копыт. Конь, словно заведенная игрушка, ритмично переставляя ноги, уносился в белое безмолвие. За ним азартно рванула огромная свора монстров.

Кто бы сомневался, что скоро несчастное животное настигнут и разорвут в клочья?

Зато наш путь стал свободным, чем мы воспользовались, быстро уходя прочь. Старые лошади очень бодро рысили, спеша убратся подальше от белых хищников, и сама я невольно сжимала бока своей клячи, к счастью, оставшейся при мне.

И ведь подобное может произойти с любым... живым. Со мной, если отстану!

– Не оплакивай его! – неожиданно прошелестел Хейго. – Он спас других, дал нам еще немного форы. Чем позже о нас узнают белые, тем дальше мы пройдем без особых проблем.

– Но его смерть будет мучительной... – всхлипнула я.

Глупо, конечно, в ситуации, когда от нас зависит судьба мира, а не

только коня, но смерть всегда ужасна – люди ли умирают, или животные. К этому невозможно привыкнуть!

– Кайго забрал его душу, прежде чем отпустил, не переживай. Лошадь увела охотников за собой, но была уже практически мертвой и боли не почувствует. На ближайшей стоянке он отпустит душу на свободу, животное заслужило эту честь.

– Он... вы можете забрать душу? – просипела я, вытаращившись на Хейго.

Несколько долгих страшных мгновений мы смотрели друг на друга, и я вновь, уже в который раз, удивилась: его лицо, с такими знакомыми чертами давно почившего легендарного воителя Цветаны, но в то же время другое, будто прижилось. Полностью закрепились. Теперь эмоции и чувства вполне сносно отражались на нем. Чего сам темный, кажется, еще не осознал. Вон как хорошо проступила досада и легкое раздражение.

– Да, – все же ответил он и отвернулся.

Настаивать на продолжении неприятной и опасной темы я не стала. Пожав плечами, задумалась о другом. На Эйре существуют четыре типа представителей, наделенных магией: стихийники, материалисты, менталисты и жизневики.

Дар стихийника может быть уникальным, определенной направленности и энергии – огня, воды, воздуха, земли – и смешанным. В зависимости от того, какой *энергией* наделен стихийник, та и будет ему наиболее подвластна. Что не отменяет способностей в других сферах, но они даются значительно труднее и требуют больших затрат сил.

Самая большая группа магов – материалисты. Не обладая стихийными способностями, они могут использовать любую материю для придания ей нужной формы и свойств. Материалисты, как и стихийники, обладают своей *энергией*.

И наконец, выражаясь высоким слогом, обладатели психических и интеллектуальных способностей – менталисты. Главное оружие которых – мозг и сила для воздействия на сознание окружающих.

Особой, весьма уважаемой и востребованной группой среди магов являются жизневики, которые делятся на целителей, что ставят на ноги любого больного, еще живого, и некромантов, поднимающих уже мертвых. Несмотря на более чем специфичную деятельность, последние успешно служат государству. В основном в сыскных ведомствах, охранных и прочих, связанных с упокоением и наследованием.

С появлением темных, выходит, нужно разобраться и с их магией. Особенно со способностью забирать саму душу. Теперь понятно, от чего

пробирало короля Дармаша с приближенными – людей весьма почитаемых, заслуженных и магически одаренных. Наверное, не как я, от зловещего вида иномирцев в обморок не падавших. Лорд Хортус, маг со стальными нервами, жутковатых темных пришельцев точно не испугался, хоть и опасался. И несмотря на эту их способность, меня отправили с ними. Думаю, без особых сомнений.

До самого вечера я ехала молча, потрясенная произошедшим сегодня и новым знанием о своих спутниках. А вчера, по наивности и недоразумению, решила предложить им в Цветане поселиться. Жить рядом с «душегубами»! Страшно. И опасно! По сути, их магия чем-то напоминает воздействие белых... бр-р-р...

С местом ночевки сегодня нам с лошадьми повезло. Риирцы нашли маленькое, видимо, родовое поселение из трех добротных домов, обнесенных высоким крепким забором. В сарае лежало сено, и расседланные уставшие коняги, не дожидаясь овса, принялись за него.

Надо отдать должное, темные тщательно заботятся о животных, несмотря на то что судьба их, по сути, предрешена. Рано или поздно, в любой момент, станут жертвами монстров.

На душе у меня было слишком тяжело. Еще не зарубцевались раны от разорванных магических связей с погибшей сестрой, вновь терзали воспоминания о родных, а сегодня – снова смерть. Все разом и скопом, словно сговорилось, навалилось, грызло и давило пудовым мешком. Я ощущала себя несчастной, смертельно уставшей и больной, проходя в дом в сопровождении Кайго. Сразу забралась с ногами на широкую лавку в горнице и легла, положив под голову торбу, блаженно вытянув ноги и прикрыв глаза.

Но заснуть не получилось. Я чувствовала взгляд застывшего рядом охранника, упорно не дававший спокойно заснуть. Вздохнув, приоткрыла глаза и встретила с его светящимися потусторонним светом зелеными глазами, слишком пристально изучающими меня из-под капюшона. Повернувшись на бок, подтянула колени к животу и подложила под щеку руку в меховой рукавчике. Мех щекотал ноздри, на ворсинках быстро застывали кристаллики от моего дыхания.

– Леди Оливия, вам необходимо поесть. – В голосе Кайго прозвучали нотки искреннего беспокойства.

– Спасибо большое, но я пока не хочу, – тихо ответила я, снова прикрыв глаза в надежде, что меня оставят в покое.

Как же я устала. И держусь, наверное, исключительно жаждой жизни да благодаря желанию вернуться домой и восстановить любимую Цветану. Пока есть хотя бы малейший шанс, надо все сделать для процветания родины. Просто сейчас мне необходимо отдохнуть, потому что от усталости я уже не чувствую ни холода, ни голода. Магу земли нужны солнце, воздух и песня земли, а здесь я словно слепну и глохну, грудь давит холод чужого мира. Земля не поет, а лишь едва слышно стонет, скованная морозом, засыпая навеки.

У меня даже сил не осталось сказать об этом Кайго, а Хейго советовал делиться с ними всеми проблемами в пути. Слишком трудный день сказался на моем самочувствии и отношении к жизни. Огромное моральное давление в дополнение к трагическим воспоминаниям и потерям. И ведь взамен пока ничего, что бы чуть-чуть утешало. Лишь призрачные мечты и надежды.

– Леди Оливия, вы должны встать и поесть! – прозвучал приказ Хейго.

Не посмев просто отвернуться и уснуть, я неохотно открыла глаза – и сон как рукой сняло от удивления: он держал в руках ведро с горячей водой и тарелку с вкусно пахнущей похлебкой. Не ежедневную, порядком надоевшую картошку с мясом, а что-то новое, хоть и не кулинарный шедевр.

Я резко села и выдохнула потрясенно:

– Это мне?

Голубые глаза насмешливо вспыхнули. Кажется, он удивился моей радости столь малому.

– Вам, леди Оливия. Сначала помывка, а то слишком много тепла. Но сегодня можно – дом достаточно надежный. Потом обязательно поешьте. Если остынет, я подогрею. Внутри защитного купола будет сохраняться тепло, вы не замерзнете. Коснитесь ведра, он накроет вас, только не пугайтесь. Мы подождем снаружи.

Хейго поставил ведро возле лавки и вышел. Больше не медля, я начала спешно раздеваться. Как обещано, серый купол, созданный магией темных, расширился, укрыв меня. Я склонилась над водой и с наслаждением, поторапливаясь, помылась. Какое счастье! Словно смыла проблемы и усталость. Только голову вымыть не решилась, иначе на морозе мокрые волосы льдом схватятся, а рисковать даже ради чистоты неумно.

Поэтому заманчивую мысль воспользоваться своей бытовой магией, чтобы быстренько высушить волосы, отринула, тяжело вздохнув. Еще

неделю можно потерпеть, забыть о заложенных с детства привычках. Хорошо запомнила, как на второй день путешествия, на привале, по привычке почистила меховые штаны, на которые уронила тарелку с едой, не удержав меховыми рукавицами. Темные моментально отреагировали: двое встали вплотную ко мне, остальные скользнули к лошадям – а в следующий миг вокруг нас взметнулись снежные смерчи, из которых выскочили монстры.

Воочию убедилась тогда, с чем связан категоричный запрет на любое использование магии: мой дар действительно горящий факел, сильнейший призыв и маяк для белых тварей.

Я шустро вытерлась и надела чистое белье, уже леденеющими руками застегнула верхнюю одежду, раскатала меховой мешок и залезла туда. Тарелка с едой хранила тепло, и пальцы я согревала, держа ее и смакуя простенькую похлебку из крупы, вяленого мяса и непроваренных кусочков овощей. Готовили, однозначно, сами риирцы, но было все равно вкусно, тепло и сытно.

Решено: разрешу им поселиться на своих землях!

Как заведено, трое темных остались с лошадьми, четверо пришли охранять меня – главный груз. Ну и мешок с «Шарлем», который заносили на ночь в помещение или клали рядом со мной, если ночевали в поле. Видимо, предпочитали самое ценное хранить в одном месте, на всякий случай. Приходилось спать рядом с телом кузена, но, в сравнении с другими трудностями путешествия, это такая, в сущности, ерунда. Опасаться надо живых, а не мертвых. Кроме того, к ночи я выматывалась настолько, что мне было все равно.

В холодном синеватом сумраке, поддерживаемом парой магических светляков под потолком, караульные, чтобы не смущать меня, немного смешно уселись рядком на лавке напротив. Невольно вспомнились байки-страшилки, коими нижнее сословие Эйра частенько пугало своих детей, дабы на кладбище игр не затевали. Якобы смерть – костлявая баба в черном плаще с косой – за душами смертных там охотится. Вот мне на миг и почудились сразу четыре подобные «бабы».

– Душу отпустили? – вырвался насущный вопрос.

Кайго встал, блеснув в сумраке зелеными глазами. Подошел ко мне, заставив напрячься и бросить быстрый взгляд на Хейго. Но тот смотрел, как обычно, внимательно и беспокойства не проявлял. И опять же, удивив себя саму, я тоже успокоилась.

Присев на краю моей лавки, даже не коснувшись плащом шкуры, Кайго вытянул руку, тряхнул кистью, сбрасывая черную перчатку-тьму. Та

исчезла. Риирец раскрыл «обнаженную» ладонь и произнес:

– Ведущий решил, что вам будет интересно увидеть душу... коня. Для понимания.

Испуганно втянув голову в плечи, затаив дыхание, я наблюдала, как из широкой, кажется, вполне обычной человеческой ладони выпорхнул темный шарик. С него обратно в руку риирца стекла чернота, явив яркое, светлое, шарообразное нечто, которое счастливо вострепнулось, заискрилось, затем резко увеличилось чуть ли не вдвое, будто вырвалось на свободу, – и резво, радостно рвануло вверх.

Я удивленно таращилась на давно не беленый потолок, где исчезла сверкающая энергетическая сущность. Разве стена остановит светлую душу, когда свобода зовет?!

– Теперь он избавлен от старости, боли и одиночества. Его душа ушла на новый виток перерождения, – тихо прошепестел Кайго, вставая с лавки и возвращая «перчатку» на руку.

По моей щеке бежала слезинка, за ней скользил холод, выстужая мокрую дорожку. Я вытерла ее рукавицей и счастливо выдохнула:

– Спасибо, что позволили увидеть! Это потрясающе!

– Мы рады, леди Оливия, что не напугали вас, – сказал Кайго, задержавшись рядом со мной.

Я поддалась порыву, не сдержав любопытства:

– Пожалуйста, если можно, расскажите о вашем мире... о вашем народе. Хотя бы немножко, о чем можно...

Кайго бросил выразительный взгляд на Хала, и тот едва заметно кивнул. Видно, зеленоглазый риирец не мастер рассказывать. Мгновенно мелькнул темный шлейф – и вот уже Хал рядом со мной присаживается, а Кайго занимает его место на лавке.

– Что вас больше интересует, леди Оливия?
– Почему вы здесь? На Эйре? – недолго думая, выпалила я, замирая от возможности узнать о загадочных иномирцах от них самих.

Хал помолчал, проявил свое лицо, позволив увидеть человеческие черты. А его бирюзовые глаза немного потухли.

– Наш мир погиб тринадцать лет назад по летоисчислению Эйра. Неизвестно почему и что это было. Катастрофа произошла внезапно. Непредсказуемо. Мы видели яркий росчерк в небесах, словно жидкий огонь пролился на Риир. Небесное тело вроде бы небольшого размера врезалось в твердь. Несколько часов ничего не происходило, все успокоилось, а потом земля словно набухла изнутри. Наш мир разрушился за считанные минуты, разорванный чудовищной силой.

– Но как же удалось выжить вам? – потрясенно выдохнула я.

Хал отвел взгляд и словно сквозь пространство и время смотрел, возвращаясь к тем событиям:

– Наш мир не такой как ваш... был. Нашу суть вы называете темной магией. А нас – элементариями, духами Тьмы. Отчасти вы правы. Каждый житель Риира – элементарь тьмы. Чтобы контролировать баланс, не допустить хаоса и сохранить Закон, был учрежден Орден Судий. Судия – это тот, кто хранит закон, несет слово истины, вершит правосудие. Судия – это справедливость, равновесие и наказание для виновных.

– О?..

– Для соблюдения абсолютной беспристрастности судии не имеют права на семью, чувства и физическое воплощение. Орден расположен... был на вершине неприступной скалы, вдали от наших поселений. Мы не подчинялись никому, лишь Закону Риира и Истине. Судиями становились самые сильные по своей сути мужчины, отрекаясь от прежней жизни.

– Как монахи? – переспросила я. – У нас тоже есть множество орденов, созданных в честь наших богов...

– Да, немного похоже, – едва заметно улыбнулся Хал. А с лавки я услышала снисходительный «хмык» других слушателей.

– Так вот, мы судии. Когда произошла катастрофа, наш верховный судия пробил пространство и открыл портал в ваш мир. В тот момент мы не знали, куда конкретно, что за мир, приемлемы ли в нем условия для выживания. Скорее всего, он успел задать параметры, давно найденные им в орденских летописях. Счет времени шел на мгновения, которых не хватало на раздумья... Все было так спонтанно... Созданный верховным портал потреблял много энергии, засасывал самых сильных судий, находившихся в тот момент в резиденции ордена, в непосредственной близости. До полного разрушения Риира успели «уйти» сто пятьдесят судий. Я был последним и видел, как мир взорвался подобно вулкану. Пламя, лава, камни, клубы пыли, дым... Наш сильнейший, величайший из

риирцев верховный судия отдал почти всю свою суть, пока держал портал, не смог уйти вслед за нами, ему просто не хватило сил. Он остался там, в небытии, с нашим народом, памятью и погибшей цивилизацией.

– Какой ужас! – Я заморгала, пытаюсь удержать слезы. – А что было дальше?

Хал повернулся ко мне и грустно улыбнулся:

– Дальше? Дальше сто пятьдесят риирцев оказались в степи, полумертвые от магического истощения. В неизвестном мире! Судии, которые призваны судить, а не сохранять жизнь. Мужчины, которые клялись хранить лишь одну форму... Не имели права на чувства и пару...

– Не нагнетай атмосферу, не то леди Оливия сейчас расплечется. А слезы тоже испускают тепло, – едко процедил Тьюго.

Ох, ну какой же он язвительный!

Кто-то из «сидящих» на лавке хмыкнул весело, а Хал, покосившись на насмешников, покачав головой, продолжил:

– Естественно, мы затаились в более привычной для нас, но труднодоступной людям местности и в течение первых лет незримо, тщательно изучали ваш мир, действовали незаметно. Потом решили «проявить» себя на людях, постараться расположить вас к себе и дать понять, что не несем опасности Эйру.

Я впервые услышала хрипловатый голос Фрея, глухо сетовавшего:

– Первые встречи с людьми я надолго запомню. Особенно вопли «Смерть, Смерть за нами пришла!». Как вообще можно спутать мужчину с женщиной?

Хал усмехнулся, добавив:

– Мы ошиблись, решив впервые показаться в глухой деревне. Потом исправились – появились в городе, крупном, где чувствовалось большое скопление энергии. Хм-м-м, так мы ваших магов ощущаем. Вторая встреча прошла пристойнее и спокойнее. Люди встретились более образованные и менее пугливые к непривычному и незнакомому облику.

– Могу представить, – улыбнулась я, в красках воображая приключения риирцев.

После того как они поделились своей бедой, мне стало гораздо проще воспринимать этих пришельцев из другого мира, которым и кое-что человеческое, оказывается, не чуждо.

– Да, более образованные горожане. Но колоть незнакомцев пиками и метать арбалетные болты было совсем невежливо и негостеприимно. И совершенно непредусмотрительно! Если бы я рассердился, снес бы ту площадь или городишко! Но ограничился оружием, которым нам пытались

угрожать.

Я испуганно уставилась на Тьюго.

– Поэтому ты с трудом прошел отбор в судии, – флегматично заметил Хейго. – Слишком импульсивен и часто несдержан на язык.

Медово-желтые глаза Тьюго вспыхнули, как у раздраженного кота, и быстро потухли.

– Все в прошлом, – прошелестел он глухо. – Ты же знаешь, я тренирую выдержку и готов отдать свою суть на благо будущего...

– Знаю, поэтому сейчас ты здесь, – так же ровно, спокойно отозвался Хейго.

Вот только у меня холодок беспокойства комочком свернулся в груди. Я решила задать главный вопрос, который напрашивался еще в Тартусе:

– Почему вы сейчас здесь? – И сразу уточнила: – Какую награду вам обещали правители за спасение Эйра?

Хал обернулся к сородичам, видимо, советуясь, ответить или промолчать, а потом вновь обратил внимание на меня:

– Мы получили все, что нужно для возрождения Риира. Пусть всего лишь, как у вас называют, королевства, а не целого мира, но Эйр станет полноценным домом нашему народу. Местом, где будут жить наши семьи. Мы получили территорию, которую наши дети будут считать родиной, колыбелью жизни.

– Вы хотите сказать, что вам пообещали чьи-то земли? – сипло выдавила я, уже предполагая самый неблагоприятный исход, но по привычке на что-то надеясь.

– Нет. Не только пообещали. Несколько дней назад правители и представители правящих Домов каждого из двадцати девяти королевств подписали кровный договор. Теперь коронация каждого следующего монарха любой страны будет происходить в присутствии риирца и включать клятву о соблюдении установленных условий договора.

– А конкретно... – невежливо поторопила я.

– Договор включает несколько условий, но одно из главных: бывшие земли Цветаны теперь называются Риир и неприкосновенны. Клятва подписана кровью, ее нарушение влечет гибель всего рода преступившего клятву короля.

У меня сердце оборвалось: мечты, надежды, дом – я все снова потеряла и теперь окончательно. Что-то умерло у меня внутри, но, привычно держа удар, продолжила тему:

– То есть земли Цветаны не единственное... вознаграждение за спасение мира?

– Нет, но... остальное не слишком масштабно и, вероятно, вам мало интересно, – прекратил разговор Хейго. Все молчали, и в гнетущей тишине неожиданно прошепестел его голос: – А что пообещали вам за этот поход?

Мне хотелось разрыдаться, топтать ногами, завывать от разочарования, в конце концов. Может быть, я так бы и сделала, если бы не крайняя усталость, меховой мешок и гордость, поэтому спокойно ответила, прикрыв глаза:

– То, чего уже нет и никогда не будет.

Собеседники промолчали, но я чувствовала их внимательные, цепкие взгляды.

– Вам пообещали ваше королевство? – Все-таки Хал догадался.

Я с трудом вдохнула и выдохнула, словно вытолкнула боль наружу:

– Не думайте, лары, нарушение договора не мешает мне выполнить свой долг. – И вымученно улыбнулась: – Ведь это мой мир, а не только часть суши, бывшая домом.

Затем, как старая бабка, что чувствует каждую косточку в своем теле, с трудом повернулась, накрылась шкурой и закрыла глаза. Что толку сотрясать воздух – возмущаться и обвинять королей в обмане и предательстве? Доля у них такая. Пожалуй, я изначально подозревала подвох, но хотела верить. Гарантий требовала...

Сейчас же мне ничего больше не оставалось, кроме как глубоко, медленно дышать, чтобы не захлебнуться горячими слезами, ведь лишнее тепло придется прятать риирцам. Но до чего же больно, когда окончательно и бесповоротно умирают мечты и надежды. Заново растаптывается будущее.

Теперь понятно, почему мне легко отдали королевство. Поклялись, что ни один король не посягнет на мои территории. На мои... которые теперь принадлежат темным и даже называются Риир. Скоро и памяти не останется о некогда великой Цветане. О проклятой династии Малина. Мою родину в буквальном смысле стерли с карты Эйра.

Какая жестокая насмешка судьбы! Наверное, Бариус с приближенными давились от смеха и яда, когда составляли договор со мной. Еще бы, отправили на смерть глупую, наивную, проклятую принцессу уже не существующей страны. Провезли в карете полкоролевства, чтобы «полюбовалась» на умирающую природу, чай, маг земли, да была сговорчивее.

Я вновь обернулась к темным:

– Можно вас попросить? – От тошнотворной мысли, что придется возвращаться в Дармаш, я отмела гордость и достоинство. – Разрешите мне

остаться в Цвета... Риире.

– Мы... – осторожно начал Хейго.

– Я ни на что не претендую, – лихорадочно зачастила я, – просто позвольте мне обосноваться где-нибудь рядом с дворцом. В королевских садах есть небольшой домик садовника. Была бы очень признательна, если бы мне позволили в нем жить. Я сильнейший маг земли, а вам... потом придется восстанавливать королевство. Все вымерзло же... А я знаю там каждый кустик, каждую пядь. Помогу совершенно безвозмездно, только позвольте мне остаться в... В новом Риире...

Говорила, говорила... повторялась... а сама чувствовала, что на грани. Вот-вот позорно разрыдаюсь. Умоляла. Унижалась. А ведь совсем недавно высокомерно раздумывала: позволить или нет темным поселиться на своих землях. Боги, куда катится мой мир?

Риирцы несколько долгих мгновений смотрели на меня спокойно, наконец Хейго произнес:

– Однажды потерявший дом не откажет другому в приюте. Уверен, совет поддержит наше обещание. Вы станете третьей подданной нового Риира не нашей расы.

– Уже третьей? – устало улыбнулась я, чувствуя, что глаза наполняются слезами облегчения.

– Да, – ответил Хейго.

Облизнув губы, я опустила голову на лавку и, закрыв глаза, ощутив себя смертельно уставшей, словно выпитой до дна. Раздавленной, обманутой и униженной. А еще недавно считала, что страшнее прошлого ничего быть не может.

Глава 9

День девятый. Бой. Ночные беседы

Я неохотно открыла глаза, встречая рассвет девятого дня похода в край, захваченный белыми иномирцами, представляя очередной долгий, холодный день. Словно и время замерзло и мучительно медленно ползет. Тянется, тоже скованное льдом, как зимняя река.

Вчера нам пришлось срочно сворачивать с тракта в лес, потому что риирцы почувствовали слишком большую стаю монстров. Передвигаясь по глубокому снегу, лошади быстро выдохлись, и мы остановились на ночлег в первом попавшемся укрытии – избушке-землянке.

Мое дыхание паром поднималось вверх. Внутри мешка, в походном меховом облачении, было тепло, но ощущала я себя беспомощным, неуклюжим младенцем в пеленках. Последние дни даже капюшон не снимала – в шапке замерзли уши и лоб. На ночь натягивала на нос вязанный шарф. Меховой сугроб с виду, да и только. Хорошо риирцам: не мерзнут.

Потянулась, посмотрела на крошечное оконце, через покосившийся ставень которого в избушку проникал свет. Затем огляделась и оторопела, увидев «лежащего» рядом Хейго. В этой едва-едва заметной, засыпанной снегом крошечной избушке, наполовину вырытой в земле, места, кроме меня, хватило ему и Тьюго. Второй охранник уже «встал» и вышел, надо думать. Я тихонько повернулась на бок и, затаив дыхание, рассматривала Хейго, воспользовавшись тем, что он близко и не сверлит меня льдистоголубыми глазами. Подробно рассмотрела его обрамленное капюшоном лицо с четкими, характерными чертами.

Теперь сходство Хейго с моим далеким предком Феодосом было очевидно. Тем не менее, суть однозначно наложила отпечаток на образ темного мага – «хищника» с более резкими чертами, в сравнении с «одомашненным» представителем моего рода. Хорошо очерченные, строго сжатые, чувственные губы, выступающий подбородок, высокие скулы, делающие облик иномирца более выразительным и суровым. Казалось, рыжеватые волосы должны придавать ему более задорный, бесшабашный вид, но в случае этого мужчины скорее наоборот, создают яркий контраст темной сути и светлого обличья, заставляя настороженно ожидать, что он может выкинуть в следующий миг.

Вот такое необычное создание природы! Не то дух, не то из плоти.

И опять поймала себя на мысли, что Хейго мне интересен со всех сторон, даже слишком. Хотела бы узнать о нем больше, а иногда, ужасно неловко осознавать это, – просто потрогать.

Эх, была не была! Хотя риирцы говорили, что не спят, а в горизонтальном положении парят, чтобы не пугать меня, тем не менее осмелилась на дерзкий шаг, своего рода авантюру, не в силах сопротивляться любопытству. Вытащила руку из мешка и осторожно помахала над лицом Хейго. Отклика не последовало, поэтому я продолжила: медленно коснулась рукой в варежке занятого плаща, пытаюсь проверить, насколько «настоящий».

Результат оказался потрясающим – белый мех словно провалился в темноту! Моему изумлению не было предела.

– Спокойного вам утра, леди Оливия, – прошелестел Хейго.

Я испуганно отдернула руку и, закусив губу, искоса посмотрела ему в лицо, проверяя, видел ли он мою глупую выходку.

Видел! Щеки ошпарило стыдом. Попалась!

– Доброе утро, лар Хейго, – нашла я и сразу предприняла попытку оправдаться в лучших традициях придворного этикета. – Я проснулась и... чтобы не тратить время зря, сочла возможным побеспокоить вас.

– Я так и понял, – улыбнулся он глазами. Уголки его губ едва дрогнули.

– Тогда подъем, – кивнула я и усиленно завозилась, выбираясь из мехов.

Перед тем как сесть в седло, я отпросилась в «уборную». И в сопровождении Хейго, чаще других опекавшего меня, залезла в ближайшие заснеженные кусты. С недавних пор даже смешно стало: эдаким сугробчиком прикидываюсь. Быстро управившись, отряхнула со штанов снег, шагнула на полянку к моим спутникам – и замерла, уставившись в светящиеся потусторонним светом глаза-льдинки огромного снежного монстра.

Это исчадие белого мира явно «учуяло» меня, «увидело» мое тепло. Я открыла рот позвать на помощь, но из глотки вырвался лишь жалкий хрип. А в следующее мгновение между мной и монстром выросла черная фигура Хейго. Еще миг – и белая тварь рассыпалась, словно огромный ком снега разлетелся вдребезги, свалившись с высоты.

«Да, монстр риирцу не соперник!» – мысленно восхитилась я.

И сразу оторопела: поляна кишела монстрами и... их хозяевами!

– Стой на месте! – раздался приказ Хейго.

– Стою! – прохрипела я.

Убежать при всем своем желании была не в состоянии, а вот плюхнуться в снег при виде монстров, рвущих лошадей, и их хозяев – вполне. Колени предательски подгибались и тряслись. Трех других коняг оберегали Свер, Тиж и Кайго. От ладоней последнего к головам животных протянулись темные щупальца. Видимо, из-за магического воздействия этого риирца они стояли смирно, словно вокруг никакой опасности нет. А Свер с Тижем, напоминающие в данный момент грозные черные смерчи, обороняли животных, давая отпор голодным тварям.

Фрей, у «ног» которого я увидела мешок с гробом Шарля, почти не сходя с места, крутился волчком, поражая врагов.

Едва нашла глазами Тьюго и Хала, наступавших на белых, которых было не меньше двух десятков, прямо передо мной выросла зловещая фигура в красивом, белейшем, струящемся, подобно дорожному шелку, балахоне, будто сотканном из тысяч снежинок. Глаз не отвести, если бы не омерзительная бледная физиономия с голубоватыми прожилками и жуткими темно-серыми глазами-щелочками с узким росчерком зрачка.

Кошмарная вариация Матушки Метели из детских сказок – этот иномирец. Я не только видела, как искрятся его «волосы», или что там у белых на голове растет, напоминающее тонюсенькие сосульки, но и ощущала скрытую в них силу. То ли чужая энергия покалывала кожу, то ли от страха я «гусиной кожей» покрылась... Настолько близко еще ни разу не оказывалась рядом с белым. И, вместо того чтобы бежать или защищаться, будто парализованная ужасом, продолжала стоять и смотреть, как он поднимает руку и собирается сделать пару последних шагов, чтобы коснуться, забрать мою душу и тепло жизни.

Между мной и опасностью опять вырос черный клубящийся плащ-тьма, резко увеличился – и брызнул в стороны. В следующий миг белый, окутанный с ног до головы той самой «живой паутиной», что и погибший накануне коняга, замер с раззявленным в безмолвном крике боли ртом-дырой. Затем сломанной куклой упал в снег, словно разом лишился костей. Тьма покинула его тело, взметнувшись вверх, и сформировалась в человеческую фигуру – Хейго с голубоватым сияющим сгустком в руке.

Я ощутила, догадалась, поняла: это – суть белого!

Хейго сжал сгусток, а дальше тот исчез в его ладони, верно, поглощенный сутью, оказавшейся сильнее. Затем темный брезгливо встряхнул кистью, словно испачкался в какой-то гадости. Едва заметное движение – и в его руках сверкнули черными искрами короткие мечи. Клинки будто горели самой первозданной Тьмой – настолько

завораживающе страшно выглядело оружие, созданное магией риирцев. Кажется, я выпала из реальности от потрясения, глядя, как темные маги, один за другим, сотворили такие же мечи.

На поляне развернулась настоящая бойня. Вокруг меня кружил Хейго, уничтожая любого, кто пытался приблизиться ко мне, едва державшейся на нетвердых ногах. словно сама Смерть встала на мою защиту и собирала дань из душ врагов. Трое риирцев защищали непосредственно лошадей, еще трое успешно уничтожали белых, летая по всей поляне. То тут то там мелькали шлейфы, оставляемые почерневшими плащами.

Неожиданно в обволакивающий меня серый кокон попал белоснежный сгусток, посланный кем-то из белых, хорошо запомнившийся по былым столкновениям. Я вскрикнула, закрываясь ладонями, но защита темных выдержала – «дымящаяся» белая масса растаяла, как лед или снег, попавший на печь или в костер. Только вот не шипела и не исходила паром.

Хейго мгновенно перевел внимание на меня, обеспокоенно взглянул и, убедившись, что я цела, продолжил отбиваться от нападающих тварей. Мне нестерпимо хотелось помочь своим спутникам. Поднять земляные валы, используя прошлый опыт, и похоронить под их толщей ненавистных врагов. Но ведь мне строжайше запретили магичить во время похода. Как же поступить? Помочь? Нарушить приказ?

Закусив губу едва не до крови, я в страшном напряжении наблюдала за боем. Может быть, и не выдержала бы – применила свой дар, но мои спутники вскоре добились последних тварей. Осмотрели заваленную останками белых поляну, черным возмездием скользя над ними. Спору нет, смерть никого не красит, но если от монстров почти ничего не осталось, то трупы белых представляли собой жалкое зрелище: какие-то грязно-серые карлики. Куда только подевались великолепные балахоны и светящиеся «волосы»?

«Отпуская» лошадей, Кайго втянул черные щупальца в ладони и, повернувшись к нам, спокойно объявил:

– Пора в путь!

Риирцы проверили поклажу, снятую с растерзанного коняги, в сторону останков которого я боялась даже посмотреть, чтобы позорно не свалиться в обморок. В морозном воздухе разливался противный запах крови. На одеревеневших ногах подошла к своей лошадке и, ткнувшись ей в морду лбом, гладила, привычно успокаивая и себя, и ее, пока спутники собирались.

С негостеприимной поляны мы уходили под защитным туманом магии темных. Вокруг опять начали появляться монстры, наверняка почуявшие

еще не остывшее тело погибшей лошади, и значит, их белые хозяева тоже близко.

Дальнейший переход прошел под впечатлением от утреннего столкновения. То ли еще будет в Цветане, вернее Риире, к границе с которым мы подойдем дня через два! Но какие же риирцы сильные! Не только маги, но и воины. Если белые применяли магические способности, то темные полагались еще и на боевые умения. Действовали стремительно, безжалостно и неотвратно – прямо дух захватывало.

Я признательно поглядывала на темных, вспоминая эпизоды короткого боя с белыми, невольно по-хорошему завидуя и восторгаясь их возможностями, спокойствием и выдержкой. Особенно часто смотрела на Хейго. Наверняка за его сильной широкой спиной никакое вселенское зло не страшно...

Самое странное, что о потерянном королевстве я сегодня не грустила. Даже о разрушенном прошлом и слишком призрачном, неоднозначном будущем не думала, находясь под впечатлением от куда более насыщенного событиями настоящего.

Вокруг царила привычная мертвая тишина, из-за которой сумерки становились настолько зловещими, что, кажется, больше не рассветет. И только непокорный захватчикам гуляка-ветер гудел над головой, шумел в ветвях деревьев, когда поздним вечером мы разбили лагерь в тихой лощине.

После столкновения с белыми монстры стали появляться чаще, причем целыми стаями. С другой стороны, мы подобрались ближе к их логову. Еще раз встретили белых, на этот раз троих. Видимо, дозорных. Слава богам, не успели те нелюди осмотреться, выйдя из своих смерчей-порталов, а темные уже брезгливо стряхивали с рук их раздавленные, светящиеся холодным голубоватым светом «сердца». Жутко, конечно, но у меня в душе не нашлось жалостливого отклика.

Три оставшиеся в живых лошадки вытоптали небольшой круг в снегу. В сгущающейся темноте серый защитный туман над ними почти не разглядеть. Сегодня им задали двойного корма. Темные, наверное, решили не экономить и порадовать бедных животных напоследок, как ни горько это осознавать. Вот и хрустели клячи овсом, уткнувшись мордами в торбы.

Я забралась в разложенный на санях меховой мешок, в который перед

сном на «свежем воздухе» теперь ныряла по самую макушку и даже нос не высывала, и наблюдала за нынче кашеварившим Свером. Он сложил замороженные продукты в миску и накрыл руками. Я даже рот раскрыла от удивления, когда овощи, снег и сушеное мясо накрыла тьма, а спустя минутку варево аппетитно забулькало. Свер поглядывал по сторонам, пока готовил мне ужин, потом вроде бы принюхался и, предварительно сам себе кивнув, мол, да, готово, вернул тьму в ладони.

Далее маг-повар повернулся ко мне, намереваясь передать блюдо «темной кухни». Я сомневалась мгновение, долгое и мучительное, но голод не тетка, как и холод. В общем, мы «второе» решили не привередничать. Вымученно улыбнувшись, протянула руки к миске.

Хм-м... а на вкус обычная похлебка... Горячая, наваристая. Умеют же!

Проглотив первую ложку, я уже, кажется, привычно поймала внимательный взгляд Хейго. Хотя не только его, остальные спутники тоже дружно сверкали на меня в темноте разноцветными глазами. Кто-то изучающе, кто-то насмешливо, изумленно, снисходительно, но однозначно с любопытством. Будто я зверюшка на ярмарочном цирковом представлении.

А, ладно. Ну и пусть смотрят. В конце концов, куда им глаза девать, когда вокруг снег, темнота и спать не надо? Не особенно-то меня задевает повышенное внимание темных.

Может, именно любопытство иномирцев толкнуло меня на ответное, когда я съела похлебку и с благодарной улыбкой приняла от Свера кружку с кипятком, куда предварительно положила свой лечебный сбор. Недолго раздумывая, слегка расслабившись после ужина и вдохнув горячий аромат травяного напитка, поинтересовалась:

– Лары, а ваши женщины... с Риира... какие они? Были?

Мужчины молчали некоторое время, и я уже не надеялась услышать ответ. Даже укорила себя мысленно за то, что разбередила их раны, начав нелепую беседу, как на светском чаепитии.

– Такие же, как и мужчины Риира, – неожиданно ответил Свер. Слегка шелестящий, мягкий голос синеглазого риирца, словно ночной летний ветерок, ласкал мой слух. – Элементали Тьмы.

– Такие же, как вы? В темных плащах? – растерялась я.

Семь пар глаз, глядевших на меня, улынулись снисходительно, но по-доброму, невольно согрев мое сердце.

– Плащ – всего лишь привычная людям одежда, – продолжил Свер. – Оболочка, которая помогает скрыть... э-э-э... наш дух. Или сущность. Но мы можем сменить этот облик и на другой, распространенный на Риире.

Когда-то!

– Но... но ведь чем-то же женские сущности от мужских отличаются? – не сдавалась я.

Ого, а «мужским сущностям» становится еще веселее. Вон как глаза сверкают все ярче. Насмешники!

– Сутью! – кивнул Свер. – Любой риирец запросто определит, кто перед ним и какого пола. По энергетике.

– А формы у них тоже были две? – шепотом спросила я, вспоминая о мерах предосторожности.

Свер кивнул, кажется, не в силах доступно объяснить мне то, что было столь очевидно им.

На мою удачу, на помощь ему пришел Фрей:

– Мы рождаемся, как ваши дети, леди Оливия. И младенцами имеем вполне физическое воплощение. И даже делимся на мальчиков и девочек, с внешними различиями. Но, достигая переходного возраста, развоплощаемся, обретая дух и энергию. Как вы предпочитаете называть – магию. И пока не обретем свою вторую половинку, имеем возможность лишь на непродолжительное время переходить в физическую форму.

– Половинку? – выдохнула я.

– Да! Именно половинку. Которую... полюбим, ощутим, почувствуем сутью...

– Мне кажется, это замечательно и прекрасно – такое единение между мужчиной и женщиной, – признала я, отставив кружку, и натянула на плечи шкуру-одеяло.

Мужчины опять молча разглядывали меня, загадочно поблескивая глазами. Наконец Хал произнес:

– Мы изучили вашу систему ценностей и мироустройство. К сожалению, а может, к счастью, мы слишком отличаемся. Наши э-э-э... браки крепкие, пожизненные и очень... тесные, в прямом смысле слова. Мужчина и женщина едины во всем.

– А не слишком ли тяжело – быть единым во всем с кем-то? – набралась храбрости усомниться.

– Может быть, но за все требуется плата. Особенно за семью и возможность продолжения своего рода. Создатель нашего мира решил, что семья – единое целое. Только тогда она дает крепкое полноценное потомство.

– То есть вы выбираете женщину по наличию родственной магии... ой, энергетике? Не за внешность? Я правильно вас поняла? – улыбнулась я, задавая этот вопрос.

– Внешность слишком изменчива, – усмехнулся Хал, почему-то посмотрев на Хейго.

Я тоже перевела на него взгляд и сразу попала в знакомый плен голубых глаз, мгновение назад раздраженно блеснувших на Хала. И светилось в них странно тягучее, почти осязаемое любопытство.

Мой собеседник между тем продолжил:

– Не только по энергетике. По сути мы духи, но похожи на вас, людей. И умеем чувствовать...

– Ты не прав, Хал! – вклинился в разговор язвительный Тьюго. – Теперь, после гибели Риира, внешность играет отнюдь не последнюю роль. С учетом отсутствия среди нас в настоящее время особей женского пола! А люди статичны в своей первичной форме.

Услышав это более чем необычное заявление, я поймала себя на том, что прямо-таки неприлично вытаращилась на Тьюго, окончательно слившегося с темнотой, в которой светились семь пар нечеловечески ярких красивых глаз. Да кони за спиной уютно храпели и пофыркивали.

– Неужели вы собираетесь выбирать пару среди наших женщин? – с придыханием поинтересовалась я.

– Физически наши виды совместимы. Если мы вас пугаем, то внешность эйрцев порой приятна... – ухмыльнулся язва-риирец, по-кошачьи недовольно сузив желтые глаза.

Не выдержала, негостеприимно съехидничала в обратную:

– Ко всему привыкаешь со временем. Но боюсь, ваша половинка, лар Тьюго, не успеет привыкнуть... ни с внешностью, ни с характером. Особенно с последним...

Глаза Тьюго округлились.

– Это почему?

– Сбежит! – мрачно ответила я и твердо добавила: – Непременно!

– Вспомните Тяну, – неожиданно весело заметил Фрей. – Шейго ее едва-едва догнал...

– Да... раз десять догонял... – поддержал его Кайго.

– А с каким азартом ловил! – радостно припечатал Тиж.

– Не всем же так везет, как Сайло с Лилией. Та южанка – единственная не орала как сумасшедшая, когда...

– Хватит! – ровно, но безоговорочно обрубил соплеменников Хейго.

Эх, а ведь я только-только начала узнавать суровых риирцев лучше.

В наступившей тишине вновь раздался его голос:

– Леди Оливия, почему вас тревожит, насколько сильно похожи наши женщины на ваших?

Я сглотнула, поставила уже холодную пустую кружку на снег и, зябко передернув плечами, осторожно ответила:

– Вы разрешили мне остаться в... на вашей земле, лар Хейго. Поэтому вполне закономерно, что мне захотелось узнать, с чем и с кем придется столкнуться в будущем и жить рядом. И...

– Леди Оливия, вы красивая женщина с большим даром и сильная духом. Поэтому я уверен: в новом Риире вы легко приживетесь и найдете свое место, где вам будет спокойно и... комфортно.

– Красивая? – вырвалось у меня.

И тут же ощутила, как загорелись щеки и потеплело на душе, растворяя холодную горечь разрушенных надежд и обмана. Хейго счел меня красивой, оказывается! Совершенно неожиданно и от того приятно вдвойне и важно! И сам он сейчас смотрит еще более пристально и волнующе до мурашек.

– У вас очень приятная внешность. – Черный капюшон Тьюго едва заметно качнулся в темноте. Потом риирец с присущим ему ехидным тоном добавил: – Особенно в тот день, когда мы впервые встретились с вами в Тартусе.

– Глаза красивые, да, – уточнил Хал. – Серые, прозрачные, как воды Думласса на Риире...

– Хорошенькая, мне больше нравится ее очень светлая кожа. Гладкая, наверное, шелковистая... теплая.

– А по мне, брюнетки не... – открыл рот Кайго.

– Хватит! – вновь, но уже не столь спокойным тоном прекратил поток комплиментов Хейго.

Открытое обсуждение моей внешности чересчур правдивыми, откровенными риирцами смутило не на шутку. У меня пылали не только щеки, но и уши. Красивой целиком и полностью меня счел один. Остальные оценивали «частями». Ну что же, на вкус и цвет товарища нет. Только вот непонятно, отчего разозлился Хейго.

– Завтра рано вставать, лары. Спокойной ночи! – выпалила я, отвернувшись и, зарывшись в мешок, закрыла глаза.

Не тут-то было, риирцы продолжали разговаривать посредством своих «нитей» – чувствовалось магическое напряжение между ними. Оставалось надеяться, что продолжали беседовать не обо мне.

Глава 10

День следующий. Белоголовка

Темнота. Раньше она меня пугала, а теперь согревает, сладко нашептывает, что я больше не одинока, что позаботится обо мне. В темноте проступают глаза: неожиданно яркие, светящиеся, прозрачно-голубые. Нет привычного образа, лишь глаза. В них чувствуется суть того, кто смотрит на меня и, кажется, взглядом окутывает... обволакивает... Немыслимые, запредельные глаза Тьмы словно поглощают меня, настолько притягивают внимание, заставляют трепетать и отзываться что-то глубоко скрытое в моей душе. Я пытаюсь понять, рассмотреть, что таится, какие чувства отражаются в прозрачной глубине взгляда: нечто таинственное, покровительственное, смешанное с голодным любопытством собственника... и... выныриваю оттуда весьма странным и крайне неприятным образом.

Короткий полет – и словно в прорубь упала! Фыркнула, выплевывая снег изо рта, неуклюже завоzilась в мехах, сообразив, что «нырнула» в сугроб. Забарахталась там, пока наконец не выпросталась из мешка. Опершись на руки, приподнялась, смахнула с лица варежкой снег и – сразу же уставилась в те самые голубые глаза, которые только что во сне сверкали. Правда, вместо Тьмы на меня пристально смотрел Хейго. А вокруг яркий, искрящийся на солнце белый снег. И утро.

За несколько мгновений, что мы смотрели друг на друга, я успела уловить в его глазах отражение знакомых чувств. Неужели это был не сон? А желания Тьмы – это...

– Судя по придуманным людьми пословицам, у вас, леди Оливия, чистая совесть. Спите крепко. Не разбудят даже монстры! – раздался за спиной тихий насмешливый шелестящий голос Тьюго.

Я моргнула, стряхивая снег с ресниц, – и вырвалась из плена глаз Хейго, стоявшего с мечами в руках настолько близко, что его плащ «лизал» мою одежду. Обернулась в недоумении: действительно, вокруг красноречивые следы побоища, которое я с «чистой совестью» проспала, – останки монстров, серые сморщенные трупы белых. Боги, но их же сейчас больше, чем накануне было. Гораздо больше!..

Медленно вновь осев на снег, я потрясенно осматривала вытоптанную площадку, накрытую серым куполом: полным-полно убитых тварей. Но где

же наши лошади? Ответом стал труп моей растерзанной лошадки, лежащий в нескольких шагах, и разливающийся в воздухе запах крови. Привстав на колени, я судорожно огляделась и тоненько заныла. Рука Хейго сразу легла мне на плечо в успокаивающем жесте:

– Ты знала, что время каждой лошади придет. Какой-то раньше, какой-то позже.

Горечь комом стала в горле, тошнило нещадно. Выходит, Хейго стащил меня в снег, защищая, не отвлекаясь на обреченную клячу, заботясь в первую очередь обо мне. А раз нет двух других коняг, значит, темные их использовали для отвлекающего маневра, как в предыдущий раз. Да, видно, монстров сбить со следа не удалось, раз вступили в бой.

Но как же я умудрилась все проспать?

Похоже, изматывающий холод и постоянные бесплодные попытки «подпитаться» от земли давали о себе знать. С каждым утром мне было все труднее и труднее вставать, и днем едва держалась в седле, периодически проваливаясь в дрему.

Пока риирцы сноровисто собирали вторые сани и складывали в них мешки, я утопала в самобичевании: «Стыдно, плохо и горько. На самом деле я даже не груз – обуза!» За одиннадцать дней пути по захваченной белыми территории я поняла, что боги ничего не делают без дальней задумки. Поэтому, наверное, привели риирцев на Эйр. Спасли, чтобы те потом помогли спасти нас.

Дойти до Цветаны не смог бы ни один человек. Даже сильный стихийник. Особенно маг! Ведь наша энергия для белых – вкусное лакомство и подпитка. Маги не провели бы и дня за Гранью! А кто еще смог бы ежедневно отбиваться от монстров? Играть с ними в кошки-мышки, с помощью магии скрывать себя, меня, коней?! Живое тепло! И одновременно, преодолевая лютый холод, шаг за шагом, с упорством смертника продвигаться к цели?! Никто!

Нам действительно чудесным образом повезло, что боги открыли в наш мир портал беженцам с Риира! Погибшее королевство – малая плата за спасение целого мира. А я и вовсе никчемная проклятая принцесса. Груз, как и труп в стеклянном саркофаге и сваленное на снег барахло...

– Простите меня, – выдохнула шепотом, раскаиваясь в своей слабости. Они все равно услышат.

Мало того что сама не способна ничем помочь, к тому же еще и заснула. Усилием воли встала, отряхнула снег с одежды и, стиснув зубы, пошла к трупу своей лошади собирать вещи.

«Я должна быть сильной!» – приструнила саму себя, когда от

отвращения непроизвольно прикрыла глаза и затаила дыхание. Попыталась выдернуть сумки из-под разодранной лошадиной туши. Тщетно. Хотела повторить, дернув посильнее, но рядом мелькнул темный шлейф – и Хейго вытащил их сам, спокойно посоветовав:

– Посидите на санях, леди Оливия.

– Я могла бы и сама...

– Я знаю, – Хейго мягко прервал мою попытку оправдаться. – В случившемся нет вашей вины. Вы делаете достаточно...

– Что именно? – не выдержала я и отчаянно прохрипела: – Даже не могу помочь вам своей магией, не говоря об обычном содействии в пути!

– Вы, люди, более слабы телом – это очевидно. Но важно, что вы сильны духом.

– Кому? – шепнула я горько.

– Нам, – неожиданно криво улыбнулся Хейго. – Именно благодаря силе вашего духа мы совместимые виды.

Зловещая улыбка у этого темного почему-то была. Я оглянулась на других. Те тоже смотрели, улыбаясь глазами. Правда, с различной подоплекой, но точно не утешающей. И все же, выяснив, что моя слабость простительна, а от сомнительной лично мне силы духа есть какая-то одним риирцам ведомая польза, я выпрямила спину, вспомнив о статусе королевского отпрыска, которому негоже истерить, и благодарно кивнула:

– Спасибо за душевную поддержку, лары!

Вежливо улыбнулась и, посмотрев на командира отряда, побрела к саням, чтобы не мешать.

Совсем скоро темные стремительно скользили вперед, а я катилась рядом на санях по белому нетронутomu снегу, укутавшись в меха. И самое удивительное: движущей силой саней стала магия риирцев, «запрягших» в сани двух жутких порождений Тьмы, созданных по образу монстров белых. Сильны темные! Единственное отличие: «тягловые животные» оказались не белого, а черного цвета.

Некоторое время я развлекалась, наблюдая за черными монстрами, а когда надоело, снова решила поговорить с темными. Вчера весь день отмалчивалась, слишком неловко чувствуя себя после обсуждения собственной внешности. Какая, в сущности, ерунда, очередная условность. В нынешних обстоятельствах лучше общаться, чем вариться в собственных страхах и заниматься самоедством.

Слева и справа от моих саней летели Хейго и Хал, вот с ними я и заговорила, высказавшись в традициях светской беседы:

– Вы так легко уничтожаете монстров и их хозяев. Невероятно, и

впечатляет как!

Двигавшиеся впереди нас спутники оглянулись с улыбками. Кажется, я начинаю привыкать к ним.

– Это правильно, мы сильнее белых, – совершенно серьезно пояснил Хал.

– Почему? – встрепенулась я и, подтянувшись к спинке саней за поручни, приготовилась слушать.

– Мы в чем-то схожи с ними, – поразил меня до глубины души Хал. Затем так же спокойно продолжил: – Белые тоже отчасти элементарии. Только приспособились существовать в холоде и находятся на гораздо более низкой ступени развития. Попросту говоря, не имеют четкой грани между формами, застряли где-то в середине между физическим воплощением и энергетическим. По нашим наблюдениям, питаются, как и мы, окружающими потоками; ваше тепло – источник энергии для них, но с которым и перестараться можно.

– Перестараться? – заинтересовалась я.

– Слишком много тепла опасно для белых. – Хал кивнул, не поворачивая головы, поэтому я видела только движение капюшона. – Могут сгореть. А если не торопиться, то можно порадовать себя делика... – Он замолчал, видимо, ощутив мое негодование за причисление людей к обычной еде, вернее, деликатесу, поэтому, запнувшись на слове, поправился: – к примеру, ваши ходячие трупы. Ведь белый, в сущности, хищник, мог бы выпить сразу нескольких, но он еще и разумный, поэтому метит жертву касанием, по-вашему, душу забирает, затем пиявкой присасывается и какое-то время медленно, неторопливо тянет энергию.

– А маги умирают, потому что наша магия неотделима от души, сути, – понуро кивнув, тихо дополнила я, вновь вспомнив сестру.

– Да, – согласился Хал. – У человека без дара белые еще долго тянут тепло, сперва покалечив душу и отравив тело. Вот и бродят те несчастные, пытаюсь согреться за счет других... себе подобных.

– Видела их издали, – хрипло поделилась я, невольно передернувшись.

– Думаю, скоро наступит момент, когда мы не сможем обходить их скопления стороной. И столкнемся, – предупредил Хейго.

– Это так ужасно... неужели мы увидим их?

Хейго, блеснув глазами, продолжил:

– Стоит умереть белому, отметившему людей, они станут свободными. И смогут уйти на перерождение.

– Это еще одна важная причина для того, чтобы мы... вы... чтобы Эйр

очистить от белых!

– Вы правы, леди Оливия, ваш мир такой маленький, что его проще делить только двум видам. Третий здесь явно лишний! – ехидно высказался Тьюго.

Я осуждающе посмотрела ему в спину, надеясь, что он в полной мере прочувствует мое возмущение. И тут же почти от всех риирцев к несдержанному соотечественнику протянулись серые нити. Скорее всего, ему высказали за излишнюю разговорчивость. И коль темные делятся со мной знаниями о белых, воспользовалась моментом:

– Лары, а что представляют собой монстры? Наши думают, они созданы из льда. Ведь погибая, выглядят как груды осколков?!

Серые нити тут же развеялись, Тьюго передернул плечами, ускоряя шаг. Сегодня он вел наш отряд.

Хал продолжил, будто лекцию читал в Академии Магии студиям:

– Эти твари – стражи. Существа магического происхождения, а не рожденные естественным путем. Загонщики. Белые используют монстров подобно вашим аристократам, охотящимся со сворой собак. Или для охраны территорий. Нам кажется, они подпитываются энергией хозяина, но тоже любят «тепло». Поэтому усердно рвут... добычу на части и рыщут кругом. Хозяева через своих стражей чувствуют чужое живое тепло и быстро собираются в месте его обнаружения.

– Именно по этой причине вы играете с ними в прятки? И не принимаете бой, хотя легко можете уничтожить? – сделала вывод я.

– Да, вы правы, леди Оливия, – снова «кивнул» капюшон Хала. Убьешь стража, его хозяин почувствует чужака и явится следом. А нам лишние встречи ни к чему. Пока.

Какое-то время мы ехали молча, потом я не выдержала вида унылого пейзажа и на короткой остановке, поев, продолжила любопытствовать:

– Простите, лары, мою неучтивость. Могу ли я задать нескромный вопрос: почему вы представились мне коротко, по именам? И в Тартусе король с придворными тоже называли вас лишь...

– Понятно, леди Оливия, – обратил ко мне свою улыбку Хал. – Мы с вами относимся к разным видам разумных существ, и традиции у нас иные. На Риире нет различий по сословиям, как у вас. Мы отличаемся друг от друга исключительно силой. В Риире не используют... не использовали родовые имена. У каждого риирца уникальное имя.

– Но ведь поколений, наверное, очень много. Можно забыть и...

– Нет, Тьма не позволит. Она помнит все и всех! Для нее каждый из нас неповторим и дорог. Родители дарят имя своему ребенку, но в момент

обретения второй формы Тьма может сменить ему имя. Посоветует...

– Посоветует? – потрясенно выдохнула я.

– Скажем так: однажды кто-то из нас ощущает острую потребность изменить свое имя, – вмешался в разговор Кайго, который денно и нощно стерег саркофаг, – взять другое.

– Это произошло с вами? – Я впиалась в него слишком заинтересованным взглядом, надеясь на продолжение рассказа.

– Да.

Кажется, синеглазый риирец смутился от моего пристального внимания и интереса. Обычно он говорил немного, видимо, предпочитая слушать. Поэтому я вновь обратилась к более разговорчивому Халу с безобидным вопросом:

– А как долго вы живете?

Моментально переплелись серые нити – темные советуются. Наконец Хал ответил:

– Это сложный вопрос.

– Почему? – расстроилась я.

– Потому что мы считаем возраст иначе, чем вы, люди. Риирцы учитывают возраст до развоплощения, мы пока не можем сказать с уверенностью, сколько это будет в ваших годах. По нашим меркам, до десяти лет. Затем отсчет прожитых лет продолжается после обретения риирцем своей... э-э-э половинки.

– Почему? – в полном недоумении повторилась я.

– Потому что в ипостаси элементаля мы не растем, не меняемся физически. Мы накапливаем опыт, умения, наращаем силу. Потом, встретив половинку, обретаем полноценное физическое тело. А с момента обретения продолжается отсчет возраста риирца. Если учитывать именно этот возраст, то прожить можем, по нашим предварительным подсчетам, как и ваши маги, до трехсот лет. Может, чуть больше... лет на сто.

– То есть... – я ошеломленно взирала на собеседников, переводя взгляд с одного на другого, – если вы в форме духа не встретите свою половинку тысячу лет, например, то и проживете столько же? А потом, найдя ее, еще лет триста?

– Не пугайте меня ужасающими предположениями, – неожиданно попросил Хал, удивив меня еще больше, потому что его голос прозвучал недовольно. – Тысячу лет прожить в одиночестве, в холоде – страшная участь, которой никому не пожелаешь.

– Насколько я знаю, такое случалось в нашей истории, – задумчиво отозвался Хейго, пока я пыталась определиться с реалиями риирцев. –

Правда, паре этой несчастной сначала пришлось какое-то время приручать ее разум, потом долгое время отогреть. Но той риирке повезло: несмотря на сложный случай, она обрела любовь. Терпение у ее половинки оказалось невероятное.

– Это была женщина? – удивилась я.

В отсутствие перед глазами представителя другого пола иномирцев мне казалось, что такой вот суровый вид может быть только у элементарей мужского пола. А оказывается, «женщины-духи» в жутковатом облике существовали. Мало того, их любили.

– Да, история была об элементаре с женской сутью, – подтвердил Хейго.

Сразу припомнилось важное обстоятельство, о котором я поинтересовалась, смущаясь напоминать об обещании дать мне приют:

– Вы не могли бы рассказать о двух подданных вашего нового королевства? Не вашей расы.

– Тьяна и Лилия – половинки двух наших соплеменников, – ответил Хейго.

«Неужели возможно обрести в их лице супруга?» – Я не просто озадачилась – сгорала от любопытства, но спросить не посмела. Три года назад, наверное, подобная новость удивила бы и повеселила. А теперь я подданная Риира, одинокая девушка с вечно голодным псом и без каких-либо радужных перспектив. Пусть тайно, в глубине души, несмотря ни на что мечтающая о семейном счастье с достойным мужчиной, который сможет полюбить проклятую всеми принцессу.

Теперь и самого королевства нет. Принцесса Несуществующего королевства. Бедная леди Оливия Малина – единственный выживший потомок древнейшего рода, которому не хочется остаться последним и одиноким. Но кому такая нужна? По большому счету – бесприданница, хоть и наделенная сильным даром, потому что владение небольшим поместьем и домиком в дармашской столице под большущим вопросом. Надеюсь, король Бариус сдержит обещание заботиться о Пушистике.

Душа опять заняла, но мне всего двадцать один, может быть, и мне судьба даст шанс обрести счастье! Ведь сердце неистово просит о чуде, о любви, о сказке. Чего в моей жизни еще ни разу не случалась!

К вечеру удручающий окружающий пейзаж обрел краски. Закат

окрасил небеса в фееричные цвета: розовый смешал с алым, добавил нежно-сиреневый. Раньше от подобной красоты дух захватывало, но не сейчас. Слишком знакомое место!

Белоголовка!

Мы пересекли границу Шандара и Цветаны.

Впереди, куда бы я ни взглянула, вздымались земляные валы, засыпанные снегом. Чужак решил бы, что это просто холмистая местность, но я-то знаю, что когда-то здесь была большая зеленая равнина. Бескрайние поля, луга, сады...

Я неуклюже вскарабкалась на вершину холма и, выпрямившись, вновь осмотрелась, чувствуя, как горло сковывает спазм, а глаза наполняются слезами. Внизу, среди заснеженных холмов, мерцающих в закатных лучах разноцветными искрами, раскинулся небольшой розово-сиреневый сад. Розаны... Розовые – на месте гибели женщин и сиреневые – мужчин. Разные: совсем кривые и маленькие, уже начинающие чернеть и засыхать кустики; сильные и красивые, с широкими кронами дерева, как на могиле Алекс.

– Что это за место? – тихо спросил Кайго, подтягивая сани на вершину холма.

– Белоголовка! Здесь мы... последние маги Цветаны вели бой. Тоже последний! Пытались выиграть время для жителей города, чтобы те убежали отсюда подальше. Здесь Алекс... моя сестра и первая наследница непосредственно столкнулась с белым. Она сильная, характером в отца. Возглавила оборону и отступление после его гибели. Мы защищали свой народ... А потом... Александра умирала, долго и мучительно замерзая душой.

– Мы сочувствуем вашей утрате, – в тихом голосе появившегося рядом со мной Тьюго не было ни единой нотки иронии.

– В этой долине остались почти все земляне, видите, сколько розанов? Здесь умирали и совсем юные маги, и умудренные опытом вояки. Выжить удалось единицам. – Я всхлипнула, а потом зло добавила: – Трусам, подобным Шарлю, да редким везунчикам, как сама. Мы с мамой на себе вытаскивали раненую Алекс из гущи бойни.

Мотнула головой, отворачиваясь от дивного розового сада, и шепнула в пустоту своей души:

– Больше никто не назовет меня Оли-Ягодка, она тоже умерла здесь.

– Полагаю, через город нам идти не следует? – прошелестел над ухом голос Хейго.

– Да, думаю, там слишком много народа осталось, – кивнула я,

начиная спускаться и по колено проваливаясь в снег.

– Осторожнее, леди Оливия, не переломайте ноги, – предупредил Хейго. – Садитесь лучше в сани.

Хал подкатил сани и помог сесть. Дальше мы скользили, лавировали мимо заснеженных холмов, огибая то одно препятствие, то другое. Встречая очередной розан и чувствуя отголоски магии погибших землян, я вновь прощалась с ними, ощущая, как дрожит от напряжения собственная суть, обрывая старые связи.

– Вы должны закрыться, леди Оливия. Вы создаете энергетическое возмущение, которое мы с трудом скрываем, – неожиданно жестко приказал приблизившийся к саням Хейго.

И действительно, мой серый клубящийся защитный кокон потемнел и уплотнился, а я и не заметила, предаваясь печали и воспоминаниям.

– Простите меня, пожалуйста, – сипло шепнула я, обернувшись назад и увидев, как у розанов появляются стаи монстров, рыщущих в поисках добычи.

К счастью, вернее, благодаря темным, нам удавалось ускользать от опасности. Пришлось брать себя в руки и отрезать свой дар от окружающего мира. Вцепившись в спинку саней и разглядывая тварей, я выпалила то, что недавно осознала:

– Никто из людей не смог бы пройти этот путь без вашего участия. Никто! Ведь нас почуяли бы сразу, еще у границы. У нас нет ничего против белых...

– Да, вы правы, леди Оливия, – согласился Хейго, без пафоса, высокомерия или снисходительности. Просто признал очевидный факт.

– Тогда почему вы попросили столь мало? – поразила я. – За спасение вы могли потребовать полмира...

Из-под капюшона блеснули ледяные голубые глаза Хейго. Он бросил на меня внимательный взгляд, прежде чем ответить:

– Мы не такие, как вы, леди. У нас иные ценности и мироустройство. В том виде, в котором люди понимают власть, – это кабала для ее обладателя. Слишком много ограничений и постоянная опасность для семьи и потомства. А мы, элементали Тьмы, – свободные духом с рождения. Наши семьи строятся по иным принципам, чем ваши. Жизнь – это поиск своей половинки. Сила для риирца – это ответственность, и чем ее больше, тем выше статус обладателя и больше обязательств перед другими. Для нас сила – это долг, но одновременно и дар, который позволит обрести большую цельность в семье, укрепить слияние и защиту пары. Для этого мы наращаем мощь элементаля.

Распахнув слезящиеся от морозного ветра глаза, я смотрела на этого невероятного мужчину. Сильный, умный, свободный...

– Земли бывшей Цветаны обширны, граничат с океаном и всего двумя королевствами, захваченными белыми, – неожиданно вмешался в разговор Тьюго с прежней иронией. – Границ нового Риира и бывшей Цветаны мы с королями Эйра не обсуждали...

– Их вполне можно раздвинуть на весь Цветочный полуостров, который сейчас заморожен, – поддержал Хал товарища.

Я вытаращилась на ушлых темных и отметила словно специально для меня вымученную усмешку на лице всегда спокойного и выдержанного Кайго.

– Лары, меня терзают смутные подозрения, что вы таким вот нехитрым образом шутите надо мной. Причем не в первый раз.

– Когда был первый? – искренне заинтересовался Хал.

– На привале, пару дней назад, когда вы позволили себе при даме обсуждать ее внешность! – хмуро ответила я.

Хейго по-человечески хмыкнул, прежде чем пояснил:

– Первая подданная нового Риира – Тьяна, – узнав о предстоящем путешествии и вашей особе, леди Оливия, посоветовала нам определенную линию поведения. В случае если наша подопечная будет предаваться унынию или страху.

– Да, она посоветовала нам шутить и чаще улыбаться! – спокойно подтвердил Тиж, оглянувшись на меня.

– Или провоцировать на другие чувства, чтобы отвлечь принцессу от окружающего кошмара, – совершенно бесстрастным, непривычным тоном добавил Тьюго.

Вечер открытий! Я думала, что великие судии чужого мира прямо почти как люди. А они меня развлекали, оказывается. Посмотрев на скользящих вокруг саней в полном молчании риирцев раз-другой, решила объявить:

– Лары, я прошу вас только об искренности. Не нужно ради меня вымученно улыбаться и шутить. Я не скачусь в истерику, если вас это беспокоит. Поверьте, людям свойственно иногда грустить и печалиться, но это не значит, что они, что я... нарушу свои обязательства. Или каким-нибудь образом помешаю вам спасти мой мир.

– Леди Оливия, – неожиданно обратился Кайго. – Наше поведение – не стремление вас оскорбить или расстроить. Мы другой вид, поэтому учимся сосуществовать с людьми. И так же, как и вам, нам иногда свойственно грустить и печалиться.

Черты его лица менялись, но зеленые глаза улыбались.

Я благодарно кивнула – и с писком вылетела из саней. Кувыркнувшись, зарылась лицом в снег, да еще и сани накрыли.

Сразу освободив меня из снежного плена, Хейго мрачно сообщил:

– Под снегом полно неровностей, придется идти на снегоступах, пока не преодолеем холмы.

С вершины холма, куда мы забрались по пологой стороне, и круто обрывающегося с другой, открылся обзор на некогда большую деревню. И «жители» там остались. Те, что, лишившись души, неприкаянно бродят по окрестностям в поисках тепла. Мое сердце так громко и гулко стучало, что, казалось, слышала вся округа, хорошо освещенная круглой, полной луной...

Нежить! Зомбяки! Как их прозвали люди.

Ищущие – так между собой называли риирцы.

Притаившись, лежа в снегу, я наблюдала за растрепанными бабами в белых рубахах, которые недвижимыми стражами замерли у заборов, глядя в никуда. Возможно, когда их настигла беда, либо в бане мылись, либо только встали с постели. Двое ребятишек пугающе размеренно стучались лбами, держа друг за друга за плечи.

Мужики... некоторые из них ходили взад-вперед, словно думу думали. Но все поголовно мертвыми глазами смотрели в пустоту и даже «звенели» от проморозившего их холода. На миг показалось: дотронься – и рассыплются, словно ледышки. Но от боевых магов шла молва, что белые иномирцы крепко держат свои жертвы, забирая разум, душу и оставляя лишь одно желание – согреться. Найти живое существо и забрать его тепло для хозяина.

Закусив меховую рукавицу, чтобы не застонать от душевного раздрая, я впервые наблюдала за ищущими. Сначала дико хотелось разораться, чтобы выплеснуть горе за всех нас. За людей и за весь Эйр! Затем трусливо отползла подальше от обрыва и жуткого зрелища. Мои спутники остались наверху изучать обстановку, а двое «ушли» на разведку. Растерев покалывающие на морозце щеки варежкой, я отвернулась от риирцев и села. И тут взглядом наткнулась на чьи-то ноги, торчавшие из небольшого сугроба в трех шагах.

Яркий лунный свет ничего не прятал, наоборот, словно подсвечивал,

не давал укрыться мелочам, подчеркивая синюшные, обмороженные, без нескольких пальцев мужские ноги в оборванных по колено штанинах. Потрясенно подняв глаза, я увидела развевающуюся на ветру домотканую рубаху и заскорузлые руки в грязи и крови. Волосатую грудь в разорванном до живота вороте. Широкие ссутуленные плечи, как если бы мужик зябко ежился. И наконец заглянула в лицо... зомбяку. Широкое, скуластое, синюшное, с неопрятной бородой, в которой застряли снег и льдинки, с темными пятнышками веснушек... Когда-то, наверное, лицо вполне покладистого деревенского трудяги-мужика. А теперь из-под нечесаных лохм «смотрят» пустые, покрытые молочной пеленой глаза – замерзшие, бездушные, страшные...

Каждой частичкой своего тела я ощутила напряжение, исходящее от этого, в сущности, мертвеца. Напряжение чуждой магии белых! Будто ко мне невидимые щупальца тянулись, искали мое тепло, жаждали его

забрать. Я закричала от ужаса – зомбьяк дернулся с невообразимым звуком звона сосулек и весенней капли, а затем, протянув руку со скрюченными пальцами, двинулся ко мне.

Позади мертвеца возник Тиж, мгновенно превратившись в сгусток тьмы. Окутал синюшного зомбьяка, продолжавшего протягивать ко мне руку и согнувшего ногу в колене, чтобы шагнуть. Зомбьяка стремительно накрыла чернота. Жутчайшее мгновение: риирец будто прошел сквозь мертвеца и материализовался передо мной, заставив захлебнуться собственным воплем и, булькнув, замолчать.

Хейго выдернул меня из снега, посадил в подкатившиеся сани. Дальше я тарашилась на рассыпающегося прахом зомбьяка, а сани неслись прочь, вынуждая меня вцепиться в поручни, чтобы не вылететь на какой-нибудь кочке. Но мой крик слышали. Сначала в сгущающихся сумерках слышался усилившийся многократно ледяной перезвон. Догадавшись, что означает совершенно неподходящий для этого места и времени звук, я сжалась от ужаса.

Мои спутники ускорились, санки летели, развевались черные плащи на ветру. Мы вынырнули из-за холма и увиделидвигающуюся в нашу сторону от деревенской околицы толпу некогда живых жителей. Как деревянные шагали... страшной безмолвной толпой... под ледяной перезвон...

Я опять тоненько заныла, испуганно поджимая руки и ноги, до боли в пальцах цепляясь за санки.

– Молчи! – грозно прошелестел Хейго рядом. – Что бы ни случилось, только молчи. А еще лучше – закрой глаза!

Как можно закрыть глаза? Не вняв совету, я заворуженно смотрела на зомбьяков, следовавших за нами по санной колее. Сани петляли между высокими валами, не переворачиваясь лишь благодаря темным.

– Тьма! – ветер донес до меня злой возглас парящего впереди Тижа.

Резко обернувшись, я застонала от ужаса: мы несемся под уклон, а внизу, протягивая к нам руки, поджидает с десятков голодных ходячих мертвецов.

– Закрой глаза, Оли! – повторил Хейго.

Наверное, я бы не вняла то ли отчаянной просьбе, то ли приказу, но ласковое обращение из детства и юности словно чудо сотворило: согрело, предложило верить. Послушно закрыв глаза, я услышала:

– Доверься мне.

Зажмурившись, я ощущала, как екает сердце на каждой кочке, как горят щеки от ледяного ветра и дрожат руки от жуткого перезвона чужих

отмороженных конечностей.

В какой-то момент, ощутив полет, я невольно открыла глаза и стала свидетелем нереального действия: двое риирцев, будто огромные черные птицы в упряжке, тянули сани по воздуху. А пятеро других превратились в черный огонь, пожирающий все на своем пути. Пламя Тьмы мгновенно поглощало тело очередного зомбяка, высасывая из него то ли остатки жизни, то ли чужой силы, – затем на светлый подлунный снег осыпался темный пепел. А черное пламя тем временем устремлялось к новой добыче.

Так жутко...

Я зажмурилась, втянув голову в плечи и еще крепче цепляясь за сани, хотя куда уж больше, почти срослась с ними. А перед глазами стоял пепел, падавший на белый снег, и черное живое пламя, метавшееся над этим снегом. Значит, вот какой у иномирцев истинный облик, маскируемый плащом, облик, который они не торопятся открыть людям! Сама Тьма – неистовая, беспощадная и сжигающая все в пепел!

Холмистую местность мы покинули, больше не останавливаясь. Более того, даже не замедляясь. Мне прямо на ходу дали мешок, в который я завернулась и, прикрыв глаза, из-под ресниц наблюдала за спутниками.

Темные приняли прежний вид, но смотреть на них по-прежнему я больше не могла. Тем не менее, стоило светло-голубому взгляду с беспокойством остановиться на мне, страх отпускал.

– Благодарю, – прошелестел голос Хейго.

– За что? – чуть не плача, просипела я, уставившись на него. – За то, что нарушила приказ и закричала? Накликала беду и... ищущих?

На его лице не отразилось недовольства, а смотрел пристально, будто в душу заглянуть хотел. Наконец едва заметно улыбнулся:

– За доверие! Все будет хорошо... леди Оливия.

Я могла поклясться, что у Хейго чуть не вырвалось «Оли», но он, запнувшись, закончил, как было договорено на время похода. Наверное, я сошла с ума в этом бесконечном кошмаре и холоде, но от его заминки в груди неожиданно потеплело. А скупая, быть может, показавшаяся улыбка подарила надежду на хороший исход и успокоила.

Чтобы самой себе не напоминать нахохлившегося воробья в гнезде, я расслабилась и шепнула:

– Это вам спасибо! За все!

Глава 11

День четырнадцатый. Перевоплощение

Второй день подряд бушевала метель, но мы упорно продвигались к сердцу бывшей Цветаны – Дворцу Малина, о великолепии которого я заставляла себя не думать, оказавшись на чужбине в скромном домике, в стесненных обстоятельствах. Зато теперь, в качестве беззаботного груза, периодически заметаемого снегом, мне никто не мешал предаваться воспоминаниям, согревавшим сердце. Подозреваю, не без участия Хейго, по-прежнему пекшегося обо мне. Но против ничего не имела, волей-неволей предвкушая встречу с Домом, каким бы он ни был.

Порой, самой себе напоминая приличных размеров сугроб на санях, я не спешила стряхивать снег, образовавшийся корку, защищавшую от ветра. В мешке было достаточно тепло, чтобы не замерзли руки-ноги-нос. Вязаный шарф с лица я сдвигала, только когда ела. Нос и щеки противно шелушились и, страшно подумать, покраснели и выглядели плачевно, несмотря на целебную мазь из моих запасов, отогретую и щедро намазанную на лицо. Да и на яркий, искрящийся на солнце снег долго смотреть опасалась. Хотя уж лучше такой, нежели тот, который вторые сутки ветер щедро швыряет в глаза, как ни отворачивайся, ни закрывайся.

Будет ли конец нашему трудному пути?

Еще поймала себя на пугающей мысли, что бессознательно постоянно искала взглядом Хейго. Пока он был рядом, страх отступал, но стоило риирцу отлучиться, исчезнуть из моего поля зрения, внутри все сжималось от холода и беспокойства, и тогда я начинала откровенно рыскать вокруг глазами. На вопрос, почему именно он завладел моим вниманием, пока не было четкого ответа, хотя времени для раздумий хоть отбавляй.

Надо признаться, рыжий голубоглазый риирец мне понравился. Очень понравился! Это чувство неожиданно испугало из-за опасения попасть в зависимость не просто от чужака, а иномирца. Нельзя, нельзя засматриваться на этого незнакомца, сколь бы привлекательным он ни показался!

Вчера в одном из опустевших домов мне вновь предоставили возможность помыться, но даже это не порадовало. Кроме того, защитный купол риирцев больше не спасал от холода. Либо метель сыграла злую роль, либо близость к проклятому «белому» portalу, а может, больше сил

уходило на передвижение, потому что неслись мы не в пример быстрее, чем на лошадях.

Сегодня меня мучило раздражение на все и всех. Даже на себя злилась за слабость, никому не нужные сантименты и чувства. Риирцы решили остановиться на лесной поляне неподалеку от большого, засыпанного снегом тракта. Слишком часто на дорогах между селениями начали встречаться ищущие и монстры. Порой они жутковатой группой бродили в поисках нарушителей покоя захватчиков Цветочного полуострова.

Обнаружив охотничью хижину, мне позволили пройтись вокруг нее, чтобы согреться и размяться. Сугробы здесь намело еще не очень большие, снегу препятствовали лесные заросли и высокие деревья. Получив горячую тарелку с уже набившей оскомину «темной» похлебкой, я съела ее с тайным содроганием. Только разлившееся в животе тепло чуть-чуть исправило послевкусие от надоевшей пищи.

Вспомнилось время, когда я, отвергнутая всем миром принцесса, видевшая живую курицу исключительно на птичьем дворе, училась готовить ее сама. Ощипывать неподдающиеся колючие перья и – о, ужас! – голову и внутренности тоже отделять.

Впрочем, недовольство походными условиями я прятала глубоко в себе, отвечая спутникам исключительно вежливой, благодарной улыбкой. Не пристало принцессе даже несуществующего королевства походить на квашню и потакать собственным слабостям и прихотям. Крепче надо быть! И сильнее! И молча пережевывать иной раз недоваренные овощи тоже! А то посолить бы, поперчить...

Эх, сколько красноречия во мне открылось во время путешествия. Пожалуй, еще чуть-чуть – и кого хочешь уговорю на что угодно. Не зря же ежедневно на себе практикуюсь!

Выпив кружку травяного отвара, я вымученно улыбнулась, поймала задумчивые взгляды спутников и побрела по снегу в кусты. Видимо, перестаралась с вежливыми улыбками для бодрости духа и жизнеутверждающего настроения. Излишне резко попросила у Хейго хоть малость уединения. Сейчас мне наплевать на все, даже на монстров, лишь бы побыть в одиночестве.

С неба падал, кружился снег – легкий, рассыпчатый... надоевший до зубовного скрежета... Мало того – враждебный. Я тщательно привела одежду в порядок и направилась обратно к лагерю. Выбралась из кустов и замерла, запрокинув голову, посреди естественной прогалины: метель улеглась, толстые стволы деревьев устремляются вверх, солнце клонится к закату, освещая все вокруг розоватым светом. Даже зажмурилась, поймав

солнечного зайчика. Наверное, здесь звериная тропа раньше проходила, уж больно место ровное, характерное.

Слишком хорошо знакомое покалывание кожи, ощущаемое при воздействии магии белых, мгновенно разрушило очарование момента. Моргнув, чтобы сфокусировать взгляд, я увидела в нескольких метрах впереди огромного белоснежного монстра, водившего лобастой головой в поиске тепла... Моего тепла! Вот тебе и уединилась, гордая принцесса! Горло перехватило, я неосознанно сделала шаг назад, потом еще и еще. Внезапно под ногами затрещало, предвещая очередные неприятности – словно тонкий лед не выдерживал. Но я даже глаз опустить не могла, затравленно вытаращившись на монстра, без сомнений почуявшего меня, ступавшего след в след.

Приближающийся зверь ощерился, показав кошмарных размеров клычищи, и приготовился прыгнуть. Я вдохнула и хотела позвать на помощь, но даже пикнуть не успела – заметила мелькнувший черный шлейф. В следующий момент сама Тьма окутала меня со спины, горячая ладонь закрыла рот, над ухом прошелестел голос Хейго:

– Молчи! Я рядом!

Дальше подсознательно успела удивиться: рука темного оказалась по-настоящему живой и очень горячей, ведь непосредственно моей обнаженной кожи коснулись впервые. Затем раздался громкий треск ломающегося под ногами льда... не льда...

– Тьма! – выплюнул Хейго.

– Мамочки! – пискнула я, уходя под землю, в глубокую огромную яму, вместе с темным и монстром.

Твердь уходила из-под ног, а меня обволокла та самая Тьма, которой становятся темные, смерчем завихряясь при перемещении. Тело охватила нестерпимая, обжигающая боль, словно огонь опалил. Я заорала – и рухнула на землю. В следующее мгновение пораженно заглохла, глядя, как Хейго, принявший удар падения на себя, вскочил на ноги, причем не в привычном облике, а «живьем». Отпихнув меня к стене, в движении «вытащил» мечи и закрыл собой от снежной твари.

Тряхнув головой, чтобы прийти в себя после приземления, я оперлась на промерзлую земляную стену и, по-рыбьи открывая рот, чтобы хватануть ледяного воздуха, вытаращилась на бившегося с монстром риирца. Боли, пронзившей меня в темном «пламени», длившейся, наверное, долю мгновения, полвдоха, как не бывало. Защитный купол тоже исчез.

Скоро в огромной яме-ловушке, видимо, давным-давно вырытой охотниками либо на медведей, либо на лося, с торчащими в центре

кольями, на которые мы чудом не напоролись, оказавшись с краю, стало слишком тесно от количества прибывающих и прибывающих монстров. Они осыпались снегом и снова кидались на моего защитника.

Прижавшись к отвесной стене, я закусила рукавицу, чтобы не развопиться от ужаса, отвлекая внимание Хейго, и следила за происходящим. За мужчиной, настоящим воином, живым щитом закрывающим меня от опасности. Стремительные движения, мощные точные удары, ответная звериная жестокость и нечеловеческая запредельная сила... Дно ямы покрыли останки созданий белых магов. А ведь бой продолжается всего ничего.

Я вскрикнула, когда меня схватили за шкурку и быстро вытянули наверх. И тут же оказалась под защитой Тьюго и Тижа. Одновременно Хал со Свером «нырнули» вниз помочь Хейго добить последнюю оставшуюся тварь.

Риирцы осмотрелись в поисках других стражей и белых, а я восхищенно глядела на замечательного героя своей мечты, замершего в яме с мечами в руках. Хейго даже не запыхался, но главное – дышал! Я впервые видела, что он дышит! Мало того, никакого плаща-тьмы – черный плотный костюм: куртка и штаны, свободно облегающие тело. А вместо клубящейся в ногах массы – удобные высокие ботинки. Передо мной оказался не совсем обычный – подобные сильные воины обычными быть не могут! – но реальный мужчина, как говорится, из плоти и крови.

Черная одежда отлично подчеркивала его мужественную, высокую, поджарую фигуру. Рыжеватые, завивающиеся, короткие волосы. Полностью открытое лицо с абсолютно четкими чертами. Чуть приоткрытые, слегка кривящиеся губы, через которые парком вырывается дыхание, прямо как у настоящего человека! Вот только глаза Хейго, уставившегося на меня, яростно горят бледно-голубым огнем. Надеюсь, причиной тому непредвиденный бой?

– Это она? – неожиданно спросил Хал у Хейго, посмотрев из ямы на меня. Голос его прошелестел удивленно.

– Да! Зачистите тут и купол уплотните! – приказал Хейго ледяным тоном.

И вслед за риирцами, дружно уставившимися на меня с прямо-таки нездоровым любопытством, одарил жутким взглядом, пугающим почище монстра, словно белены объелся. Странно, будучи реальным, как они говорят, в физическом воплощении, этот мужчина пугал куда больше, чем в ипостаси элементаля. Стал совершенно незнакомым и каким-то чужим. Нет, чуждым!

Подошел к стене и, без видимых усилий подтянувшись, выскочил из ямы. Затем втянул в ладони пламенеющие мечи и, будто желая прочувствовать свое тело, потер руки, подвигался, как если бы захотел размяться после сна или длительной неподвижности.

– Это нечаянно произошло... неожиданно и... – Я сипло оправдывалась перед ним. Ледяные глаза тут же вперились в меня, заставив подавиться следующими словами: – Я же никуда... не крикнула... я же не знала, что там яма, и...

Дальше и вовсе потеряла дар речи – лицо Хейго пошло темными разводами, которые сразу же «впитывались» в светлую, слегка тронутую загаром кожу, словно Тьма приспособлялась, устраиваясь удобнее в живом теле. А сам новоявленный темный, воплотившийся в рыжего... хм-м-м... злюку, направился ко мне, будто волк к раненому кролику, не способному убежать. Даже снег под ногами «волка» угрожающе хрустел...

– Хейго? – Обеспокоенный тон Фрея подействовал на меня угнетающе. – Ты как?

– Должен завершить слияние, – лишенным эмоций голосом произнес Хейго, неотрывно глядя на меня.

Я судорожно сглотнула, тут же вспомнив обжигающую боль, которую испытала, стоило темному коснуться моей обнаженной кожи. Если бы раньше узнала, насколько болезненно-жгучим будет прикосновение риирца, в то время как они постоянно помогали мне, поддерживали, направляли, держась за меховую одежду, уверена: наше путешествие осложнилось бы невероятно.

Пришлось отступить от неотвратимо надвигающегося Хейго, опасливо поглядывая на полыхающее в его глазах пламя. Может, сказать ему, что на сегодня мне хватит приключений? В конце концов, он же заботится о моем душевном самочувствии, а в данный момент у меня душа в пятки уходит!

В панике я осмотрелась – и рванула к хижине. Смешно, конечно, пытаться удрать в унях и толстенной меховой одежде, в которой я за две недели так и не научилась достаточно быстро передвигаться. Вообще сомнительно, что в ней возможно бегать, но пыталась изо всех сил. Словно неуклюжий, косолапый мишка ковыляла по сугробам, растопылив руки, чтобы не упасть. Рядом летели мои охранники, придавая «бегству» дополнительной зрелищности, сродни королевскому выходу. А за спиной другие риирцы о чем-то напряженно говорили моему преследователю.

Который почему-то потерял свое пламя!

Загнав себя в другую ловушку, засыпанную снегом хижину, я всхлипнула. Ведь даже дверь не удалось самостоятельно закрыть, та

попросту примерзла. Я снова оперлась спиной о стену, на этот раз деревянную, и, шумно дыша, в страхе уставилась на окошко, пропускающее еще достаточно света из-за свободно болтающегося на ветру, скрипящего ставня. Тьюго с Тижем закрыли мне обзор на дверь широкими спинами. О, боги, неужели они готовятся защищать меня от своего же?! От надежного и теплого, неизменно охранявшего и опекавшего меня в ипостаси элемента Хейго. Вдруг ставшего устрашающе опасным, как с цепи сорвался, в телесном воплощении. Да лучше бы он и дальше оставался духом!

Поверх плеч охранников я увидела прошедшего в дверь Хейго. Его сразу обступили риирцы. В небольшой комнатухе стало слишком тесно и, к моему удивлению, даже жарко.

Это толпа темных жару задала? Или их собрат намеревается меня испепелить за то, что свалился в яму с тварями? К его голове потянулись серые нити – темные пытались с ним поговорить, но будто натыкались на преграду. В воздухе повисло раздражение и дичайшее напряжение.

– Отойдите! – грозно прошелестел Хейго.

– Я ни в чем не виновата! – пискнула, едва не разревевшись.

– Ты должен отложить! – ровно, спокойно сказал Хал, удерживая Хейго за плечо.

– Не вижу достойной причины! – с ледяным бешенством в голосе, откровенно теряя терпение, возразил тот, пытаясь прорваться сквозь «темный» заслон ко мне.

– Она – ключ! Инициация может затронуть ее суть! – весомо заявил Тьюго, чем невольно вызвал у меня признательность.

Инициация? Волна паники захлестнула с головой: какая еще инициация?..

– И изменить! – добавил Хал. – Ты можешь немного подождать, до дворца?

«Изменить? Меня? Каким образом? Зачем?» – закусив губу, я мысленно кричала от ужаса, тщетно пытаясь слиться со стеной.

– Согласен! – поддержал спутников Свер. – Никто не поручится, что Дом пропустит хозяйку... с изменениями.

Я отчаянно замотала головой, подтверждая, что ни за что не пропустит! Поэтому пошли они к белым, темные умники! Я не согласна ни на какие изменения! Я человек.

– Хейго, мы все понимаем, но осталось три дня пути... – странно умиротворяющим тоном явно уговаривал Кайго.

От страха и полного непонимания происходящего, от растерянности,

бессилия и обиды я не могла справиться с волной жалости к себе и захлюпала носом. По моим щекам побежали слезы, и Хейго, все это время, пристально следивший за мной, наконец-то согласился:

– Хорошо! До дворца подождем!

Получив некую отсрочку, я облегченно всхлипнула – и следом шестеро спутников исчезли из хижины, тьмой брызнув в стороны под мой хриплый стон страха, оставив нас с Хейго наедине.

В сумерках, разбавляемых тусклым светом магического светляка, кружились снежинки, постепенно оседая на пол заброшенной хижины. А мы стояли в паре шагов друг от друга и молчали: он – с загадочным, но почему-то мрачным торжеством, я – испуганно глядя на него, не в силах прекратить плакать.

Наконец Хейго шагнул ко мне. Я одновременно отступила, прижимаясь к стене, словно надеялась на ее защиту. Чего ждать от изменившегося темного – неизвестно, а испытывать судьбу страшно вдвойне.

Еще один шаг – и высокий, стройный, широкоплечий мужчина замер передо мной. Задрав голову, я напряженно следила за выражением его лица, ожидая, что будет дальше. Голубые глаза напротив потемнели, словно лед растаял, но его взгляд стал еще более загадочным, горячим, непонятным.

На всякий случай я повторилась:

– Скорее всего, там проходила тропа и охотники специально вырыли ловушку. Я не подозревала о ней, поверьте. – Хейго продолжал безмолвствовать, вперившись в меня, а я, не зная куда девать глаза, заторопилась, затараторила: – Я до последнего отступала и следовала вашему приказу не шуметь. Только в последний момент, когда напали...

– Я знаю, – прервал он поток моих оправданий, – все время следил за тобой и был рядом. Решил, что скрою тепло, но та тварь принадлежала сильному белому, если учуяла твой след.

Я совсем растерялась.

– Но... Тогда почему вы разозлились на меня?

Он неожиданно улыбнулся краешком губ.

– Ты неверно истолковала мои эмоции.

Я отрицательно мотнула головой, и хрипло от переполнявших меня противоречивых чувств предположила:

– Вы потеряли свое пламя? Из-за меня? Я сделала что-то не так?

– Пламя? – Его рыжеватые брови взлетели на лоб. – Нет, скорее, приобрел.

Мы вновь замолчали, разглядывая друг друга. Я – теряясь в загадках и

раздумывая над странным поведением этого непостижимого мужчины, а он – неизвестно о чем думал, затем глубоко вздохнул. Широкая грудь приподнялась и опустилась, невольно привлекая внимание к черной одежде, похоже, сшитой из тонкого дорогого сукна. Без вышивки и украшений. Ткань плотно облегла отличную мужскую фигуру. Тело воина! Воина-риирца, который – дышит!

Оторвав взгляд от груди Хейго, я вновь посмотрела ему в лицо и опять замерла, чувствуя себя жалким мелким кроликом перед огромным ненасытным хищником. Но свойственное роду Малина любопытство, вошедшее в историю,хватило и меня. Раз теперь его голову ничего не скрывает, я рассматривала высокий лоб, короткие светлые брови, белесые, но густые ресницы, обрамляющие глубоко посаженные глаза с морщинками в уголках. Прямой нос, полные чувственные губы, слегка приоткрытые. Кажется, он сам не осознавал, что сейчас на его лице отчетливо отразилось сразу несколько чувств: досада, голодное жадное любопытство, нетерпение, темная радость, злость и чистый восторг – невообразимая каша, которая к тому же стремительно меняла «вкусовые оттенки». Не давала возможности понять, что с ним происходит. С нами!

Я открыла рот спросить, но Хейго поднял руку. С испугу шарахнувшись назад – к счастью, меховая одежда спружинила и смягчила удар, – я стукнулась головой о стену и сама себя загнала в угол. Мужчина поморщился и медленно, видимо, собираясь успокоить, потянулся пальцами к моей щеке. А я в ожидании неминуемой дикой боли зажмурилась и сжалась.

Твердые пальцы осторожно коснулись моего лица, а боли и жара не было. Более того, от них по щеке побежало приятное тепло, постепенно превращаясь в поток, согревавший каждый уголок моего тела, каждый пальчик. Буквально выгоняя холод из меня, наполняя ощущением покоя и благодати, помогая успокоиться.

Широко распахнув в удивлении глаза, я вспыхнула от неловкости, вспомнив, что мои покрасневшие, шелушащиеся щеки и нос наверняка выглядят ужасно, неприлично, не...

– Даже мороз не справился с твоей нежной шелковистой кожей... – хрипло произнес Хейго, вновь заставив меня насторожиться и замереть. А сам продолжил изучать мое лицо пальцами обеих рук, поглаживая

мои щеки, брови, лоб и даже веки, вынуждая закрыть глаза и отдаться собственным приятным ощущениям...

Когда он коснулся моих губ и с нажимом провел по ним пальцем, я испуганно распахнула глаза.

– Какая же ты горячая... – с наслаждением выдохнул он.

И было в нашем положении и в том, с каким неистовым любопытством он касался моего лица, что-то дико неприличное. Словно мы уже занялись... любовью.

Хейго наклонился, глубоко вдохнул у моего виска, потом коснулся его губами. И слишком медленно, будто наслаждаясь, повел губами от моего виска к брови, затем на лоб.

Я уперлась ему в грудь ладонями, решив прекратить неприличные и явно недвусмысленные игры, – и мои руки в варежках не провалились в плащ-туму, а натолкнулись на твердое, мускулистое, сильное мужское тело. Для обладателя которого мои попытки отодвинуть его были подобны попытке муравьишки унести кусок хлеба.

Этот видный мужчина нравился мне, но одновременно пугал до дрожи в коленях. Я уперлась в его предплечья, но меховые варежки скользили, не давая зацепиться за крепкие длинные руки. Испытывая двоякие чувства от горячего тела рядом, от теплых, слегка влажных губ, которыми он легкими поцелуями покрывал мое лицо, приближаясь к губам, я просипела:

– Боюсь, что...

– Не бойся, я с тобой!

Спокойный и самоуверенный тон огорошил меня еще больше.

– Это и пугает! – тихо проворчала я.

Хейго отстранился, но продолжил ласково поглаживать пальцами мое лицо, явно получая от этого удовольствие. Вон как голубые глаза сияют!

– Люди сами говорят, что ко всему привыкают. И ты ко мне привыкнешь!

– Не вижу достойной причины, – припомнила его же недавно высказанную фразу.

– Смотреть не обязательно, попробуй только чувствовать. А я помогу.

Голос Хейго прозвучал еще более самоуверенно. В то же время в нем присутствовали мягкие, вкрадчивые нотки.

– Что происходит? Я совсем не понимаю, почему вы...

– Наши бы назвали это чудом!

Он прервал мой лепет, не позволив приблизиться к разгадке.

– А наши?

– Люди в этом ничего не понимают. Вы только чувствовать не умеете.

– Вы ошибаетесь, лар Хейго.

– Я очень надеюсь, Оли!

– Ваше поведение выходит за рамки приличий, вы забываетесь...

Мой нравоучительный тон опять не возымел результата.

– Нет, риирцы неспособны о чем-либо забыть. Особенно элементарь, занятый накоплением любого опыта.

– Тогда куда делась ваша хваленая вежливость, лар Хейго? – холодно, даже зло укорила я, на миг презрев благоразумие.

Мужчина молчал, испытывая мои нервы долгим, пристальным вниманием, словно касался моего лица. Более того, казалось, собирался вот-вот снять капюшон, впивался взглядом в мои глаза, будто за душу брал, впервые за последние годы отогревшуюся душу...

– Расскажи о своей сестре, Оли, – ни с того ни с сего даже не попросил, а фактически приказал преобразившийся темный.

– Что именно? – осторожно уточнила я, немало удивившись.

– Насколько она старше тебя? Вы очень похожи? – Я замотала головой, отрицая, и он тут же уточнил: – Внешне!

– Отчего вдруг этот интерес к моей покойной сестре? – насторожилась я.

– Поверь, он не праздный!

Мы вновь сцепились взглядами, выясняя, кто сильнее или упрямее. Он – давил, вынуждая ответить, я – раздумывала, стоит ли ему отвечать вообще или отделаться ничего не значащими фразами. Наконец, тяжело вздохнув – в конце концов, темные вскоре сами обо всем узнают, а может, и увидят, если дворцовая портретная галерея цела, – решилась.

Под нетерпеливым мужским взглядом, ощущавшимся физически, я сняла варежки и полезла под одежду, за пазуху. Нашла кулон, на миг сжала его в ладони, опять ощутив боль потери, вытащила наружу и, осторожно раскрыв, протянула Хейго дорогую сердцу вещицу. Мы вместе смотрели на две половинки кулона с изображением двух принцесс Цветанских. Я и Александра!

С миниатюрных портретов, мастерски написанных придворным художником, смотрят две совершенно одинаковые юные красавицы в королевских диадемах. Легкие улыбки играют на их губах. Отличаются только драгоценные украшения и великолепные праздничные наряды очаровательных девушек, открывающие изящную линию шеи и плеч, высокую грудь. Сложные, для особых торжественных выходов, прически подчеркивают овальную форму лица, светлую кожу, румяные щеки. Высокие, умные, как поговаривал папа, лбы. Чистые серые глаза, с

поволокой, как добавляла мама. Пухлые розовые губы.

Впервые увидев эти миниатюры, мы с сестрой едва не захлопали в ладоши от восторга, довольные и работой художника и, чего греха таить, собственной внешностью. Поэтому сейчас я невольно испытывала гордость за нас с Алекс и тоску, потому что ее больше нет.

– Вы близнецы? – с отчего-то торжествующим, трепетным тоном уточнил Хейго.

Смерив его настороженным взглядом, я передернула плечами и ответила с горечью:

– Да! Нет! Мы были половинками одного целого... которого больше нет. Александра теперь с богами, а я осталась одна. Половинка!

– Неужели – вторая?

Я вздрогнула от неожиданного вмешательства недоверчиво осведомившегося Тьюго.

Хейго, загадочно усмехнувшись уголком рта, повернул в его сторону раскрытый кулон.

– Да, – кивнул тот, с чем-то соглашаясь. – Она – вторая! Половинка!

– Значит, все не зря! – торжественно и твердо произнес Хал, следующим появившийся в хижине.

Его поддержал Тиж, материализуясь из завихрения тьмы:

– И будущее есть!

– Это твердая, доказанная закономерность, а не случайность! – высказался Свер, возникший за ним.

Обстановка накалялась, вернее, затемнялась. Непонятно, о чем риирцы говорили, являясь темными смерчами один за другим, словно подслушивали нас с Хейго, к плечу которого я неосознанно придвинулась. Потому что темные снова пугали! Особенно рыжеволосый, к которому мне, тем не менее, хотелось прижаться. Но я не осмелилась, просто стояла рядышком, согреваясь в его успокаивающей, вопреки голосу рассудка, близости.

Зато я решила выяснить, о чем идет речь, начав дипломатично:

– Лары, недавно мы с вами договорились об искренности, и...

– Еще три дня тяжелой дороги, – прервал меня Хейго, хлопнув кулон, и слишком собственнически сунул мне его за пазуху, застав охнуть от бесцеремонности. – Поэтому пора спать.

– Я хочу разобраться, что здесь происходит, – не унималась я.

И замолчала. Сама. Потому что Хейго встряхнул мой меховой мешок – и тот увеличился в размерах вдвое!

Хейго жестом приказал мне залезать в него.

– А вы...

– Оливия, давайте быстрее! – В глазах темного мага, походя проявившего свои незаурядные возможности, сверкнуло нетерпение. Узнать, перейдет ли он в прежнюю, не телесную, форму я не успела. – Я теперь с вами буду в этом мешке... спать. До дворца. Поторапливайтесь, а то холодно... оказывается.

Меня одолевали сомнения по поводу «с вами...»: с одной стороны, мужчина, неусыпно заботившийся обо мне, спасавший, даже развлекавший, сам замерзает. Как-то непривычно, конечно, и неизвестно почему. А с другой – это же вне приличий, ведь форму сменил... И теперь категорично заявил о том, что будет спать со мной в одном мешке. Посторонний мужчина! Это же как в одной кровати...

Щеки обожгло стыдом, но деваться некуда, вряд ли он будет безропотно замерзать. Да и бесчеловечно так поступать. Недовольно сопя, я полезла в мешок, всем своим видом показывая, что против, но вынуждена делить с ним спальное место.

Стоило Хейго нырнуть в мешок и в буквальном смысле укутать меня своим телом и теплом, я притихла, словно мышь в норе. Лежала смирно, затаив дыхание, боясь пошевелиться, прислушиваясь к собственным ощущениям. Подумать только: это мой первый опыт такого тесного... времяпрепровождения с женщиной. И такой... позор!

Глава 12

День пятнадцатый. Секреты

Теплые ласковые волны укутывали меня, нежно баюкали, нашептывая что-то умиротворяюще приятное настолько, что не хотелось выплывать из сладкого сна, даже шевелиться не хотелось. Тем более ко всем прочим прелестям неожиданной, давно не случавшейся утренней неги меня окружал чудный флер прекрасного летнего дня, наполненного солнцем. Напоенного запахами нагретой земли, полевых цветов, свежескошенной травы, мужского здорового тела... Запахами, смешанными с утренним туманом или вечерней дымкой. Слишком много оттенков в одном аромате, пробравшемся ко мне и будоражившем чувства, вытаскивая наружу подзабытые, чудесные воспоминания и в то же время новые, чувственные нотки.

Зарывшись носом в сладостный аромат и совершенно расслабившись, я не могла надыхаться. Но вместе с просыпающимися ощущениями вострепелось и сознание, за ними пришли мысли. Разные...

Не желая возвращаться в реальность из уютного кокона, я лениво размышляла о событиях прошлого вечера: что же вчера в яме стряслось? Не раз наблюдая, как темные самоотверженно защищали меня, сомневалась, что причиной мрачного, бешеного взгляда, который получила от Хейго после вполне успешной расправы с монстрами и благополучного возвращения наверх, было попадание в ловушку. По крайней мере, сейчас, на свежую голову, в это не верилось.

И все-таки голубоглазый, широкоплечий рыжий герой от чего-то изменился, мало того – утратил пламя! И в то же время, по его словам, с ним случилось чудо. На мой взгляд, сомнительного толка, потому что теперь он мерзнет и ходит по снегу, как бранный человек, а не парит.

Сопоставляя рассказы темных о своем народе и собственные наблюдения за спутниками за время двухнедельного путешествия, о многом я лишь догадывалась. Ведь риирцы не торопились делиться со мной чем-то важным. Говорили о многом, но в то же время еще больше скрывали, ссылаясь на малозначительность, а полную картину без нюансов не сложить.

Мысленно соединяя фрагменты в «изображение», я начала с того, что физическое воплощение они обретают для размножения, как бы

примитивно и пошло это ни звучало. Еще когда находят избранную. Возможно (даже очень возможно), это взаимосвязанные события. Правда, пока неизвестно, каким образом они определяют, что нашли избранную...

Я затаила дыхание, когда в голове завертелась шальная мысль: что, если я избранная Хейго?.. Нет! Даже поморщилась от глупого предположения: разве может мужчина эдаким зверем смотреть на желанную женщину? Нет, конечно! И соплеменники тоже были встревожены его поведением, не зря же вместе между нами держались.

Называли меня половинкой, точнее, повторили мое признание в том, что я всего лишь половинка души почившей сестры-близнеца. Тогда почему с восторгом это обсуждали? Столько вчера произошло непонятного, столько сказано, а подвести четкую черту нельзя. Факты противоречат, как заявила бы Александра. Разные мы. В общем, в избранную Хейго не верится. Слишком неоднозначно он вел себя накануне. Но до этого заботился обо мне... больше, чем любой из остальных спутников.

Я тяжело вздохнула, расстроившись: верно, командир отряда ключ к будущему своего народа оберегал, ценный груз. Ненавижу загадки. Особенно когда от решения зависит моя жизнь. И что там нужно отложить до дворца?..

Шелушащийся кончик носа зачесался; я неосознанно потерлась лицом о приятно теплую и вкусно пахнущую ткань. Хорошо-то как! Неожиданно поверхность, на которой я уютно устроилась, тоже глубоко вздохнула, а у меня над макушкой прошелестел знакомый голос:

– Проснулась, Оли?

Я дернулась – и, изумленно распахнув глаза, уставилась на широкую грудь, обтянутую черной тканью. Сон мгновенно испарился! Я же лежу на мужчине! Спала с ним в одном мешке! Стыд-то какой! Мапочки! Разволновалась, завозилась, начала отстраняться, выбираться из крепких мужских объятий. Не вырваться! Отвоевала немного пространства. Настойчиво пыхтя, подняла голову, собираясь сказать все, что думаю по этому поводу, – и уставилась в голубые глаза, как ни странно, весело смотревшего на меня Хейго.

– Доброе утро, леди Оливия!

– Доброе утро, лар Хейго, – хриплым со сна и переизбытка резко нахлынувших эмоций голосом буркнула я, отводя глаза.

Во всех подробностях вспомнила, как укладывалась вчера спать в увеличившийся меховой мешок, не в силах противиться. А вот теперь боком лежу на лавке, привалившись к широкой груди риирца, комфортно устроив на ней голову и положив руку. Совершенно неприличным образом!

Конечно, на мне столько меха, что я не чувствую его тела, но все-таки... А если бы была без одежды?!

Осторожно посмотрела на мужчину, с которым пришлось делить спальное место: проверить, не померещилось ли мне это его загадочное веселье. Нет, к счастью, вчерашней сумасшедшей ярости и хаоса других эмоций я не заметила, а вот тревожное ожидание появилось и, удивительное дело, – нежность! Пока хлопала глазами, вместо того чтобы поскорее вылезти или потребовать выпустить, он вытащил из-под меня вторую руку, которой обнимал – ну или просто положил поверх мехового облачения, – и взял мое лицо в ладони. Мягко погладил щеки, вновь коснулся сжатых губ пальцами. Потом забрался под шапку и пробежался по шее и затылку, помассировал за ушами, опять обвел пальцами лоб. Сдвинул мой капюшон и почти стянул шапку, разглядывая, трогая. И выглядел при этом довольным, будто наслаждался прикосновениями.

– Лар Хейго, позвольте узнать, что вы делаете? – сердито потребовала я, приподнимаясь над ним на локтях. Ширина мешка и крупное мужское тело не позволяли большего, как и с оскорбленным видом встать и убраться подальше от разошедшегося темного. Причем вылезать придется червяком, прямо по самому наглецу. – Вчера речь шла о том, что вам просто холодно.

– Греюсь! – невозмутимо прошелся по моим нервам этот якобы мерзляк. – И наслаждаюсь, конечно же.

Последнее прозвучало... заволакивающе, но я нашла в себе силы возмутиться, оттолкнув его ладони и натянув шапку поглубже:

– Что вы себе позволяете?

– Гораздо меньше, чем хочется, – совершенно серьезно заявил он.

Закрыв глаза и положил руку мне на лоб, а дальше медленно провел по лицу, чутко касаясь пальцами щек, носа, губ... запоминая, будто слепой, на ощупь. Одновременно давая мне почувствовать запах своей широкой, большой, сильной ладони. Тот самый, солнечный, состоящий из десятков оттенков, невольно пронизывающий удовольствием и забытой радостью лета.

По привычке прислушиваясь к собственным ощущениям, на этот раз от запаха мужской ладони, я затаилась, ожидая, что будет дальше. Он неспешно провел ладонью до моего подбородка, затем снова обхватил затылок.

– Лар Хейго, не понимаю, какую игру вы ведете, но хочу донести до вас элементарные правила приличия. Подобное поведение недопустимо между посторонними людьми, тем более мужчиной и женщиной. Даже среди простонародья! А в моем положении это...

– Все будет хорошо, Оли, – тихо, обнадеживающе прошелестел голос компрометирующего меня мужчины, а потом последовал приказ: – Научись чувствовать, а не только видеть. Я очень тебя прошу! У нас осталось слишком мало времени.

– Чтобы чему-то учиться, надо сначала знать, чему именно! И надо ли это мне! – вспыхнула я. Затем строго, но, как назло заливаясь краской смущения, сменила тему: – Надеюсь, вы позволите даме уединиться в утренний час?

– Без проблем! – озорно ухмыльнулся темный насмешник, чуть разведя руки в стороны, и, слегка отодвинувшись, подобрался.

Пришлось на самом деле по нему выкарабкиваться из мехов. Дальше было еще интереснее: оказывается, личные охранники и остальные темные дружно любопытствовали – наблюдали за моим подъемом и, видимо, пробуждением. Неужели все шестеро ночевали сегодня в хижине? Может, поэтому в мешке было тепло, даже жарко?

Наконец-то выбравшись наружу и неуклюже поднявшись с лавки, я опять встретила глазами с мгновенно выскользнувшим из мешка Хейго, с готовностью взиравшим на меня. На всякий случай поправила шапку, скосила глаза на одежду и спросила:

– Почему вы на меня так смотрите?

– Жду, – пожал он плечами.

В ипостаси духа он подобного не делал. Они вообще совершали мало едва заметных телодвижений.

Я тоже уставилась на бывшего элементаря, подозревая, что он собирается составить мне компанию на утренней прогулке, и почти прокаркала:

– Вы хотите пойти со мной? По нужде? – И прочитав в его глазах ответ, отрезала: – Ни за что!

– Почему? Раньше же ходил?

Мы испытывали друг друга взглядами в окружении темных.

– Раньше, лар Хейго, вы были элементом, если мне не изменяет память.

– А сейчас кем я стал? – с предвкушением поинтересовался он.

– Сейчас вы мужчина из плоти и крови! – не выдержав унижения, рявкнула я. – И идти вместе с женщиной в кусты – неприлично!

– Элементарь тот же мужчина и может в любой момент сменить форму на физическую, – вмешался Хал спокойным наставительным тоном.

Ну что мне с ними делать: расплакаться от стыда, топнуть ножкой, бить посуду? Как объяснить им, пришельцам, что раньше один из них был

иномирной сущностью – духом. И в качестве вынужденного компаньона, такого своеобразного привидения, вполне устраивал за неимением выбора. А сейчас обернулся мужчиной, под присмотром которого прятаться в ближайшем сугробе – чистейшее издевательство. Я даже головой замотала в панике:

– Тогда почему Хейго не может снова превратиться в тьму... стать элементом?

– Тогда ему придется провести вашу инициацию. А этого нельзя делать, иначе дворец может не пропустить вас, – любезно продолжил пояснять Хал.

– Почему? – выдохнула я в отчаянии. Опять проклятая инициация!

– Вы забрали часть его, – ответил Хал.

Каким-то образом обездоленный мной риирец, окруженный темным коконом-дымкой, как и я, пристально наблюдал за нами.

– Когда? И что это значит? – едва не разрыдалась я в отчаянии хоть чего-то добиться.

«Капюшоны» переглянулись.

– Это значит, – слово взял сам виновник недоразумений, – нам с тобой теперь всегда будет тепло рядом. И ни один белый теперь не сможет забрать твою половинку души.

– Вы хотите сказать, что...

– ...что ты обрела защиту Риира. Но должна научиться чувствовать, больше доверять и... позволить касаться себя.

– Слишком неприличное требование! – буркнула я. – Мы так не договаривались.

– Зато нам будет тепло вдвоем, – с улыбкой в голосе произнес Хейго, с намеком на продолжение.

И мне это не понравилось.

– Я провожу вас... – запнулся на моем титуле возникший рядом Тьюго, будто сомневался, надо ли его вставлять перед именем, – леди Оливия.

Но голос его звучал по-прежнему уважительно, не панибратски, не уничижительно. Неужели отнес мою персону к подданным Риира не только формально? А хорошо это или плохо – по-прежнему неизвестно! Но может быть, я ошибаюсь. Обернулась к нему и скованно кивнула, соглашаясь на сопровождение, полагая традиционного духа лучшим из двух зол.

В кусты я спешила, и обратно тоже, особенно проходя мимо злополучной ямы. И все же, не удержавшись от терзавшего любопытства, решила тихонько спросить:

– Мы всегда с места столкновения с белыми быстро уходили, а вчера –

остались. Не слишком ли вы рисковали?

Капюшон повернулся в мою сторону, под ним блеснули желтые, по-кошачьи прищуренные глаза, заставляя меня напрячься.

– Вы были слишком напуганы, взволнованы после... э-э-э... сурового испытания. Мы решили, что проще наглухо скрыть хижину плотным защитным куполом, потратив немного больше энергии, чем заставлять вас идти куда-то еще.

– Спасибо, – вздохнула я уныло.

Единственное утешение – ответ прозвучал без насмешки или иронии. А вообще, темнит Тьюго, что-то скрывает, не в пример прежней разговорчивости. Допустим, я бы, как обычно, ехала в санях, а вот шел бы на своих двоих этот другой, прошедший «суровое испытание».

Еще раз сверкнув на меня желтым взглядом, сопровождающий с легкой насмешкой, незлобиво посоветовал:

– Не надо!

– Что именно? – опешила я, опасаясь, что размышляла вслух.

– Не надо мучить себя страхами и сомнениями. До дворца осталось немного. Там вы обо всем узнаете в подробностях. Секретов никто делать не будет. Условия нашего похода не способствуют задумчивости, вас еще заставят поволноваться ищущие и белые. Зачем вам сейчас лишние тревоги?

– Тогда я не понимаю, зачем вам сейчас лишние секреты? Сказали бы как есть! – обиженно прошипела я. – И точка.

Тьюго усмехнулся:

– Люди в первую очередь предпочитают видеть и слышать! Другим своим чувствам они не доверяют. Леди Оливия, поверьте, никаких секретов не будет. А подробности – лишние. Вам они сейчас не помогут, для вас ничего не изменится, и тратить время на них – пустое. Потерпите до нашей цели, и все увидите своими глазами.

Остановившись у перекошенной двери хижины, слушая Тьюго, я тщетно пыталась заглянуть ему в лицо. Вспомнила слова бабушки, вдовствующей королевы: «Миром правят мужчины. Они сделали этот мир под себя. А женщинам приходится либо принимать мир и мужчин такими как есть, пусть порой искать в них достоинства нужно с лупой, либо думать об избушке в глухом лесу и паре кошек в качестве пожизненной компании».

Я кивнула и вымученно улыбнулась, прекращая таким образом бессмысленный разговор. С высоко поднятой головой шагнула в дверь – да чуть не заработала шишку на лбу. Притолока у входа слишком низкая. И снова сама себя загнала в неловкую ситуацию, благо охранник Хал вовремя

успел руку подставить, защитил от удара.

Сначала сконфуженно поблагодарила его, а в следующий момент до меня дошло: темный коснулся моей обнаженной кожи, но рука у него, элементаря, была не горячей, как у Хейго, когда он мне рот закрывал. И не обожгла!

– Вы не обжигаетесь... – выдохнула я, потрясенная очередным открытием.

– Не обжигаюсь?! – переспросил Хал. Следом у него в глазах блеснуло понимание.

Отвечать он начал одновременно с Хейго:

– Обжигает лишь наша Тьма.

– Человек не способен раствориться в ней, как риирец, – продолжил Хейго. – Поэтому нельзя использовать наш способ перемещения, чтобы доставить вас и тело вашего кузена прямо к стенам дворца. – Немного помолчав, напряженно вглядываясь мне в глаза, попросил: – Я хочу извиниться за вчерашнюю ошибку. Это произошло рефлекторно. Тысячи раз, не задумываясь, я растворялся. Так и вчера, в момент опасности, неосознанно попытался уйти во Тьму, даже не подумав, что тащу тебя за собой.

– Чуть не развоплотил наш ключ к будущему, – проворчал Тьюго у меня за спиной, заставив передернуться от страха: я же была на волосок от гибели!

Хейго напугал до смерти, бросив поверх моей головы бешеный взгляд.

– То есть обжигает не каждое ваше прикосновение? – шепотом уточнила я.

– Нет. – Тьюго темным шлейфом проскользнул мимо меня в хижину. – Обжигает дотла только смерть, в которой мы растворяем своих врагов. А мы всего лишь ледышки...

К голове желтоглазого «ледышки» протянулись пять серых нитей. Видимо, товарищи ему вновь принялись выговаривать за излишнюю разговорчивость, а голубоглазый злюка продолжал испытывать его суровым ледяным взглядом, скрежеща зубами.

– Лары, мы будем сегодня завтракать или кормиться придется разговорами?

Я отважилась защитить риирца, слишком рьяно пытавшегося удовлетворить мое любопытство.

Неожиданно Хейго взял меня за руку и стащил варежку. Затем с довольным видом переплел наши пальцы и под моим ошарашенным взглядом повел к лавке. Усадив на меховой мешок, взял со стола плоску, от

которой уже поднимался пар, и протянул мне:

– Сегодня я сам для тебя готовил. – Затем, с некоторым предвкушением взяв вторую посудину, заметил: – Повезло, что нам положили запасную, а то ели бы сейчас из одной.

Я машинально отметила, что обращение «вы» он теперь использует, когда волнуется. Но волна раздражения сразу же улеглась, потому что мое внимание привлек его слишком легкий для здешнего холода костюм:

– Лар Хейго, неужели вам не холодно? Может, вы воспользуетесь запасной шкурой?

Хейго с интересом исследователя понюхал похлебку. Раньше он не готовил мне еду, поэтому я подспудно ожидала очередного сюрприза в виде непроваренной и плохо прожевываемой пищи. Не будешь же жаловаться на дурную кухню, ведь сами «повара» не пробуют свои блюда. Сносно пахнет – и ладно!

– Нет! Не нужно, – отказался он, бросив на меня веселый взгляд. – Тьма защитит от холода, а половинка согреет.

– Какая половинка? – уточнила я, подозревая себя.

– Моей души, – ответил он, не то успокоив, не то предложив еще одну загадку, которых и так не счесть.

И попробовал свое варево на вкус. Потом еще и еще и, наконец, поморщившись, пожаловался:

– А почему невкусно получилось? И овощи недоваренные? Свер, ты же говорил, достаточно досчитать до десяти и – съедобно.

– Леди Оливии нравилось, – озадаченно отозвался горе-повар. – Она ни разу не жаловалась...

Я смешливо фыркнула, чуть не расплескав похлебку, и стала центром общего внимания.

– Ты постоянно ела полусырую похлебку и молчала? – слегка склонив голову, спросил Хейго.

– Мы не на званом ужине, чтобы привередничать, – пожала я плечами. Затем смущенно попросила: – Но если вам не трудно, лар Свер, считайте в следующий раз до двадцати.

«Сотрапезники» молчали несколько мгновений, затем раздалось приглушенное хмыканье. Новый повар накрыл ладонями обе наши площадки, окутывая их тьмой. Посчитал по совету главного едока до десяти и решительно попробовал «блюдо по улучшенному рецепту». Кивнул мне удовлетворенно, мол, проверил, есть можно, и с аппетитом принялся за еду.

А я, зачарованно глядя на него, спросила:

– Твоя магия все равно осталась? Несмотря на то что ты перестал быть

элементалем?

– Элементаль – это тоже я, часть меня, которая исчезнуть никуда не может. На данном этапе я застрял в... другой форме. Это ограничивает мои возможности, но не умаляет способностей.

Да, конечно, какой же мужчина признается женщине, что слабее, чем хотелось бы. Даже темный «правдолюб» на такое не способен! Все-таки они действительно похожи на нас, людей!

Глава 13

День семнадцатый. Сиреневый розан

Надоело! Надоело полулежа ехать в санях, кутаться от холода, есть однообразное варево. Даже к постоянным встречам с белыми, монстрами и ищущими привыкла. С этой мыслью я уснула вчера вечером. Безразличие накатило. Осталось единственное желание – увидеть, наконец, свой дом!

Риирцы поспешали и разбудили меня ранним утром, когда рассвет едва-едва забрезжил, дав поспать часов пять от силы. Хейго буквально всучил похлебку, надо отдать должное, проваренную, Тьюго проводил в ближайшие кусты, и, тоже надо отдать ему должное, попытался поднять мне настроение на обратном пути.

Мы быстро выдвинулись. Сегодня из-за довольно плотного тумана окружающее пространство просматривалось шагов на сто. Казалось, на ощупь пробираемся. Поэтому я сразу провалилась в сон, пригревшись в мешке под боком у Хейго, в который раз отринув приличия до лучших дней. Просто когда не в состоянии разлепить глаза и снежные умывания не помогают, не до правил и условностей. Как-нибудь потом...

Сквозь дрему я почувствовала прикосновения Хейго, опять касавшегося моего лица, настойчиво тянувшегося при каждой возможности погладить не скрытую одеждой кожу. Затем его ловкие проворные пальцы забрались ко мне под капюшон и начали массировать затылок, почесали за ушами, будто кошку, добрались до шеи. Щекотно! Теплое дыхание склонившегося ко мне мужчины согрело щеку, потом он коснулся ее губами. Легкими поцелуями покрывал виски, веки.

– Тепло ли тебе, Оли?

Разнежившись в уютном коконе под мерный ход саней, я наслаждалась неожиданной лаской, поэтому ответила откровенно:

– Очень! Так тепло и хорошо мне давно не было.

– Если бы ты знала, как приятно это слышать, – тихо, довольно прошелестел неповторимый голос риирца, будораживший мою женскую суть.

И вновь его теплые губы легко, мягко, нежно, как крылья бабочки, касались моих век, скул, почти невесомо скользили от одного уголка рта к другому. Горячий и влажный язык лизнул нижнюю губу, словно пробуя меня на вкус. Последовал томительный тяжелый вздох, будто мужчина

испытывал свою выдержку, а затем снова едва осязаемо поцеловал. Казалось, у него просто нет сил отказаться от этих воздушных прикосновений. Все равно что лишиться себя удовольствия...

– Тепло ли тебе, Ягодка?

– Угу, – наслаждаясь живительным теплом и горячими поцелуями, согласилась я.

Ягодка! Ласковое слово отдалось в душе благодарностью, напомнив о счастливых временах. Но!.. Распахнув глаза, я уставилась на Хейго, низко склонившегося надо мной и разглядывающего с пугающе голодным любопытством, даже не так – откровенным желанием! Впору зажмуриться! И пусть праздник души продолжается. Затем дошло, что я почти лежу у него на коленях, а он поддерживает меня под головой одной рукой, а второй – ласкает! Да еще целует! И происходит все это отнюдь не во сне! А вокруг полно народа. Стыдоба!

Я кашлянула, прочищая горло, устыдившись неприличного положения, в котором оказалась из-за соседа в мешке. И чего скрывать – собственного отклика. Отодвинулась, насколько получилось в тесноте, и хрипло, тщательно подбирая слова и тон, спросила:

– Лар Хейго, поясните причину, побудившую вас... лезть ко мне... – и сорвалась на яростное шипение, – с поцелуями?

Губы этого бесстыдника дрогнули в усмешке, а глаза весело сверкнули в сумраке наступающего утра:

– Помогаю вам не замерзнуть.

– Помогите лучше моему кузену не замерзнуть окончательно! У него гроб стеклянный, мешок тоньше. Уверена, вы сможете и тот мешок сделать вместительным, чтобы скрасить одиночество Шарля! – иронично посоветовала я.

Послышались смешки наших спутников, а золотистые брови «помощника» поползли на лоб. Но он еще шире улыбнулся и как ни в чем не бывало заявил:

– Уверен, вашему кузену, леди Оливия, достаточно компании Кайго. Сами подумайте, разве можно променять теплую, живую, красивую женщину на стеклянный гроб с ледяным мертвецом?

Я невольно улыбнулась, хотя щеки ощутимо полыхнули от смущения. Меня одолевали двоякие чувства: стыд из-за того, что попала в двусмысленную неприличную ситуацию, но в то же время было приятно и слушать его, и принимать ласки, и сидеть с ним в одном мешке... тесно-тесно...

Необычное стечение обстоятельств, еще более необычная сущность

пришельцев и, главное, собственное неистребимое любопытство покоя не давали:

– Я слышала, что представителей вашего народа иногда встречали в городах... в домах свиданий? Стало быть, тепло наших женщин для вас не в новинку...

Фу-ух... Совсем распоясалась! Дальше мысленно одернула себя: мало того что негоже приличной леди вести с мужчиной подобный разговор, так еще и выставила себя в дурном свете, будто пыталась выяснить моральный облик кавалера, на которого глаз положила. Сама бесстыдница!

Все-таки мало меня гувернантки за длинный язык и любопытный нос отчитывали. А вот умнице Алекс доставались исключительно похвалы за безупречные манеры.

Для полноты ощущений рядом с нами объявился Хал и, с интересом посмотрев, тоже высказался:

– Будучи элементами, мы все равно со временем становимся взрослыми половозрелыми особями. И накапливаем любой полезный опыт, в том числе взаимодействия разных полов. Что касается людей, то в этом случае для нас было крайне важно выяснить возможность полного и всестороннего...

– Простите, лары, – остановила я обсуждение неподобающей темы, – это был неприличный вопрос.

По-моему, я покраснела до корней волос. Даже жарко стало.

– Никаких извинений, леди Оливия, и неудобств, – спокойно отозвался Хал. – Вам жизненно необходимо узнать о нас как можно больше. Времени достаточно, почему бы не выяснить интересующие вас житейские подробности, а заодно не обогатить наш опыт?

– Ваши женщины щедро делятся теплом! – По другую сторону саней возник Тьюго, отчего Хейго насторожился, вероятно, ожидая откровений-сюрпризов. И не ошибся. – Поэтому мы можем легко забрать себе часть их живительного тепла.

«Крадете!» – про себя укорила темных, наверняка не спрашивавших разрешения у людей. А вслух изъяснилась витиевато:

– Вы, лар Тьюго, недавно называли риирцев ледышками. И по вашим словам, напрашивается вывод, что тепло для вас ценность, которую приходится, скажем, заимствовать у других?

Хейго притянул меня к себе, прижал, как будто я собралась из мешка выскочить.

– В форме элемента мы все мерзнем. – Его голос прозвучал непривычно, словно ветер с песком по сухим листьям пронесся. – И лишь в

физической форме можем немного согреться...

Он хотел продолжить и явно подбирал слова, но я удивленно выпалила:

– Духи... мерзнут?! Как это возможно? Мне кажется, в стремлении поживиться теплом вы тоже похожи на белых!

И попала в перекрестье разноцветных взглядов. Темные молча смотрели на меня, не торопясь опровергать обвинение, пока материализовавшийся «дух», беззастенчиво обнимавший меня на людях, не взялся пояснить:

– В чем-то – да. Тепло для духа Тьмы больше удовольствие, чем необходимость. Но ради него мы не убиваем живых, а питаемся энергетическими потоками самого мира. Более того, переходя в телесную форму, едим обычную человеческую пищу. Мы – защитники и никогда не убиваем бездумно или без причины. А холод для элементаля – душевное ощущение, подобно памяти тела.

Темнят темные, ох, темнят! Иной раз я ощущаю себя ребенком, которому старшие объясняют серьезные вопросы, принимая во внимание его возраст и развитие.

Отметив мои сомнения, Хал с иронией добавил:

– Посмотрите на Тьюго, леди Оливия. Сильный элементаль, поэтому и прошел отбор в судии, но слишком молодой, еще не обрел зрелость и достаточный контроль. Заметьте, он сообщает вам все, о чем бы ни спросили, иногда во вред нам.

– Лар Хал, не понимаю, о чем вы... – пролепетала я.

– Тьюго считает вас слабой, нуждающейся в помощи, а окружающую обстановку – опасной. Поэтому удовлетворяет ваше любопытство, отвлекает, иронизирует, даже потакает вашей слабости, не в силах противостоять своей природе защитника.

Я благодарно посмотрела на Тьюго и, смущенно улыбнувшись, шепнула:

– Спасибо!

Довольно прищурив желтые глаза, «дамский угодник» коротко кивнул. И сразу же Хейго загородил меня от него, подняв меховую полсть, укрыв едва не с головой. Я выпросталась и поделилась наблюдениями:

– Но, если вы, лар Хейго, забираете часть моего тепла, тогда почему мне с вами тепло? Ведь до нашей встречи я тоже замерзала после смерти Алекс.

– Видимо, от меня есть какая-то польза, – усмехнулся Хейго, сразу расслабившись, и потянулся рукой к моему лицу.

Да, несомненно, еще тепла захотел. Я отстранила его руку, все-таки спутники рядом. Потом мы чуть-чуть повозились, потолкались словно дети: он – за право сильного обогреться, а я – за личную неприкосновенность. Хотя о какой неприкосновенности может идти речь, если сидим в одном мешке?

Плотная серая дымка с утра упорно висела в морозном воздухе, мешая солнышку пробиться к земле, придавая королевству льда и холода мрачности и незыблемости, грозя повергнуть меня в еще большее уныние. Мы добрались до предгорья и подошли к реке. Когда-то широкой и полноводной, стремительной горной реке, особенно коварной при таянии ледников и во время дождей, а сейчас замершей, замерзшей, вздыбившейся обледенелыми валунами. Нам предстояло пройти по перекинутому через нее крепкому веревочному мосту, противоположный край которого скрылся в густой белесой мути.

Три года назад здесь угрюмой змеей вилась вереница беженцев, тянувших домашний скarb и скотину. Удручающая картина встала перед глазами настолько явственно, что, казалось, я вновь услышала стук сотен ног и скрип колес по каменистой дороге, детский плач, ругань, жалобное мычание и блеяние животных... Мотнув головой, разогнала печальные видения.

Тем временем сегодняшний ведущий отряда Фрей ступил на край моста, но вдруг замер. Его капюшон слегка наклонился в сторону, будто он прислушивается, а спустя мгновение от него выстрелили серые нити к спутникам.

К моему удивлению, Хейго даже не дернулся узнать, что происходит, не «спросил». А когда риирцы, не нарушая тревожную тишину, стремительно увлекли санки под мост, выпустил меня из объятий и ловко выскользнул из мешка. Завернул меня плотнее и в легкой, на мой взгляд, одежде, правда, окутанный защитным коконом, замер вместе с остальными, напряженно вслушиваясь.

Я бы забралась под мост, спряталась, залезла поглубже между валунами и еще чем-нибудь прикрылась для надежности, а темные предпочли наблюдать за подвесным мостом. Пришлось вместе со спутниками до рези в глазах всматриваться в густой туман и ждать появления кого-то, насторожившего их. Надо полагать, очередной белой

напасти. Сначала послышался тоскливый скрип деревянного настила и обледеневших веревок, завибрировавших под чьим-то весом. Мое сердце, сперва оборвавшись, заколотилось где-то в горле.

Потом раздался жуткий зловеющий перезвон. Ищущие! Я привычно сжалась, зубами вцепившись в рукавицу, в ожидании предстоящей встречи, и слезящимися глазами таращилась на мост. Самое страшное – это слышать звук приближающейся смертельной опасности и, притаившись, ждать.

Наконец, в сером плотном тумане завиднелись тени, постепенно обретая четкие контуры бездушных ходячих трупов. Перезвон становился громче, нестерпимо хотелось закрыть уши и больше никогда, никогда его не слышать.

Один, второй, третий... пятый... Словно деревянные солдатики, шли окоченевшие мужчины и женщины... Вместо следующего зомбика из тумана выскользнула тварь, затем другая. Следом явились их хозяева – покоролевски ступали, в белоснежных, чуть развевающихся от движения балахонах. Странные голубоватые волосы светились от напряжения, наверное, потому что столько народа удерживали в повиновении.

Сани темные затолкнули дальше под мост. Затем мы, задрав головы, смотрели, как из-под ног мертвяков и белых между досками сыплется потревоженный снег. Хейго стоял рядом, положив руку мне на плечо, безмолвно удерживая на месте и предупреждая о молчании. Хотя я и сама была не в состоянии ни пошевелить пальцем, ни издать звука, глядя на шагающий и звенящий ужас.

Леденящая кровь процессия почти прошла, когда один из белых неожиданно остановился, глядя себе под ноги прямо в просвет между досками – на нас. Я видела его глаза, напоминающие ледяные кристаллы, чувствовала чуждую, ненавистную каждому жителю Эйра магию, но не пошевелилась, даже дышать перестала, чтобы не выдать себя теплом дыхания. Не помогло – мертвящий однообразный перезвон разорвал резкий, высокий, ударивший по ушам звук. Это белый подал голос. Впервые на моей памяти один из них «заговорил». Ведь до сих пор они действовали исключительно молча.

Вопль послужил сигналом риирцам. Они стремительно выкатили сани на лед, видимо, посчитав открытое пространство более приемлемым для отпора. А я, не выдержав, тоненько заныла.

– Не бойся, Оли, я с тобой! – Мое плечо сжал Хейго и, поймав взгляд, смотрел на меня, словно делился несокрушимой уверенностью в своих силах.

– Тебе не холодно? – просипела я. Глупее не придумаешь, но

подсознание иногда подкидывает сюрпризы.

– С тобой тепло, Ягодка! – услышала я сквозь звон, издаваемый ищущими.

Дальше начался настоящий ад. Риирцы разлетелись полукругом, взметнув руки в плащах подобно крыльям и натянув между собой черную «нить». Мы с Хейго замерли, глядя на них. Монстры опередили ковыляющих мертвецов, но нападать не спешили – видимо, хозяева сдерживали. Два десятка зомбей приближались к нам.

И тут темные поразили меня до глубины души: неторопливо окружив ищущих и снежных тварей, сомкнули черную нить – и в следующий миг вместо нее запылало черное пламя. Они направили это страшное оружие перед собой, сжимая, поглощая бывших людей и монстров, попавших в «темную сеть», обращая в пепел, оседающий серой дымкой на снег.

Я обернулась на шум, отвлекшись от ошеломляющего зрелища, и изумленно уставилась на крутившегося черным вихрем Хейго. Рубившего, крушившего остальных монстров и белых. Высокая поджарая фигура в черном, облегающем, непривычного вида костюме, рыжеватые волосы – он походил на смертельно опасный клинок, двигаясь с такой скоростью, что магические мечи в его руках казались размытыми. В какой-то момент забыв о страхе, я восхищенно наблюдала за мужчиной, бившимся будто бог. Темный герой – бесстрашный и беспощадный, защищавший меня, не подпускавший врагов ни на шаг.

В груди дрогнуло, разлилось горячим потоком, как скованная льдом река по весне, щедро наполняя силой мое тело и главное – душу. Даже когда темные расправились с белыми, как обычно, оставшись среди пепла и сморщенных серых трупов, я глаз не могла оторвать от Хейго. С трепетным восторгом признав свои чувства к этому великолепному мужчине, смотрела на него, не в силах оторваться. Одновременно вспомнила о том, что нечто неведомое и заранее пугающее должно будет произойти, когда мы доберемся до дворца, когда завершится путешествие в его горячих руках...

Хейго подошел ко мне после краткого разговора с соплеменниками.

– У тебя все в порядке, моя Ягодка?

– Лучше «милая», – посоветовал появившийся из-за спины обеспокоенного Хейго Хал. – Так нежнее звучит...

– Нет, Тьяна сказала, милая – обычное обращение. Лучше добавлять «родная» или, в подобных случаях, – «маленькая». Некоторые считают, что мужчины предпочитают хрупких женщин, – выразил мнение чересчур любезный, на взгляд риирских судий, Тьюго.

– Мне больше нравятся крупные, – мечтательно возразил Свер. – И чем полнее, тем вкуснее.

– А Лилия требует от Сайло всегда говорить только «любимая»! – неуверенно заметил Кайго, осторожно, словно младенца, взяв мешок с саркофагом. Затем заглянул внутрь, проверить, все ли в порядке с ценным грузом.

– Хватит! – раздраженно прекратил скользкий разговор Хейго. – Я сам решу, как мне называть свою... – замолк, а потом мрачно закончил: – спутницу.

Тяжело вздохнув, после признания самой себе, что безнадежно влюбилась в пришельца, я едва не пустила слезу:

– Я вас очень прошу, лары, даже заклинаю... – А дальше неподобающе сорвалась на визг: – Хватит отвлекать меня подобным способом якобы от истерики и чего еще вы там себе выдумали! Не то я непременно ее устрою!

Капюшоны переглянулись. Хейго поморщился и полез ко мне в мешок.

– Люди... они такие люди... непонятные, – последнее слово осталось за Тьюго.

Скоро я снова ехала, привалившись к крепко обнимавшему меня Хейго и тайком наслаждалась этими объятиями, теснотой и не сопротивлялась, когда он легонько поглаживал мою щеку.

В одном из ущелий мы сделали короткую остановку, затем темные монстры риирцев вновь покатали по снежной глади сани, увлекая нас в глубь бывшей Цветаны. Вдруг во мне все дрогнуло в предчувствии. Я разлепила глаза, высунувшись наружу, осмотрелась и начала выбираться из объятий и мехов наружу, переполошив Хейго.

Мы спустились в широкую долину, до боли знакомую, уже тянущую тоской в груди, предупреждая о скорой встрече – и расставании. На белоснежном покрове особенно четко выделялись невероятно яркие розовые и сиреневые розы. Красивые, живые, крепкие деревца тянулись к солнцу.

Сани, слетев с горы, ворвались в дивную розановую рощицу. Здесь лежали самые сильные маги, самые сильные земляне отдали жизнь за родину, спасая свой народ. Даже лютый мороз не смог погубить живые свидетельства их силы. В ледяном мареве разливался аромат. Тонкий, пьянящий, рвущий сердце на части.

– До дворца остался день пути, – прохрипела я, с трудом выталкивая слова из перехваченного спазмом горла, и зарылась лицом в куртку на груди Хейго.

Нельзя, нельзя смотреть на розы! Я изо всех сил пыталась закрыться от тянущейся ко мне родной магии. Нельзя! Ни в коем случае нельзя откликаться, иначе нас почуют белые. Нельзя провоцировать столкновение, ведь мы почти у цели.

Думала, что мне удалось справиться, но в какой-то момент словно в теплую воду нырнула... Вода приветливо обволокла мое тело, ласкала, проникая в каждую клеточку, омывала потоками силы сердце...

– Папочка! – вырвалось у меня.

– Закрывайте! – командовал Хал. – Плотнее!

А я радостно погружалась в отеческое тепло. Купалась в нем, восстанавливая почти полностью истощенные в этом путешествии силы. Дышала полной грудью, пила... наслаждалась...

– Оли, очнись! Оли, родная моя, закройся! – сквозь толщу вод донесся напряженный голос Хейго. Неохотно открыв глаза, я столкнулась с его все понимающим взглядом, в котором были досада, горечь, нежность. – Оборви сама связь, сейчас же!

Я подчинилась приказу не раздумывая, ведь от этого зависит моя жизнь. Закрылась наглухо от воспоминаний и чувств – всего, что дорого и любимо, что согрело родительской любовью даже сейчас, по прошествии лет.

Следом меня накрыла боль. Сцепив зубы, я приникла к груди Хейго, обвив его шею руками в надежде хоть немного приглушить разрывающее, выворачивающее душу наизнанку горе, и прошептала:

– Я еще вернусь к тебе, папочка! – Смотрела из-за плеча сквозь магическую дымку на огромный, приветственно или прощально шелестевший сиреневыми листочками розан, выросший на месте, где погиб отец, где покоится его тело, и просила: – Только дождись! Я приду...

– Не печалься, Оли, мы обязательно сюда вернемся. Обещаю, – твердо сказал мужчина, стиснувший меня в объятиях.

Стыдно! Недостойно отпрыска королевского рода! Принцессы! Но я долго и с надрывом плакала на груди Хейго, по-детски воспользовавшись его заботой и участием.

Глава 14

День восемнадцатый. Ненавижу сюрпризы!

Еле выпросталась из мешка, никак не хотелось покидать теплое, уютное местечко, вылезать на мороз и под присмотром чересчур расторопного и исполнительного Тьюго спросонья плестись за ближайший снежный вал, потому что ночевали мы в чистом поле. Ко всему прочему, чувствовала я себя как никогда опустошенной после вчерашнего перехода через розановый сад: обрезанные связи, тоска и душевная боль угнетали нещадно. Если бы не участие Хейго, не знаю, как бы держалась и вообще переставляла ноги.

Тем временем темные разобрали поклажу и зачем-то часть мешков зарыли в снег. Плюхнувшись на сани, я ожидала дальнейших указаний, наблюдая за сборами. Передо мной на корточки опустился Хейго и сразу потянулся руками к моему лицу. Прикрыв слегка затуманившиеся глаза, в своей излюбленной манере провел кончиками пальцев от лба до подбородка, ловко коснувшись, наверное, каждого кусочка кожи. Затем нырнул пальцами под капюшон, сдвинул шапку, уже обеими ладонями обнимая мои запылавшие щеки, потерся носом о мой нос, согревая дыханием.

Теперь я близко-близко видела его сияющие от удовольствия льдистоголубые глаза, тянулась за ласками. Даже усталость и равнодушие испарились, когда я нечаянно едва коснулась его губ своими. Испугалась и, затаив дыхание, не шевелясь, молча ожидала, что же будет дальше. После того как Хейго вчера разделил со мной горе, поддержал и утешил, я больше не могла осыпать его колкими замечаниями и возмущаться. Мало того, пришла в замешательство от нахлынувших чувств, опасаясь, что он всего-то греется возле меня, а ведь сама привязываюсь к нему и не только...

Наконец Хейго, не скрывая нежелания, словно испытывал боль потери, отстранился и встал с корточек. Теперь перед моим взглядом оказался его пах. Никаких бугров, как шептались замужние дамы в гостиную моей матери, я там не заметила. Что позволило мне облегченно выдохнуть и, кажется, не покраснеть под внимательным изучающим мужским взглядом. Хотя, куда больше краснеть? Между тем я невольно оценила узкие бедра и крепкие мускулистые ноги в облегающих плотных

штанах. Чтобы не выдать свой интерес смущением, я тоже поднялась, отвернувшись и пробормотала, взглядываясь в белоснежную даль:

– Не понимаю...

Хейго обнял меня.

– Чего именно, Ягодка?

Глянула на него выразительно, без слов предупреждая: «Не слишком ли вы вольно себя ведете, лар хороший», но запал тут же погас. Поэтому, вспомнив о правилах, сказала о тревоживших меня обстоятельствах:

– Почти три недели в пути... Нам постоянно встречались и мертвецы, и монстры, и сами белые, но, по-моему, их мало. Где войска белых? Стоят где-то... правее или левее? Или... Конечно, мы не ищем с ними столкновения. И все-таки, вам известно, где они расположились? Лагеря, кордоны?

И обвела вопрошающим взглядом своих спутников.

– Все гораздо проще, леди Оливия, – начал привычно пояснять Хал. – Дело в том, что Эйр пока слишком не приспособлен для белых. Поэтому сюда прибывают самые сильные, а их, понятное дело, много не бывает. Да и не нужно, в принципе.

– Вы думаете? – опешила я. – Неужели для ведения боевых действий с целью захвата стран не нужны войска?

– Зачем? – поддержал обсуждение Тьюго, по-кошачьи всеведуще блеснув желтыми глазами. – Если тех, кто здесь есть, хватило, чтобы, не прилагая особых усилий, захватить весь Цветочный полуостров – огромную территорию трех королевств, не самых больших, но вполне сильных? Без многочисленных кровопролитий и боевых действий белые успешно выживают людей шаг за шагом с помощью монстров и караульных разъездов. Они даже так называемых зомби приспособили сторожить границы в качестве устрашения, чтобы отпугивать простой люд и тратить силы человеческих магов. А истощение магов приводит к ослаблению Грани. Ведь вы не в состоянии так же быстро, как риирцы, накапливать энергию природы. Мы пытались донести это до ваших правителей, но никто не захотел прислушаться, что нужно сдерживать свои порывы и не затрачивать столько сил на проявление ненависти, а значит, медленно, но верно вы проигрываете ледяным элементалям.

Пришлось согласиться с их выводами.

– Я... Мы не знали положения дел в целом. Да я сама только когда увидела все собственными глазами, разобралась благодаря вашим объяснениям.

– А другие просто не верят, – пожал плечами Хейго.

– Вы не понимаете! – воскликнула я. Хлебнула ледяного воздуха, и голос сорвался на шепот: – Как трудно поверить, что нам противостоит не армия белых, а небольшие отряды, и мы позорно отступаем, потому что даже с небольшим количеством пришельцев не в силах справиться... Это не каждый сможет осознать.

– За три года можно заметить, – раздражающе спокойным наставительным тоном заявил Хал, в глазах которого словно невозмутимый океан нес свои воды.

Я захлебнулась от обиды, но снова вынуждена была согласиться. И в то же время не заступиться за людей не могла:

– Для вас все видится иначе. А для нас пришельцы на одно лицо. Ведь они как две капли воды, их невозможно различить, соответственно – понять, что завоевателей не тысячи, а сотни, а может, и десятки. Оказывается, возникающие то тут то там отряды белых – это одни и те же твари. Они появляются из снежных порталов так неожиданно и... повсеместно...

– Они чувствуют вас за милю, леди Оливия. И присущее вам живое тепло, и тем более – одаренных людей. Поэтому белые легко контролируют ваши перемещения, пресекают их на корню и уничтожают небольшие отряды боевых магов, лишая даже маломальской защиты. А ваши короли упрямо продолжают стягивать к границе новых магов, которые непременно станут очередными жертвами захватчиков.

– Наверное, вы правы, лар Хал, но что еще нам остается? Как сдержать их нашествие? – выдохнула я в отчаянии.

– По нашим наблюдениям, – неожиданно вмешался Кайго, – белые целенаправленно меняют Эйр под себя, постепенно замораживая все живое. Холода ледяного мира не хватает на быстрый эффект, но он медленно и верно стремится через портал сюда и превращает зеленые долины и даже огромный океан в ледяную пустыню. Совсем скоро процесс станет необратимым! И пока белые действуют методично и без особых усилий, опять повторюсь, не спеша истребляют тех, кто способен дать им отпор в будущем. Ваших магов! И люди, сами того не понимая, активно помогают в этом врагам. Ведь вы привыкли полагаться на боевых магов, и обыватели лишь наблюдают за гибелью своего мира, не вдаваясь в подробности военных действий и не догадываясь о перспективах. Просто верят в чудо и ваших богов!

– Чтоб они все сдохли, эти белые! – прорычала я в бессильной ярости и горечи за свой народ. За весь Эйр.

– Мы с вами полностью солидарны в этом желании, – усмехнулся Хал.

Его поддерживали улыбками остальные темные.

– Тогда в путь? – кивнула я с душевным подъемом.

– Да, но придется вас немного расстроить, – поймав мой решительный взгляд, сообщил Хал, видимо, проявляя эту навязшую на зубах неперенную заботу о моем настрое, и осторожно продолжил: – В санях дальше нельзя – остается слишком глубокий след, а дворец недалеко.

– И... как же мы пойдем? – удивилась я, но уже догадалась об ответе.

– На снегоступах, – пояснил Хейго, ставя пару коротких широких лыж к моим ногам. – Даже если не выйдет так же быстро, как на санях, следы проще замести.

– Замести? – вытаращилась я, представив себя неповоротливой и медлительной в меховом облачении, идущей на лыжах на дальнейшее расстояние. Вот потеха!

Я недавно ходила на них, как раз перед первой встречей с ищущими, получалось неуклюже и медленно. Помнится, от усилий даже взмокла.

– Именно так, – кивнул Хейго и, сразу опустившись передо мной на колени и заставив поднять сначала одну ногу, потом другую, исключил выбор способа передвижения.

Мне осталось только держаться за широкие плечи командира отряда, пока он крепил к уням лыжи-снегоступы, и невольно пялиться на его рыжеватые короткие волосы. В какой-то момент я поймала себя на том, что хочу зарыться в них пальцами, наклониться и чмокнуть в золотистую макушку.

Неожиданно Хейго резко поднял лицо и поймал мой взгляд, наверняка восхищенный и полный других смешанных чувств, которые я испытывала к нему. Стыдливо прикрыв заиндеветшие ресницы, пряча глаза, я наблюдала, как он, закончив возиться с лыжными ремешками и веревками, медленно поднялся, встав вплотную ко мне, вынуждая задрать подбородок, чтобы увидеть его глаза. Стремительно темневшие глаза элементаля, в которых проявлялась Тьма.

Я испугалась и часто заморгала; мои собственные глаза слезились, и казалось, что обледеневшие ресницы смешно клацают. Хейго улыбнулся, отчего строгие черты его лица дрогнули, уступая место нежности. Он стянул с моего лица шарф, освободив нос и подбородок, обхватил ладонями и погладил. По покалывающей от мороза коже сразу разлилось живительное тепло. Потом мужчина заботливо, осторожно коснулся моих век, отогревая, а я, снова прикрыв глаза, наслаждалась его лаской.

Затем, еще более неожиданно, Хейго склонился и впился мне в губы поцелуем – стремительным, жадным, на мой неискушенный взгляд,

истинно мужским и собственническим. Я неосознанно отвечала ему, словно мой рот был сам по себе, потому что вопреки разуму тело отреагировало сразу жаром и томлением. Распахнув глаза, я таращилась на мужской лоб в невероятной близости – высокий, умный... Гад!

Несколько мгновений я наслаждалась поцелуем, чего уж скрывать от себя, а потом уперлась руками в vareжки в его грудь. Хейго, неохотно ослабив объятия, позволил отстраниться и довольно облизнулся, будто чего-то невероятно сладкого вкусил. Тряхнув головой, возвращая ясность мыслям, я прошипела:

– Как вы смеее, лар Хейго?! Кто вам дал право на подобные вольности и...

– Договор с представителями всех королевских династий Эйра! – с удовлетворением ответил он, глядя мне в глаза.

– Может быть, лучше подождать до дворца? – вмешался Хал.

– Нет! – рыкнули мы с Хейго синхронно.

– Я имею право знать! – тут же добавила я.

– Она должна узнать! – опоздав на мгновение, подхватил Хейго.

– За спасение Эйра и человечества мы потребовали не много, – размеренно начал пояснять Хал. – Захваченную белыми часть суши, полную неприкосновенность наших будущих территорий от любых посягательств со стороны людей, о чем будет подтверждать на коронации очередной наследник. А также каждого второго подданного, потерявшего свою половинку.

– О чем вы? – хрипло выдохнула я, предчувствуя неприятности. – Я не понимаю...

– Теперь каждое государство Эйра примет новый закон, согласно которому в обязательном порядке будут вестись записи о рождении всех младенцев-близнецов. Если по какой-то причине один из близнецов умрет, второго сразу и без споров выдадут Риру. Вне зависимости от пола, сословия и возраста. Исключением может стать лишь семейное положение – брак, заключенный задолго до гибели одного из близнецов. Попытка укрывательства, мошенничества или отказа от выдачи будет караться смертью. Причем вашими же королями, давшими клятву на крови о соблюдении этого самого важного для нас условия договора.

– Но при чем здесь близнецы? – просипела я в изумлении, а в голове зашумел вихрь подозрений одно необычайнее другого.

Это что же получается: я не свободна? Я, принцесса Малина, уже принадлежу риирцам, даже не ведая того? Потому что моя сестра-близнец погибла?

– Люди – сильные душой. Полноценные, самостоятельные. Они крайне неохотно позволяют кому-то сблизиться с ними, слиться. По сути – раствориться в ком-то другом без остатка... – с едва ощутимой горечью отозвался Кайго.

– Но ведь это страшно, опасно – раствориться в ком-то подобным образом, – возмутилась я в ответ. – Да и зачем?

Хал мотнул головой – капюшон поплыл, а его бирюзовые глаза вспыхнули от тщательно скрываемых эмоций.

– Мы – другая раса, отличная от вас, но, как оказалось, вполне совместимы. Недавно вы подтвердили сей факт.

– Каким образом? – заинтересовалась я и предположила: – Лишив Хейго элементаля?

– Я говорил, что невозможно риирца лишить элементаля, это наша суть! – слегка проявил раздражение сам «пострадавший».

Хал, неожиданно улыбнувшись, продолжил:

– У людей есть понятие брака, но оно больше правовое. Моральное, если так можно сказать.

– Мне кажется, весьма условное! – сморщил нос Тьюго.

– Когда кажется, у нас принято плевать через левое плечо, – зло парировала я. – Говорят, помогает прочистить зрение.

– Говорил я, что лучше до замка подождать с объяснением, – ухмыльнулся Тьюго.

Ух, как я зла на него!

– Я сам! – скомандовал Хейго.

Взял меня за плечо и развернул к себе. Вновь пленил ладонями мое лицо и, вглядываясь в глаза, произнес с нажимом:

– У нас нет понятия брака, Оли. У нас есть слияние двух половинок в одно целое. Женская и мужская сущности спаиваются воедино, объединяясь. Как у вас говорят – души! И разделить их может лишь смерть. Только подобное единение позволяет риирцу обрести устойчивое стабильное физическое воплощение, а значит – семью и потомство.

Вихрь из мыслей, одна противоречивее другой, поднявшийся в голове, сложился в более-менее четкую картину: из-за случившегося с нами в яме Хейго теперь не может сменить форму на призрачную. Это означает...

– Вижу, ты догадалась, милая, – усмехнулся Хейго. – Да, ты моя половинка.

– Не-ет, – попыталась я мотнуть головой, но он крепко держал мое лицо, не отпуская взгляда.

– Да! – припечатал «половинка». – Когда мы только появились здесь и

познакомились с вашим видом, то почти утратили надежду на будущее. Уж слишком мы разные физически и ментально, а по части мировоззрения – и вовсе. Какое-то время даже искали возможность покинуть Эйр.

– О-о-о! – опечалилась я, представив, что тогда бы погиб мой мир.

– Но один из нас встретил девушку – родственную душу. Полюбил и обрел ее любовь. Тьма приглядывает за нами и в вашем мире, потому что совершенно нечаянно они провели инициацию человечки и прошли полное слияние. Это случилось три года назад и показалась нам чудом. Увы, неповторимым! Однако в прошлом году второй риирец также прошел полноценное слияние и обрел семью.

– По этой причине вы решили вмешаться и спасти наш мир?

– Да! – кивнул Хейго, а у меня защипало в глазах от досады. – Но ты должна понять: нас слишком мало, чтобы рисковать любым риирцем. Мы на грани вымирания! Сто пятьдесят элементарей – слишком мало для быстрого и полного восстановления Риира. Но у нас появилась не просто надежда, а план. И за Новый Риир мы готовы бороться с кем угодно и как угодно!

– Стремление спасти будущее целого народа я могу понять, но...

Хейго неожиданно криво и мрачно ухмыльнулся, прервав меня:

– Совершенно неожиданно мы выявили закономерность, которую ты подтвердила. Все три женщины, что смогли стать нашими... парами, являются близнецами, две сестры и брат которых погибли в разное время. Более того, только близнец, потерявший свою половинку, может пройти слияние с риирцем. Ваши души после потери становятся неполноценными, уязвимыми и легко могут принять нашу суть. Образовав привычную для нас полноценную семейную связь.

Я слушала Хейго, испытывая в равной мере страх и злость. Гибель моей сестры, оказывается, выгодна темным, о чем они, торжествуя, с радостью рассказывали. А ведь для меня смерть Алекс – мучительно страшное событие.

– На чужом несчастье своего счастья не построишь! – выдохнула я.

– Когда горе уже случилось, а человек продолжает жить дальше, связь с риирцем только поможет. Защитит от боли, тоски и...

– ...холода? – вырвалось у меня. – Вы сказали, что, пока растет элементарь, риирцы – ледышки и...

– Да. Не связанный элементарь постоянно мерзнет, а с возрастом и увеличением силы – все более, – кивнул Хейго и мягко, с нескрываемым удовольствием погладил мои скулы.

– Еще в первую встречу с тобой я согрелась, – призналась я невольно.

Голубые глаза напротив тоже отогрелись, а неповторимый голос ласково прошелестел:

– И я сразу ощутил твоё тепло.

– Но я и от других чувствовала тепло!

Высказавшись, я в напряжении закусил губу.

– Это правильно, ты могла бы подойти любому из нас...

– Могла? – нахмурилась я и почему-то испугалась.

– Да, могла. Но связь образовалась, потому что ты душой выбрала меня, а я – тебя.

– Не выбирала, – упрямо опровергла я, но смущение обожгло щеки. Ведь сама действительно сразу, пусть и подсознательно выделила его среди темных при том, что они были внешне неотличимы.

Хейго вновь криво усмехнулся, но без издевки. Помимо всего прочего, в его глазах светилась нежность, которая вылилась в утверждение:

– Связь запускают проснувшиеся чувства, выбор души. По-другому – никак.

– Признаю, что вы, Хейго, мне нравитесь, но я не...

– Оли... Ягодка. Времени нет на препирательства, поэтому повторяю. По закону о половинках ты принадлежишь Новому Риру. И самое главное – лично мне.

– Я не вещь, я принцесса и...

– Ты – моя избранная! Половинка моей души. Мое тепло. Теперь мы семья!

– С главным определились, теперь можно продолжить путь? – не без ехидства поторопил Тьюго.

И снова в его голову резко впились серые «недовольные» нити других риирцев. Шутник поморщился, а потом, заметив мой осуждающий взгляд, спрятался под капюшоном за непроглядной тьмой.

Хейго наконец выпустил меня из рук. Я не удержалась, высказала все свои сомнения:

– Я все равно не понимаю, зачем вам применять столь жестокие меры? Принимать закон, который может разрушить чью-то жизнь? А если выживший близнец уже кого-то любит, но не состоит в браке? Вы его лишите любви?

– Время лечит, – мрачно заметил Фрей. – Это тоже ваша людская поговорка.

– А еще – стерпится-слюбится! – как обычно, не остался в стороне Тьюго.

– И...

Я оборвала явно собравшегося вторить им Кайго:

– Люди будут скрывать рождение близнецов! А влюбленные – скрываться от закона, который вы навязали. Добровольно никто не согласится перебраться в Риир, ваш вид пугает обывателей. А со временем дело обрстет такими ужасами и страшилками, что выжившие близнецы сочтут за благо уйти вслед за братом или сестрой. Я не понимаю, зачем идти этим путем, когда можно было бы тайно искать подобных мне людей и...

– Леди Оливия, вы рассуждаете мелкими категориями, а мы мыслим на перспективу. Сейчас нам представился удобный случай подвинуть ваших правителей подписать нужный нам закон. А со временем все изменится! – продолжил раскрывать карты темных Хал.

– Вы перестанете нуждаться в половинках? – засомневалась я.

– Нет, наоборот, со временем наша численность будет увеличиваться и конечно – потребность в парах. Люди довольно быстро разузнают о том, как мы создаем семьи, и, более чем вероятно, ваши правители захотят избавиться не только от белых, но и от темных. А сделать это легко, лишив нас потомства и дождавшись, когда сами вымерем. Поэтому мы предупредили будущие проблемы! И постарались извлечь выгоду из ситуации хотя бы на первое время.

– Это ужасно! – качнула я головой. А потом высказала пришедшую в голову очередную мрачную мысль: – С вашей помощью скоро начнут устранять высокородных или богатых купеческих наследников. Всего-то и нужно, что извести одного из близнецов, а второго по закону заберет себе Риир. Начнется перекройка целых династических линий и влияния в гильдиях...

– Не нагнетайте, леди Оливия. Это на ваш взгляд. А на наш – близнецов рождается мало, половинками в приемлемый для нас возрастной период остается еще меньше.

– А что вы будете делать с младенцами, оставшимися одними? – озаботилась я. – Неужели отрывать у матери, и так лишившейся одного дитя?

– Не переживайте, леди Оливия. Не вы одна озаботились этой проблемой. Король Южной Мораны внес в закон поправку, по которой дети передаются нам по достижении двенадцатилетнего возраста, если они не являются сиротами. В противном случае без возрастных ограничений переправляются к нам за счет королевства.

Глядя на Хала, спокойно выкладывавшего планы риирцев, я мысленно пыталась разложить по полкам параграфы нового закона, принять правду

жизни. Не получалось. Из тягостных дум меня выловил Хейго – обнял, прижав к себе спиной, заставив вздрогнуть от неожиданности, и прошелестел над ухом:

– Я уверен, что человечество ради выживания пошло бы на любые меры. Например, отдать каждого второго близнеца пришельцам. Лишь один из двадцати девяти королей уточнил условия передачи младенцев, остальные торопились подписать договор, чтобы мы спасли вас. Люди подписались кровью под условиями отдавать своих детей. Отдали часть земли. И теперь вынуждены будут давать нам клятву верности и неприкосновенности, чтобы взойти на трон. Они рискуют жизнями детей и целых династий за возможность жить самим. Так что не вам нас судить, родная!

Я промолчала, в глубине души согласившись с темными. А от протяжного шелестящего «родная» на сердце потеплело. Будто это слово действительно соответствует истине. Истинная правда!

Но внимала иномирцу моя душа, а вот разумом я не верила, сомневалась.

Глава 15

День девятнадцатый. Взятие дворца

Кровь стучала у меня в висках, грудь болела оттого, что я боялась дышать в полную силу, глядя на словно подпирающие небо заснеженные горы, веками надежно защищавшие огромную долину от непогоды. С растущих на них деревьев не только листва облетела, даже хвоя осыпалась с некоторых не особо стойких. Некогда прекрасный дворцовый парк с вечнозелеными деревьями, взлелеянный не одним поколением моих предков, представлял собой печальное зрелище – выстроившиеся в строгом порядке стволы деревьев с голыми ветвями.

Прижавшись щекой к толстому шершавому стволу, я печально смотрела на сотни ищущих, бродивших между деревьев, и одновременно сочувствовала им, жалела. Сердце обливалась кровью, стоило вспомнить, как недавно упала, случайно зацепившись за торчавшую из-под снега корягу, оказавшуюся на самом деле не корягой, а человеческими заледеневшими конечностями. Потом еще раз, еще... Сколько же здесь полегло моего народа?!

Стремительно разворачивавшиеся события трехлетней давности, когда мы в панике бежали, а смерть ступала за нами по пятам, забирая одного за другим отца, Александру... и тех, кого я знала и любила, не позволили мне тогда увидеть картину катастрофы во всей чудовищности. Прочувствовать! Потом я замкнулась в своем горе, выживала и думала только о себе. А теперь, повзрослев и накопив житейский опыт, на все посмотрела другими глазами.

Но горевать и плакать было бы непозволительной роскошью. Вместо этого я дышала мелкими «глотками», опасаясь выдать свое присутствие. Ведь позади погибший, застывший город – столица уже фактически стертой с лица Эйра родины, тоже названный Цветаной. Пройти незамеченными к нашей цели удалось лишь чудом, вернее – благодаря темным! Чудом стало для меня не потерять рассудок среди сотен бродячих мертвецов.

– Оли, нам надо идти дальше. – Рядом с моими лыжами остановились другие, щеку согрело дыхание Хейго, выводя меня из оцепенения, напоминая, зачем я здесь.

В его голубых глазах отразились сочувствие и непоколебимая

уверенность в себе.

– Да-да, сейчас, я только передохнуть... – шепнула в ответ. Осталось взять себя в руки и опять пробираться мимо живых мертвецов и бесчисленных монстров.

Закрыла глаза, клацнув заиндеветыми ресницами, словно так можно быстрее собраться с силами и наскрести храбрости. Хейго накрыл мое лицо удивительно горячими ладонями и осторожно отогрел веки, ласково прошелестев:

– Потерпи, осталось немного. Не бойся, моя Ягодка, я с тобой.

Несколько мгновений я благодарно смотрела на него, а потом поддалась порыву. Отпустила дерево и прижалась к этому невероятному, сильному, надежному мужчине. Уткнулась ему в грудь, вздохнула и тихонько, с надрывом поделилась:

– Мне страшно представить, что здесь будет твориться, если... когда снег растает. Столько погибших...

– Мы разберемся с ними позже! – бескомпромиссно ответил он, крепко сжимая меня в объятиях, а затем отстранил от себя и развернул в направлении дворца.

После нагнулся и коснулся моего лица губами, словно запасался живым теплом, как делал это последнее время. Только мне от его поцелуев холодно не было, ни капельки, наоборот – бросало в жар!

Вокруг тенями замерли, рассредоточились между деревьями, контролируя подходы к нам, остальные риирцы. По мере приближения к цели мы чаще и чаще вступали в крупные стычки с белыми, а теперь и вовсе подступы к дворцу усиленно охраняются ходячими голодными мертвяками и монстрами.

Я глубоко вдохнула обжигающе холодный воздух: слишком устала от гонки на лыжах, когда без конца приходилось то резко падать в снег, скрываясь от белых, то вставать и бежать сломя голову, зайцем петлять между зомби, препятствиями и тварями. Затем, перехватив поудобнее палки, оттолкнулась и заскользила по скрипучему снегу. Как ни странно, я приноровилась к лыжам-снегоступам и, на мой взгляд, неплохо справлялась с ходьбой на них.

В очередной раз быстро поменяла направление, объезжая розан. Слишком много тварей и мертвяков толклось около них, питаюсь остатками магии погибших землян. От чего на душе становилось еще горше: сколько еще придется вынести миру из-за нелепой, но принесшей столько смертей ошибки моего родственника. Наверное, именно поэтому у меня открывалось второе и даже третье дыхание, несмотря на усталость, ломоту

в натруженных мышцах и неотступный страх.

Стоило пройти два королевства, чтобы в полной мере прочувствовать последствия проникновения белых иномирцев в мир людей и простить всех за то, что происходило со мной последние три года. Мои беды – ничто, сущая ерунда по сравнению с тем, в кого превратили цветанцев, которые были живыми, а теперь, вот уже три года, служат белым стражами. Столько загубленных жизней, разрушенных семей и, как это ни печально и больно, – гниющих селений в будущем.

Завидев очередную группу ищущих, я мысленно взывала:

«Простите нас!»

Наконец, на фоне горы, в окружении елей в снежных шапках я увидела родные стены из бежево-серого вулканического камня. Мой Дом – замерший, замерзший, хмурый, неприкаянный – среди царства белого, в лучах закатного солнца, освещающего частично заметенные снегом черепичные крыши и башни со шпилями. Я замедлила ход, невольно останавливаясь и пораженно разглядывая флаг Цветаны, невероятным образом до сих пор оставшийся на самом высоком шпиле, застывший на морозе!

Глаза сразу защипало от слез, поэтому, тихонько шмыгнув носом, я заморгала, чтобы не проронить ни капли. И так слишком много сил темные прикладывают для нашей защиты, скрывая тепло и продвижение по вражеской территории – темный защитный туман висит перед глазами. Зарывшись носом в мех, я глубоко вздохнула и заскользила вниз по склону небольшого холма, скатываясь в лощину. Я знаю эти места как свои пять пальцев, кажется, и с закрытыми глазами смогла бы провести спутников к дворцу.

Осталось пройти совсем чуть-чуть, но прямо перед нами закружились ненавистные снежные вихри – предвестники белой гибели. Один, два... пять... десять... вихри продолжали и продолжали возникать... Поставив лыжи на ребро, я успела резко затормозить, развернувшись боком. И тут же Хейго, на корпус обогнав меня, замер, спиной закрывая от грядущей опасности.

Удивительно, но риирцы после смены своим командиром формы и потери части способностей не сочли его слабее. В их поведении ничего не изменилось. Видимо, даже в физической форме считают себя сильнее противника.

Конечно, белого войска вместе со стаей монстров следовало ждать. Белые ориентируются на наше тепло, соответственно, и для защиты захваченных территорий от лазутчиков и уничтожения незваных гостей

успешно используют монстров. Думаю, за три года, что у белых не было достойного противника, они расслабились совершенно, уверились в своей безнаказанности. Непобедимости! Именно на это сделали ставку риирцы, скрываясь от караульных, или каких там еще, отрядов, уходя от столкновений и всячески не обнаруживая себя. Поэтому мы пробирались к цели незаметно и максимально долго.

Десятки белых неслись на наш маленький отряд, напоминая снежный вал. Окружившие меня риирцы, сбросив привычный человеку образ, превратились в живое черное пламя. Смертоносное пламя!

Хейго, жестко надавив мне на плечо, заставил сесть на снег. Накрыв плотным темным магическим куполом, который, как выяснилось, все-таки давит на нервы обладателя светлого дара землянина. И сам навис надо мной, напоминая жителя Нижнего мира, одного из богов, ведающих загробной жизнью. Голубые глаза сверкали почище льда и были не менее холодны. Чувственные губы сжаты в узкую линию, крылья носа хищно трепещут в ожидании битвы, в руке полыхает первозданной тьмой риирский меч, тело напоминает натянутую тетиву: вот-вот сорвется, посылая смерть врагам.

И решающий момент настал. Мир будто взорвался: брызги снега, осколки льда, устрашающе ревущее черное пламя, останки плоти белых, мерзкий визг, летающие надо мной, светящиеся, смертельно опасные энергетические сгустки! Если хоть один такой попадет в меня – конец нашей кампании. Я невольно сжалась в комочек, наблюдая за битвой иномирцев. Сильны!

Мои защитники держали четкий круг, не разлетаясь, но я подозревала, что бесконечно долго продержаться семерым темным не удастся. После каждого убитого белого появлялось несколько, и воевать они тоже умеют! Обрушив мечи на голову очередной твари, Хейго вздернул меня на ноги и приказал непривычно жутким голосом:

– Ничего не бойся! Беги к стене, мы прикроем!

Наверное, так шелестят крылья проводников в Подземный мир под каменным сводом склепа. А чтобы они забрали не нас, а белых тварей, я нашла в себе силы разогнуться и двинуться с места. И потому, что доверяла Хейго, никогда не подводившему меня, верила в непобедимость темных и, кроме того, за стенами Дома я буду в безопасности. О чем твердо знала с раннего детства, о чем мечтала, пока жила в Дармаше.

Сцепив зубы, я рванула к дворцу. Чуть не падая, натываясь на препятствия, цепляясь лыжами, вскрикивая, когда Хейго рубил очередную белую тварь, либо живое пламя устиало снег пеплом, но упорно бежала

вперед. Сердце билось в горле, перед глазами плыли разноцветные пятна, нещадно кололо в боку.

В голове стучала лишь мольба: «Домой! Домой! Под защиту родных стен!»

Стена выросла неожиданно, стоило выбраться из парка. Правда, предстояло еще пересечь почти голое заснеженное пространство – отец не позволял деревьям подступать близко к дворцу, во избежание пожара. И теперь мы полностью на виду. Лишь несколько крупных, еще живых розанов растут поблизости, но около них, как назло, бродят ходячие мертвецы и монстры.

Я не выдержала – сломала щиты, которые вынужденно воздвигала, и освободила свой дар, будто наконец-то из омута вынырнула и вдохнула упоительно чистого, спасительного воздуха. Хватит скрываться, необходимо живой добраться до стены, чтобы пройти в дом. Наконец-то во мне закипела кровь предков. Магия буквально взревела, долго сдерживаемая и неиспользуемая, заставляя кровь стремительно бежать по венам, даря уставшему телу бодрости и сил. Наконец-то ощутив отклик земли, я накрыла земляным валом группу белых, злорадно давила их, мстила за свой народ, за весь Эйр. И когда почувствовала, как тонкие силовые нити от розанов устремились ко мне, приветствуя, радостно встречая родственную магию, поддерживая мой резерв, с восторгом осознала: мы вместе! Пусть так, но мы – земляне! – живы, пока живет наша магия!

Зомби и твари, «пасущиеся» под кронами розанов, попытались было кинуться к нам, но какое там: словно невидимая стена, магия погибших землян удерживала их внутри замкнутого круга. Даже после смерти боевые чародеи, главные защитники королевства, служили на его благо и последней наследницы Цветаны.

Я вновь мысленно кричала:

«Я никогда вас не забуду!»

– К стене! – глухо напомнил Тиж, врезаясь в очередную группу белых, которых я тоже намеревалась закопать живьем.

Вспышка чужого смертельного заклинания, которое неотвратимо летело в меня, – и в тот же миг передо мной возник Хейго, закрывая собой. Я не успела испугаться ни за него, ни за себя, поскольку в следующее мгновение он руками поймал чужой энергетический сгусток и поглотил его, словно между делом перекусил. Страхнул ладонями и, перехватив меня за руку, ускорил бег.

– Пригласи нас навечно! Оли! Всех риирцев! Отдай нам дворец

навсегда! – настойчиво прошелестел его приказ.

Вокруг меня мир словно сошел с ума: кружились вихри, из которых без конца появлялись белые, они выходили уже наготове, сразу же запуская в черное пламя светящиеся голубоватые сгустки. Воздух искрился в закатных лучах от снежного светопредставления. То тут, то там раздавались невыносимо резкие крики белых, кажется, прошивая мою голову насквозь, сводя челюсти.

Сердце ухнуло и понеслось вскачь, когда на мой светлый мех брызнули багряные, какие-то слишком яркие капли крови. Это Хейго ранили, рубанув ледяным копьем по руке. От удара он покачнулся, но удержался на ногах и с еще большим остервенением ринулся на противника. А Тиж сразу прикрыл меня Тьмой.

В нескольких шагах от стены я опять завалила вновь прибывших белых огромными пластами земли, а следом, с треском ломаемых лыж, врезалась в родные до слез камни. Благо меховая амуниция спружинила и тем самым спасла от сильного удара. Я скинула варежки и, приложив ладони к ледяной стене, послала, затараторила призыв-приглашение, истово веря в свою силу, надеясь на отклик родовой магии.

Мгновение-другое – и под руками дрогнула ответная магия, водяной рябью побежала от моих рук дальше по стене. Я сразу обернулась и, найдя глазами первого же риирца, которым оказался Хал, кивнула, подтверждая, что Дом примет темных. Но освободители Эйра явно привыкли все проверять – сверкнув бирюзовыми глазами, Хал исчез в стене, прошел словно привидение. Затем вынырнул обратно и сразу улетучился темным смерчем. Через несколько пугающе долгих мгновений, когда, прижавшись к стене спиной, я устраивала очередную могилу для белых с монстрами, пространство рядом с нами разорвалось черными воронками... десятками воронок, из которых выходили риирцы.

Я с криком упала лицом в снег, спасаясь от брызнувшей в стороны каменной крошки, когда двое новоприбывших риирцев, моментально оценив обстановку, проломили толстую стену. Вернее, «вырезали» проход в человеческий рост, а каменная глыба с грохотом ухнула внутрь, подняв облако пыли. Злобно шелестя, Хейго поднял меня на ноги. Встряхнул, гневно сверкая глазами поверх моей головы, надо думать, на своих сгруппировавшихся собратьев. Покосившись в направлении его гнева, я получила два удивленных незнакомых взгляда, оранжевый и лиловый, затем оба темных поклонились, видимо, извиняясь, и тут же рванули в бой, продолжавший разгораться.

Хейго содрал с моих ног обломки лыж, и мы продолжили путь к

заветной цели вместе с Кайго, который нес саркофаг, в окружении нескольких десятков темных. Я запыхалась, вспотела, стянула мешающий дышать шарф с лица и, запустив вверх светляк, вела риирцев к зданию с порталом-подвалом. И озабоченно посматривала на раненого Хейго. Переживала: у него кровь капала с пальцев, оставляя на снегу пугающе красные брызги. Хотя его, судя по выражению лица и твердой походке, ранение особо не беспокоило.

Они с Кайго под прикрытием пришедших на помощь риирцев штурмовали цитадель Цветаны. Каждый миг, каждый шаг, каждая дверь и коридор давались нам нелегко. Теперь мне никто не запрещал использовать силу, и я убивала белых с невероятным наслаждением. Мстила за родину, Эйр, каждую погибшую душу! Лишь на краешке сознания билась мысль: «Главное – не сойти потом с ума!»

Снег хрустел под ногами, летал в стилом морозном воздухе. Запустение! Как же изменилось все вокруг! Под ногами закрипели осколки некогда красивого огромного вазона. Хейго перепрыгнул через треснувший, валяющийся на боку второй и помог мне перелезть через него. Вот и лестница в дворцовые подвалы, зияющая холодным светом треклятого портала. А ступени настолько заметены и утоптаны, что похожи на ледяную горку. Как же белые здесь ходят?.. Хотя с их способом перемещения это, наверное, и не нужно.

Несколько «черных плащей» ринулись вниз. Следом за ними Хейго, подхватив меня в охапку, лихо покатился на заднице в подвал. Я едва не завизжала, уткнулась ему в грудь лицом.

Неожиданно сверху раздался голос незнакомого риирца, летящего рядом с нами:

– Она уже доверяет?

– Немного, – прошелестел голос Кайго.

А вот Хейго, заметив, что я заинтересовалась обсуждением, хмыкнул насмешливо.

– Надеюсь, эта не сбежит... – пожелал незнакомец.

Продолжения не последовало – в подвале нас ждали белые. Только не привычного облика невысокие и голубоволосые твари, а их более крупные собратья с устрашающе топорщащимися фиолетовыми волосами-сосульками, по-видимому, оттого, что они магически гораздо сильнее.

Будучи скованным физической формой, Хейго стремительно унес меня в сторону и закрыл собой, а в бой вступили свежие силы темных воинов. И снова из-за плеча своего мужчины, уже стоит это признать, я с восхищением и трепетом наблюдала за битвой иномирцев. Сражались они,

словно боги! Да против любого из них люди просто мошки. Даже стало страшно за нас: вдруг станем ненужными и темным? Одна надежда, что если к тому времени настолько «сроднимся», смешаемся, то, возможно, надобность в людях у элементарей Тьмы никогда не пропадет.

Несмотря на плотный защитный кокон, в подвале было настолько холодно, что у меня стучали зубы. Я ощутила, как и Хейго начал дрожать всем телом. Прижалась к его спине, обняла, пытаюсь хоть так согреть. А риирцы тем временем успешно прорывались к portalу – светящейся воронке в другой мир, из которого белые маги вместе с холодом и чуждой магией настойчиво лезли покорять мой мир. Замораживали...

Наконец темные оттеснили весьма поредевшие силы белых от сверкающей воронки и, пробиваясь речитативом сквозь визг иномирных тварей, зашелестел голос Кайго. Его темный плащ зловеще развевался на фоне голубоватого света, лившегося из портала. Не менее впечатляюще сияли руны на саркофаге великого воина, который он держал в руках.

Кайго поставил саркофаг у входа в портал и выпустил, приложив руку, свою Тьму, что на время похода уменьшила груз и сохранила от мороза. В следующее мгновение Тьма послушно вернулась к хозяину, а саркофаг принял первоначальные размеры. Затем Кайго, полыхнув синими глазами, открыл створ, резанул по груди моего мертвого кузена мечом, выпуская немного крови, – и тело Шарля понеслось в чужой ледяной мир.

Хейго, резко развернувшись, притиснул меня к стене, закрывая собой. Волной последовавшего энергетического удара у меня выбило воздух из груди, сперло дыхание. Хейго тоже тяжело ухнул. Подвал погрузился в крошечную тьму. Через несколько мгновений к потолку взмыли десятки магических светляков, и я увидела продолжение сражения. Правда, теперь оставшиеся в живых белые отступали, пытаюсь выбраться наружу из каменной ловушки, но тщетно. Неужели Тьма парализовала их способность уйти порталом даже наверх?

Скоро подземелье опустело, остались только мы с Хейго и наши телохранители – Тьюго с Халом. А магические светляки превратили поле боя, вернее, подвал, в нечто невообразимое.

Я с надеждой посмотрела в глаза Хейго, боясь окончательно поверить в то, что говорю:

– Мы победили?

– Пока еще не совсем, моя Ягодка. Но скоро это произойдет.

– У белых магов больше нет подпитки. И больше нет подкрепления.

Лето в самом разгаре и непременно возьмет свое. Так что тех, кого не добьем мы, уничтожит сам Эйр...

– Сто лет не слышала настолько прекрасных новостей, – выдохнула я, широко и счастливо улыбаясь.

Осмотрелась, по-прежнему обнимая Хейго за торс: от портала не осталось и следа. Снег, останки монстров, серые сморщенные трупы белых – если часа два назад подобное повергло бы меня в уныние, то сейчас во мне все запело от радости.

– Ну что ж, тогда приступим... – Я удивленно посмотрела на Хейго, а он пояснил: – Откладывать инициацию больше не вижу смысла.

Радостное, приподнятое настроение мгновенно испарилось. Я изо всех сил уперлась руками ему в грудь, пытаясь оттолкнуть и возмущенно пыхтя:

– Лар Хейго, мы с вами недостаточно хорошо знакомы... и знаем друг друга, чтобы переходить на столь близкий уровень общения. И...

– Стать супругами, куда уж ближе?! – ехидно хмыкнул Тьюго.

Вот вредина! Прибить мало!

Хал вообще метнулся к лестнице, видимо, чтобы не допустить появления других «зрителей». А может, чтобы ищущие или твари какие в подполье не провалились.

Решительный и мрачный взгляд Хейго больше не обещал отсрочки. Да и хорошего ничего не обещал!

– Только не делай мне больно, пожалуйста, – обмирая, пролепетала я.

– Не знаю, как получится, – еще более мрачно и твердо признался он.

– В каком смысле? – пропищала я, дернувшись назад.

– В прямом! – не стал вдаваться в подробности Хейго, стягивая с моей головы капюшон и шарф. Затем расстегнул ворот шубы.

– Мне нужно немного времени на подготовку. – Я пятилась, судорожно осматриваясь в надежде убежать. – И вообще, хотелось бы сначала уточнить все нюансы этой самой инициации и...

– Как говорят люди, меньше знаешь, тише кричишь...

– ...крепче спишь! – продолжал умничать Тьюго.

Шутник! Точно прибью! Потом!

В этот момент Хейго, которому явно надоели препирательства, тряхнув головой, начал меняться: сначала голубые глаза заволокла непроницаемая темная мгла – наверное, сама Тьма смотрела на меня; затем, как в прошлый раз, лицо пошло темными разводами, словно теперь она побежала по коже змейками, но тут же «впитывалась». Когда Хейго поднял черную, пылающую темным пламенем руку и потянулся к моему лицу, я в ужасе шарахнулась от него и с воплем рванула прочь.

– Ну вот, как всегда... – язвительно констатировал Тьюго.

Хейго догнал меня быстро, еще бы, в моей одежде наверх живо не

вскарабкаешься, зачем-то повалил на снег и перевернул. Навис надо мной, а я, мотая головой, уперлась ему в грудь, пытаюсь отстранить.

– Не закрывай глаза, родная, – неожиданно ласково попросил этот мужчина, с какой-то целью принявший жутковатый облик, таким же жутким, прямо загробным голосом.

Зажмуриться ему в пику не успела – он наклонился очень близко, открыл рот и... когда из его глаз, рта из каждой поры на меня потекла Тьма, я сама вытаращилась от ужаса и зашлась в истошном крике, изо всех сил забила, чтобы сбросить с себя это чудовище!

Через мгновение все вокруг меня полыхало Тьмой, а сама я захлебывалась ею, словно мутной водой, беспомощно хрипя и пытаюсь вдохнуть воздуха. Мало того, замерзала как никогда, ощущая, что внутри все леденеет.

– Ты поторопился! Она не принимает твою суть... – донесся до меня незнакомый мужской голос.

– Тьма! Если и дальше так пойдет, они умрут оба! – глухо выдохнул кто-то еще.

Дальше у меня в голове зашелестел ласковый, мягкий голос Хейго, настойчиво уговаривающий:

– Ты – моя, я – твой! Навсегда! Расслабься! Доверься мне! Верь! Я – твой, ты – моя! Одна душа на двоих! Но большая, цельная, не одинокая! Раздели со мной свое тепло, не дай замерзнуть во Тьме! Прими меня и тепло моей души...

Голос мужчины, который не раз выручал меня в пути, утешал, защищал от опасности, порой ласкал слух и вызывал живой отклик моей женской сути, вытянул из мрака. А настойчивое обещание тепла помогло расслабиться, открыться душой и принять неизбежное: по сути, подселенца в мое тело. Половинку! Новую и такую... необычную, чужую... Нет – чужеродную!

Внезапно Тьма превратилась в свежий глоток воздуха, остудивший сухое разгоряченное горло. Я судорожно глубоко вздохнула – и тут же услышала:

– Хвала Тьме, они прошли полное слияние и инициацию!

– Главное, чтобы она не сбежала от него после этого... как обычно происходило, – добавил свой ржавый медяк Тьюго.

«Да чтоб ты подавился дурацкими шутками!» – было моим пожеланием этому темному перед тем, как сознание милостиво покинуло меня.

Глава 16

Замок. Безумное утро

Сквозь сон я услышала странный, подзабытый, но от того ставший приятным вдвойне звук – треск горящих сухих поленьев. Смолистых, пахучих... Он казался ненастоящим, словно из далекого прошлого повеяло, когда можно было, ничего не опасаясь, разводить огонь в очаге, чтобы обогреться, вскипятить воду и заварить ароматные травы с медом...

С трудом разлепив глаза, я сперва зажмурилась от яркого утреннего света, льющегося из ничем не закрытых окон, затем тихонечко, по привычке, которой обзавелась в походе, вздохнула и, к своему полному удивлению, не заметила даже маленького облачка пара. Сонное состояние сразу как ветром сдуло.

Приподнявшись на локте, я обнаружила, что спала в штанах, носках и рубашке, без меховой одежды, а запасная шкура в ногах сбилась. Видимо, меня ею накрыли, когда было еще холодно, а потом стало жарко. Вот я и раскрылась.

Как же легко ощущать себя без надоевшей, круглые сутки не снимаемой теплой одежды! Чувствовать свою силу! Отклик магии родных стен!

И самое замечательное: я в своей собственной опочивальне, на своей собственной кровати во дворце Малина. Какое счастье! Чудо! Сердце дрогнуло от счастья, заколотилось в груди, взгляд радостно метался по знакомым с детства покоем, отмечая детали. Зеленый шелковый балдахин, щедро украшенный вышивкой, подобранный желтыми шнурами с кистями, который в случае необходимости можно опускать до самого пола. Толстый ковер с красно-бежево-зеленым орнаментом так и манил пройти по нему босиком. Великолепные гобелены, изящная девичья мебель.

Я уже хотела позвать горничных, но в этот миг взгляд упал на две красивые стеклянные вазы на туалетном столике, в которых раньше всегда стояли свежесрезанные цветы, радуя меня в любое время года. Но не сейчас...

Теперь оттуда торчали бурые стебли с тоскливо поникшими, свесившимися на стенки листьями и цветами – видимо, только-только оттаяли. На этот раз я вздохнула глубоко и с надрывом, понимая, что проблемы никуда не делись, а родные умерли... Все умерли! И это не

кошмарный сон. Даже не позвать никого, ни фрейлин, ни горничных, даром что колокольчик висит. Одна принцесса... развалилась в роскошных королевских покоях в мужской одежде. Слава всем богам, хоть натоплено.

Я привстала, опершись на локоть, и угрюмо уставилась в стену с мыслью: «А где?..» За спиной что-то зашевелилось. Резко обернувшись и едва не сорвавшись с места от страха, я увидела Хейго, полулежа устроившегося с другой стороны, облокотившись на вторую подушку и свесив длинные ноги с кровати. Из-за яркого света, бывшего в глаза, я не смогла подробно рассмотреть выражение его лица, попавшего в тень балдахина.

– Уф-ф-ф! – Облегченно выдохнув, я плюхнулась на подушку и искренне улыбнулась: – Доброе утро, лар Хейго.

Меня сразу же накрыло волной удовольствия, словно чья-то радость пошла через край, а следом неожиданно сменилась настороженностью.

Странно, почему это я испытываю подобные чувства?

Хейго приподнялся, подался ко мне и, склонившись, уже привычно положил ладонь на мою щеку. С невыразимым удовольствием погладил и ласково пошелестел, вглядываясь мне в глаза:

– Выспалась, единственная моя?!

Голубые озера его глаз темнели, превращаясь в черные бездонные омуты. Я в ужасе уставилась на него и захлебнулась от крика, сразу во всех подробностях вспомнив случившуюся накануне, всеми святыми и высшими проклятую инициацию, почерневшее надвигавшееся лицо риирца, заставившего пройти через пренеприятнейшее испытание, лишившее последних сил. И незабываемое ощущение лютого холода, выстудившего внутренности в момент, когда Тьма проникала в меня...

Словно решив освежить мою память, Тьма, как и вчера, заполонила не только радужку, белок тоже стал полностью черным. Мало того, совершенно черная слеза скатилась из уголка глаза к подбородку и – упала мне на руку. В следующее мгновение я, будто пружиной подброшенная, с такой силой отпихнула Хейго, что он упал на подушки спиной. А сама, резво подскочив, с диким воем кинулась вон. Благо теперь меня не стесняли ни шуба, ни меховые штаны, ни уни.

Обретя былую прыть, я пролетела по своим покоям, отметив, что портреты родителей в тяжелых золоченых рамах и наш с Алекс по-прежнему на месте, висят в гостинной.

– Оли, родная... – понапрасну звал Хейго.

Я уже протянула руку толкнуть дверь, ведущую в коридор, авось где-нибудь спрячусь, – а створки резко распахнулись, явив моему взору двух

молодых женщин. Опешив, я встала как вкопанная и вытаращилась на них – совершенно не ожидала встретить здесь помимо риирцев людей. Живых, не зомби! Причем с нескрываемым любопытством, немного настороженно, но приветливо и по-доброму смотревших на меня.

Оглядев высокую брюнетку с чуть раскосыми карими глазами, одетую в голубое шерстяное платье, поверх которого красовалась лисья шубка, и хорошенькую голубоглазую блондинку, беременную, кстати, нарядившуюся в синее и подбитый кроличьим мехом с серебряной вышивкой сюртук, я совсем растерялась. Ведь одежда эта мне хорошо знакома... до боли...

Не успела я высказаться, что нехорошо мародерствовать, тем более, как в Дармаше говорят, хозяйка объявилась, у блондинки из волос будто черная тоненькая змейка выскользнула. И сразу исчезла, растворившись на виске. У меня дар речи пропал! Только я попыталась обогнуть этих жутких гостей, чтобы убежать, – по лицу брюнетки забежали юркие черные «ручейки», а темные глаза почернели, прямо как у Хейго. Тьма!

Сердце сначала оборвалось, а затем громко забухало в горле!

– Здравствуйте, леди Оливия, – пропела высоким звонким голосом блондинка, делая шаг ко мне. Она явно волновалась, когда продолжила: – Мы счастливы приветствовать вас в нашем...

Из уголка ее глаза вынырнул очередной черный «ручеек» и спрятался под воротником, потом показался на бледной коже запястья, окрасил ногти. «Бум-бум-бум...» – теперь грохотало у меня в голове, оглушая, мешая связно мыслить. Женщина подняла руку в черных разводах и протянула ее мне. Как зомби, когда те синюшные руки тянули... Я сделала шаг назад, другой, а она продолжала тянуть ко мне черную ладонь. Дальше я не выдержала и с криком кинулась в купальню, в надежде укрыться там от кошмарных визитеров.

Захлопнув дверь перед опешившими незнакомками и нахмурившимся Хейго, я метнулась к комоду и лихо придвинула его к двери. Хотя, помнится, раньше этот комод две горничные с трудом сдвинули с места, когда за него что-то свалилось. Мой панический вой перешел в хрип и наконец оборвался – воздух кончился. В дверь вопреки моим «стараниям» никто не ломился, поэтому я бухнулась на лавку: ноги подкашивались.

Огляделась. Все осталось на прежних местах, как мне запомнилось: большая медная ванна, мягкая мебель для отдыха после омовений, огромное зеркало и фаянсовый таз с водой. Поплескала себе в лицо водой, свежей, кстати. Неужели мой темный побеспокоился? Но ясности мыслям вода не принесла. Может, я просто схожу с ума? После той проклятой

инициации? Может, я все еще сплю? Вот это было бы самым лучшим выходом, а не то... Нет, нет и еще раз нет!

Судорожно вздохнув, я встала, оперлась ладонями о холодную мраморную поверхность подзеркальника и замерла, ощущая, как сердце вновь заходится в неистовом ритме – руки продолжали «радовать» черными ногтями. Мои собственные руки! Решила поскрести, убеждая себя, что это всего-навсего грязь въелась за три недели путешествия. И тут же вспомнила, что вся, целиком, тоже давно нуждаюсь в воде и мыле, особенно волосы. Сказано – сделано. Тем более в родных стенах мой резерв быстро восстановился, и я с удовольствием воспользовалась возможностями магии для чистки тела и одежды.

Боги, как же давно я об этом мечтала – ощутить себя чистенькой. Конечно, это не в воде искупаться – полного ощущения комфорта не появилось, но стоило силе улечься, пряди черных волос с сухим треском разметались по рукам и спине. Затем, затаив дыхание, проверила ногти, но они так и остались темными.

«Нет! Нет! Нет! Только не это...» – простонала я.

Внезапно между пальцами блеснуло черное пятнышко, стремительно вытянулось в ленточку-змею, которая, пробежавшись по пальцам, собрала всю «грязь» с ногтей. Запаниковав еще больше, я трясла рукой, пытаюсь стряхнуть эту омерзительную гадость, но она юркнула под рукав рубашки. Я с воплем попыталась задержать «змею» у локтя, даже собралась разодрать рукав, чтобы добраться. Но в этот момент поймала свое отражение в зеркале: взлохмаченная, испуганная, с круглыми безумными глазами – как затравленное животное! Не успела «полюбоваться» загоревшим, обветренным лицом, как по нему тоже побежали черные «змейки».

Вопя на все лады, я сбивала эту пакость с себя, впуская шлепая по голове, пытаюсь выдрать из волос, стряхивая с одежды. Крутилась вокруг своей оси в бесплодной попытке избавиться от ползающего по мне безобразия. В дверь начали громко стучать жуткие незваные гости, о чем-то просили, повергая меня в еще большее безумство. Им вторил Хейго, призывая успокоиться.

Мой вой оборвала стремительно закрутившаяся прямо посреди комнаты воронка. Пока я, отшатнувшись к стене, удивленно хлопала глазами, из нее вышел Хейго в ипостаси хорошо знакомого черного «плаща». Тьма развеялась, а он принял человеческий вид. На мое счастье, Хейго выглядел настолько невозмутимо спокойным, что в надежде на скорое спасение я вытаращилась на него, как на воплощение надежности и

тепла, продолжая судорожно стряхивать с себя «змеек», подергиваясь всем телом, словно больная или безумная.

Между золотистых бровей риирца залегла виновато-грустная морщинка, когда он, наконец, попросил:

– Оливия, Ягодка моя, успокойся! Я с тобой, все будет хорошо. – Его голос шелестел ласково, нежно. – Не бегай от меня больше. Мы протопили и защитили пока только одно крыло!

Значит, я точно не сошла с ума! И мне это не привиделось, потому что по его лицу тоже скользнула черная «змейка», впилась в бровь, исчезла, а он даже глазом не моргнул, будто не заметил. Выходит, я стала, как они, – темной?! О нет, я так не хочу!..

– Хейго, что происходит? – заплакала я, больше не в силах справиться с жестокой действительностью, отчаянно, по-детски надеясь, что этот мужчина, большой и сильный, как всегда, развеет мои страхи.

Я обняла себя руками, словно так могла защититься от темной напасти. Хейго приблизился ко мне вплотную. Взял за руки, поднес их к своим губам и поцеловал кончики пальцев, затем осторожно, словно фарфоровую, обнял, не обращая внимания на мои жалкие попытки оттолкнуть его.

Дело в том, что я привыкла, слишком привыкла за время похода полагаться на его силу, защиту, а последние три дня млела в его объятьях, даривших столько тепла и приятных ощущений. Вот и сейчас, стоило ему сомкнуть вокруг меня руки, неосознанно расслабилась и тотчас согрелась. Не разумом, а именно сутью и, быть может, душой признала, что Хейго прав: раз он со мной, все будет хорошо. Слезы высохли. И тем не менее я обиженно стукнула его в грудь кулаком, один раз, второй:

– Это ты виноват! Ты! Я превратилась в исчадие подземного мира! По мне ползают... неизвестно кто...

Невольно заглянула в зеркало и нашла тому подтверждение: по мне продолжают лазать всякие «гады».

Хейго прижался щекой к моей макушке, заставив уткнуться ему в грудь лицом. Как обычно зарылся пальцами в волосы у меня на затылке, тут же напомнив, что я лохматая, нечесаная просто до неприличия, и прошелестел виновато:

– Прости, родная! Если бы ты узнала обо всех особенностях нашего союза раньше, боюсь, сбежала бы в ужасе, забыв о цели кампании. Мы уже сталкивались с подобным...

– Да-да! И не раз! – донесся из-за двери задорный голосок блондинки.

Они там что – остались и подслушивают? А, ладно, пусть их! Даже на

почерневшие ногти посмотрела как на неизбежность. Ну... тоже не смертельно. Наверное, я немного успокоилась, и эта гадость вновь обосновалась на кончиках пальцев. Но проверять догадку в зеркале не отважилась.

– Оли, я хотел тебе рассказать, когда проснешься, сразу, но ты сбежала...

– Да-да! – опять подтвердила блондинка. – Оправдывайся теперь. Дотянул, как и Шейго, до кровати. А если бы вы своевременно рассказывали...

Кажется, блондинку кто-то оборвал: за дверью послышались возня и ворчание. Хейго, скрипнув зубами, продолжил:

– Прости за то, что принес тебе столько боли и напугал опять. Прости. – Он сжал меня в объятиях, будто я опять собралась убежать. – Оли, я думал, что успею объяснить.

Как всегда, в голосе Хейго я не услышала ни притворства, ни лжи. Обняла его за торс, судорожно всхлипнув:

– Рассказывай!

– Ты видела нас в истинном виде, мы – чистая Тьма. Раньше, когда существовал Риир и разнополюсные сущности, мы обменивались частью друг друга, проходя слияние. И становились едины, двумя половинками одного целого, обретали стабильную физическую форму, не нуждаясь при этом в постоянном контакте. Мы почти не менялись внешне. Были элементами... а люди – нет.

– Я помню, мы неровня вам, слабые...

– Вы слабые маги, но душой сильнее любого элемента, – поправил меня Хейго. – Настолько сильны, что белые кормились людскими душами долгие три года, – это непостижимо, но факт.

– Только тем несчастным людям от этого не легче. Думаю, лучше умереть сразу, чем мучиться столько лет в душевном рабстве, – горько возразила я.

И опять корила себя: моя семья во всем виновата...

– Я говорю как есть, чтобы ты поняла и приняла правду о вас и о нас.

Хейго погладил меня по затылку и вновь забавно почесал за ухом, будто кошку.

– Извини, я перебила. – Опасаясь, что до сути так и не доберемся, настойчиво поторопила: – Рассказывай дальше, пожалуйста.

– Благодаря Тьяне, Лилии и их половинкам Шейго и Сайло мы выяснили, что процесс слияния риирца с человеком несколько изменился. Риирец по-прежнему обретает устойчивую физическую форму, но в тесном

контакте со своей половинкой. Наша Тьма проникает в вас, впитывается в тела. Мы в буквальном смысле проникаем друг в друга: ты своим теплом – в меня, а я своей Тьмой – в тебя! А те черные разводы на коже, которых ты испугалась, – это я... малая часть меня и Тьмы.

– Она слишком холодная, чуть не заморозила меня вчера, – пожаловалась я.

Хейго хмыкнул грустно, потерся о мою макушку щекой и признал:

– В этом холоде мы постоянно обретаемся, ждем свою половинку. Теперь ты понимаешь, насколько ценно ваше тепло, твое тепло. И наше единение для меня.

– Тогда почему ты злился, когда мы в яму свалились?

Я храбро посмотрела ему в глаза – то голубые, то от волнения, наверное, темнеющие под сошедшимися на переносице золотистыми бровями.

Слегка наклонив голову, Хейго с каким-то ненормальным удовольствием рассматривал меня, опять заставив вспомнить о неподобающем принцессе Цветанской виде.

– Я уже говорил, что не злился на тебя. Это ярость Тьмы, нестерпимое желание завершить слияние и согреться. Завладеть тобой, стать цельным. Но я бы тебя изменил, наши спутники были правы: этого нельзя было допустить, иначе дворец мог не узнать тебя. Рассказывать, что происходит в момент слияния, мы не стали сознательно, из прошлого опыта зная, как люди воспринимают последствия связи. А ловить тебя наперегонки с тварями и белыми, расстраивать еще больше, мы не хотели. Опасались...

– Да, но ты мог хотя бы рассказать о нюансах этого ритуала до слияния! – не согласилась я. – И уже во дворце! А ты?! Ты свалил меня прямо на пол в подвале, среди трупов сразу после закрытия портала... как варвар после взятия крепости.

– Достаточно! – виновато попросил Хейго. – Прости! Признаю свои ошибки, а лежащего не бьют.

– Да-а-а?.. И откуда эта пословица? – Я подозрительно уставилась на него. – За такие ошибки не только бьют, но еще и потоптаться можно!

– Люди так на юге говорят, – неожиданно широко улыбнулся Хейго. – Еще я знаю: когда человеку плохо даются извинения из-за бедного словарного запаса, он хочет как можно быстрее завершить неприятный разговор о своих ошибках.

Я не выдержала и хихикнула: ох уж мне эта честность темных. Хоть плачь, хоть смейся. Жаль, над собой. Их-то не изменить!

– Возьму на заметку! – пообещала я, хитро усмехнувшись.

– Не стоит, – мотнул головой Хейго.

– Стало быть, тебе можно прикидываться «лежачим», а мне нельзя?

– Нет, мы теперь неразлучны как в прямом, так и переносном смысле.

Мы же рассказывали, что наши семейные союзы очень тесные. По вашим меркам и по мнению Тяны и Лилии – чересчур.

– Ясно... – протянула я.

– Поэтому все наши ошибки будут обоюдными. А топтаться бессмысленно, поскольку ты будешь в полной мере ощущать мои чувства и эмоции, а я – твои. Пока слабо, но со временем – как свои.

Я ошарашенно хлопала глазами, а слова застряли у меня в горле. Надо ли мне такое счастье? Неужели я настолько сильно влюблена в этого чужака, чтобы лишиться не только части себя, но и полностью свободы выбора и чувств?

– Как же это с нами случилось... такое? – наконец потрясенно вырвалось у меня.

– Мы увидели друг друга и, думаю, по разным причинам выделили среди остальных, – спокойно ответил Хейго. – Обратили внимание, взрастили особое отношение, укрепили его во время путешествия. Потянулись друг к другу духом... душой, зацепились так, что было бы сложно забыть, разорвать связь. Понравились настолько, что возникли и чувства, глубокие, ответные, которые мы разделили только друг с другом. И Тьма приняла наш выбор, одобрила и соединила нас в единое целое. Поверь, если бы мы остались равнодушными, ничего бы не произошло. Ты же касалась Хала...

И он еще на бедный словарный запас жаловался? Но спросила я о самом насущном:

– Что же теперь будет с нами?

– Мы будем жить! – выслушав мой хриплый шепот, улыбнулся темный нареченный, блеснув красивой белоснежной улыбкой. – Ведь жизнь прекрасна.

– Ты уверен? – сомневалась я, с тяжелым вздохом взглянув на свои черные ногти, а потом на окно, в котором блеснул луч солнца.

– Абсолютно! – твердо заявил он. Пристально посмотрел мне в глаза и кончиками пальцев нежно погладил по щеке. – Лучшего выбора я бы никогда не сделал. Даже в другом мире нашел свою единственную... половинку души! Оли, душа моя, ты согреваешь меня каждым взглядом, каждым вздохом...

Смутившись, я попыталась опустить лицо. Но Хейго обеими ладонями обхватил мою голову и с жадностью приник к губам. Неожиданно для

самой себя я отдалась его порыву с удовольствием, словно пока мы были в окружении спутников и предстояло выполнить миссию под стать подвигу, было нельзя, а теперь – можно. Поцелуй кружил голову, туманил разум, проникал в душу, дарил непередаваемо приятные ощущения, мурашками разбегавшиеся по телу. Кажется, я забыла дышать, поэтому невольно открыла глаза и уперлась взглядом в переносицу Хейго – как раз в этот момент с его брови мне на скулу упала черная капля.

Вскрикнув, я неосознанно отшатнулась. Он разочарованно поморщился, облизнулся, с жадным интересом разглядывая мои губы, а затем обиженно посмотрел мне в глаза:

– Что не так?

Упершись ему в грудь руками, я всхлипнула:

– Не понимаю я... ведь когда ты перестал быть элементом... – Увидев, что Хейго хочет меня остановить, поспешила заверить: – Да помню, помню! Ты по-прежнему элементаль. Но ведь до этого ужасного слияния ты был почти нормальным. Как... живой... человек.

За дверью кто-то из женщин расхохотался, и слышалась мне в этом хохоте «шпилька» всемогущим риирским магам.

– Я и так живой, – повторил Хейго. Ну прямо как маленькая, в самом деле. – Но я не человек и никогда им не стану.

– Но ведь раньше с тебя ничего не капало... и по мне не бегало!

Я нервно глянула на свою руку: увы, ногти черные и «гады» ползают как ни в чем не бывало. Только невероятным усилием воли снова не начала избавляться от них, но все равно непроизвольно передернулась.

– Оли, родная моя, единственная...

– ...малышка моя...

– ...любимая... – доносились подсказки из-за двери, только теперь от советчиков мужского пола.

Неожиданно страх уступил место раздражению и злости. И хотелось мне этого невидимого умника убить. Прямо сейчас. Срочно. Я поймала взгляд Хейго: в голубых глазах искрились лед и отражение моего желания.

Заметив, что я слежу за ним, «живой элементаль» глубоко вздохнул, разжал кулаки и вымученно улыбнулся уголками рта. Затем, придвинувшись ближе, прошелестел:

– Ягодка, раньше моя Тьма не знала, насколько ты горячая, вкусная... моя, а теперь ее невозможно удержать под контролем, в узде. Мой элементаль стремится любыми путями добраться до тебя, коснуться, проникнуть тебе под кожу и согреться, насладиться тобой. Я понимаю, что это проявление сущности темных... для вас пугающее, может быть даже...

отталкивающее, но суть не изменить. Мы такие, какие есть.

– А я?

Подняла руку и загнула палец, с кончика которого прямо в центр моей ладони нырнула «змейка».

Хейго снова вздохнул, взял мою руку в ладони, зачем-то слегка потер, разогревая кожу, а после признался:

– У нас все только началось. Моя Тьма устраивается, обосновывается. Со временем, возможно, она станет менее заметной, прекратит, как ты сказала, бегать. Если, конечно, нервничать не будешь или испытывать сильных чувств...

– В общем, рассчитывать, что она успокоится и перестанет вылезать наружу, не стоит! – удрученно констатировала я.

– Вероятно, – осторожно согласился Хейго, заглядывая мне в глаза. – Вы, люди, такие эмоциональные...

– А вы? – не осталась в долгу я.

– Мы стараемся быть похожими на вас. Хотя немного, как получается. Чтобы создать вам привычную среду, примирить с другими нашими особенностями, – спокойно, почти невозмутимо ответил Хейго.

Похоже, они не всегда показывают свой «веселый» нрав. И задумалась: может, все это напускное?

– Оли, полностью раскрываемся мы только в кругу своих и семьи, не придумывай лишнего, тем более плохого, – попросил Хейго, видимо, уловив отражение мыслей на моем лице.

– Но и я не рирец, – пряча глаза и безуспешно пытаюсь отодвинуться, начала объяснять я. – Мой статус пока непонятен даже мне, что говорить про других людей. Я... я так не могу. Я принцесса, пусть и проклятая, из уже не существующего королевства, но у меня еще осталась честь. Честь рода Малина и...

Мое сопротивление Хейго смел легко и уже как-то привычно. Прижал к груди и выдохнул:

– Какие же вы похожие... – Я опять уперлась ему в грудь руками, собираясь возмутиться совершенно неуместными сравнениями, но не успела. Он с гордостью заверил: – Зато я уже в курсе, что последует и как предупредить проблемы...

– Только почему-то не учишься на чужих ошибках! – прозвучал из-за двери звонкий голос блондинки. – Леди Оливия, скорее всего, им нравится повторять друг за другом одни и те же ошибки. Раз за разом наступать на одни и те же грабли.

Я заинтересовалась этой явно неглупой и обладающей чувством

юмора особой, она мне даже нравится начала.

– Тьяна!

Незнакомый мужской шелестящий голос призвал сочувствующую мне женщину к порядку.

Хотя, вспомнив, что это та самая Тьяна, которая учила риирцев, как со мной следует себя вести, я немного разочаровалась в ней.

– Да, любимый?! – пропела она излишне громко и язвительно. – Подожди малость, сейчас твой друг наконец сообщит третьей подданной Риира самое главное: ее свадьба не за горами. Как только найдут жреца Богини Любви и Брака, который согласится провести обряд темного с человеком, проведем церемонию. И станет она настоящей супругой по человеческим законам, сохранив честь. Мы с Лилией тоже через это прошли, а вы знаете, как женщины трепетно относятся к брачным клятвам. И что брачная ночь у них...

– Я сам ей все расскажу!

Хейго громко и яростно прекратил откровения, на его взгляд, чересчур разговарившейся женщины.

– Свадьба? – потрясенно выдохнула я. – Но мы даже не помолвлены.

Хейго мрачно кивнул, но, посмотрев на меня, быстро сменил выражение лица и заверил:

– Элементали собирают любой опыт, и кто бы о чем ни говорил за дверью, – повысил он голос, – учатся не только на своих ошибках! И предвосхищают события. Так вот, после того как найдем королевскую сокровищницу, думаю, там отыщется и приемлемое кольцо. Я сразу сделаю тебе официальное предложение по законам вашего мира и твоего королевства. Мы готовы идти человеческим парам и законам навстречу. Но это все равно не отменяет свершившегося события, что ты – моя, а я – твой. Для любого риирца мы – законная пара. До самой смерти и...

– Нашу семейную сокровищницу? Ты собрался дарить мне взятое оттуда обручальное кольцо? Которое и так мое?

Я негодовала.

– Нашу сокровищницу! – выделил он первое слово. – Поскольку дворец, земли и прочее теперь составляют казну Риира. Да и соблюдение традиции обмена кольцами – это...

– Эта традиция существует испокон веков! – обиженно возразила я.

А ведь и правда, все в замке принадлежит темным. Даже одежда погибших сестры и матери, которую надели те женщины, первые подданные Риира.

– Прости, тебе снова больно, – прошелестел Хейго у меня над ухом.

Вероятно, чтобы никто из любопытствующих «гостей», продолжавших топтаться за дверью, не услышал.

– Ты прав, моего здесь больше ничего нет, – мотнула я головой, пряча повлажневшие глаза. – Просто я все время забываю об этом.

– Лично нам не нужны драгоценности и ваши деньги, – спокойно пояснил Хейго. – Любое кольцо спадет, стоит начать перемещение или перейти в форму элементаля. А деньги необходимы для обустройства дома для наших половинок. Чтобы наши семьи жили достойно, комфортно. Поверь, все, что хранится в твоём королевстве, пойдет на пользу и тебе, и твоему народу, если кто-то из бывших жителей решит вернуться в свои дома.

– И вы позволите?

Я устала удивляться, но эта новость приятно удивила.

– Любой, кто принесет клятву верности Риiru, сможет поселиться у нас. Земли много, она не должна оставаться бесхозной, а нас очень мало. Большие города нам тоже без надобности, но если они будут нужны людям...

– Я поняла, – улыбнулась от всей души. – И готова помогать вам восстанавливать Цве... Риir всеми силами. Покажу все секреты замка и опорных крепостей на границах моих... наших земель.

Хейго обнял меня крепче прежнего и довольно прошелестел:

– Маленькая моя...

Я невольно закатила глаза, услышав сомнительный комплимент, хмыкнула и неожиданно даже для себя высказала пожелание:

– «Моя Ягодка» у тебя душевнее выходит.

За дверью раздался громогласный хохот, причем смеялись и мужчины, и женщины. Все, точно закопаю... живьем!

Глава 17

Знакомства. Хорошие известия

Хейго посмотрел на комод, преградивший нам выход из купальни, хмыкнул весело и легко отодвинул, будто тот ничего не весил. Затем в шаге от двери придержал меня, положив руки на талию, прижал спиной к своей груди и неожиданно предложил:

– Оли, хочешь, я покажу тебе свою Тьму?

– Тьму? – удивилась я странному, пугающему предложению, невольно наслаждаясь теплом приникшего ко мне мужчины и его искушающе шелестевшим голосом.

– Нет! – Тьяна продолжала печься обо мне из-за двери. Немного помолчала и добавила раздраженно: – Ну вы точно не хотите учиться на чужих ошибках! Она не готова, а ты...

Только я собралась отвертеться от любых показов возможностей магии темных хотя бы на сегодня, тем более вчера насмотрелась и с утра успела... Одни шнырявшие «змейки» чего стоили! Но, слушая доводы по большому счету посторонней дамочки, припомнив, что та еще и не самые мудрые советы темным давала по «обращению» с принцессой, вопреки здравому смыслу, пошла наперекор:

– Хочу!

Несколько мгновений тишины – а потом с той стороны раздался мужской смех, не лишенный ехидства. Кажется, над чересчур старательной советчицей. Но задуматься о последствиях своего скоропалительного решения не успела – вокруг меня закрутился знакомый до обморока и нервной дрожи черный вихрь перехода. Заорать, представив непереносимую боль и неминуемое развоплощение, тоже не успела – в следующее мгновение окунулась в легкую прохладу, которая волной мурашек пробежалась по коже.

И очутилась в своей гостиной, по-рыбьи хватая ртом воздух в тающей вокруг нас серой дымке, привалившись к крепкому мужскому телу, заботливо поддерживаемая такими же крепкими руками. Спустя несколько ударов сердца убедившись, что цела, похлопав себя по груди, я прохрипела:

– Что это было?

На ногах я стояла благодаря надежным объятиям устроившего это перемещение темного мага.

– А я предупреждала! – взяла реванш блондинка, приближаясь к нам со второй женщиной в сопровождении двух мужчин в таких же, как на Хейго, куртке и штанах.

– Слияние и обмен Тьмой и теплом позволяют переносить свою половинку, не развоплощая. В буквальном смысле протаскивать сквозь Тьму. Энергии, конечно, тратится больше, но зато мы абсолютно едины, даже в момент перехода из одной формы в другую. Это особенно важно в опасной ситуации. Теперь я смогу сразу спрятать тебя в своей Тьме от чего угодно! – довольно объяснил Хейго.

Неожиданно в разговор вступила брюнетка:

– Мне кажется, риирцы специально используют несколько... рассеянное состояние своих половинок, чтобы показать все свои... сюрпризы. Сразу берут в оборот! – Я поняла, что это Лилия, – лицом типичная южанка, да и говорит мягко, с характерным акцентом. – Признаться, сама бы неизвестно когда решилась воспользоваться риирским способом перемещения. А теперь передо мной весь мир как на ладони. Можно столько посмотреть...

– У них в рукаве столько сюрпризов, что, если все сразу увидеть, можно умереть от удивления! – незлобиво проворчала Тьяна, поглаживая свой выдающийся животик.

– Лары, я, пожалуй, присяду, – наконец-то у меня прорезался голос. – Так удивляться легче будет.

Хейго посадил меня в любимое кресло с высокой спинкой, резными ножками и удобными подлокотниками, где я смогла перевести дух, но голова продолжала кружиться. От голода, скорее всего, – последний раз я ела вчера утром. А сил потратила немерено, с учетом треволнений.

Лилия смерила встревоженным взглядом меня и строгим – Хейго. Затем мы с ним посмотрели друг на друга: я – устало, а он – виновато. И сразу серую нить послал куда-то за пределы гостиной. Наверное, раздавать указания. Затем, подхватив с подлокотника мою руку и переплетя наши пальцы, Хейго участливо прошелестел:

– Вам накроют на стол здесь, в наших покоях, а потом ты сможешь отдохнуть.

– Жаль, нельзя принять ванну, – вздохнула я уныло. – Уже забыла, какое это наслаждение.

– Трубы разморожены, если только принести снега и растопить, – неуверенно предложил мой, кажется, супруг.

Как же сложно осознавать свой новый, непривычный статус.

– Лучше переместиться в Рияр и помыться там, – поморщилась Тьяна,

сняв сюртук и усаживаясь в соседнее кресло.

Наконец я смогла рассмотреть всю компанию, принимавшую во мне живое участие и не спешившую нас покидать. С женщинами между делом я успела словом перемолвиться. И кое-что узнала о них по рассказам спутников в походе. А вот двое мужчин весьма примечательной наружности захватили мое внимание.

Высоченный, огромный блондин встал за креслом золотоволосой Тьяны, скрестив на широченной груди мощные руки. Я мгновенно поняла, ощутила, что они единое целое, даже воспринимаются как один... человек. И едва не во все глаза уставилась на этого выдающегося здоровяка в одинаковой у всех троих «женатых» риирцев черной, свободно облегающей одежде. Лишенной каких-либо изысков, но тем не менее придающей им весьма устрашающий и значительный вид.

Большие и яркие голубые глаза этого светлого гиганта, помимо других достоинств обладающего еще и примечательной лохматой шевелюрой, напоминали глаза Хейго. Возможно, я бы их даже перепутала, окажись оба в Тартусе в ипостаси «плащей». Круглое лицо с жестким упрямым подбородком и нос уточкой. В общем, типичный представитель северного народа, только очень большой. Воплощение мощи надальцев – приверженцев свободы, покорителей снежных скалистых гор и бурных морей, почитателей Бога Ветров.

Отметив мой интерес, Тьяна представилась:

– Меня зовут Тьяна Дар Риирская. А это мой супруг, Шейго Риирский.

– Принцесса Цветанская Оливия Малина, – улыбнулась я.

– Оливия Малина Риирская! – весело поправила Тьяна.

Вздохнув, я грустно подтвердила:

– Видимо, вы правы.

Мою ладонь Хейго тут же слегка сжал чуть больше, нежели в утешение, таким собственническим, утверждающим свое право жестом. Я пожала ему руку в ответ, мол, не возражаю, признаю, и перевела внимание на вторую пару.

Поскольку Лилию я успела рассмотреть в самом начале «знакомства», ее супруг интересовал меня больше. Этот инициированный риирец оказался, наоборот, среднего роста, тоже широкоплечим, но скорее жилистым. Стройный, подвижный. Даже взгляд его темных, почти черных глаз напоминал лезвие клинка: острый, все подмечающий, жесткий. С такими же, как у своей половинки, черными гладкими волосами, коротко стриженными на висках и спускающимися почти до плеч с затылка. Типичный южанин: смуглый, скуластый, с плотно сжатыми тонкими

губами, раскосыми глазами. Причем более напоминает высокородного князя-землевладельца тех мест, воина, нежели простолюдина. Те преимущественно коренастого сложения.

Впрочем, Лилия, которую он обнимал за талию, тоже яркая представительница Юга. И тоже не из простых. Уверенная манера держаться вкупе с прямой осанкой, тонкими, как принято считать, благородными чертами лица, правильная речь, руки, не знавшие черной работы.

Любопытно: как же так совпало, что внешность иномирцев, доставшихся каждой из нас в супруги, оказалась схожей с привычной нам? Характерной для тех мест, откуда мы, женщины, родом?..

Следующей представилась Лилия, сбив меня с мысли:

– Меня зовут Лилия Марат Риирская, а это мой муж, Сайло Риирский. Я очень рада еще одной подруге... надеюсь.

– Особенно настоящей леди, коей я, простая купчиха в один бог знает каком поколении, не являюсь, – иронически проворковала Тьяна.

Действительно, фамилия Марат мне знакома. Это же древнейший княжеский род, славящийся на весь Эйр магами-материалистами, создающими оружие всех видов. Ого!

Бывшая княжна мягко улыбнулась и, укоризненно покачав головой, пояснила:

– Она меня уже год допекает нашими сословными различиями. Хотя купеческий род Дар из Надаля известен любому торговцу. – Потом посмотрела в сторону «простой купчихи»: – Половина торговых рядов и лавок Надаля, да и не только Надаля, находится под вашим влиянием. И многие платят Дарам кругленькие суммы за возможность работать там.

Какая непростая компания собралась здесь. И семейства этих женщин не только славятся, но и в добром здравии, в отличие от моего... Не успела расстроиться, как двери без стука распахнулись, отчего я, непроизвольно вздрогнув, вскочила, готовясь к нападению тварей. Каково же было мое удивление, когда в гостиную с огромным подносом в руках вошел Хал.

Мысленно я поморщилась: снова набившая оскомину похлебка «по-риирски». Потом уставилась на поднос, каких сроду во дворце не видала. Ах да, они же благодаря магии уже и саркофаг уменьшали, и меховой мешок увеличивали, а лишних рук блюда носить здесь нет.

Тьяна встрепенулась и, потирая ладошки, радостно сообщила:

– Я не знала, что вам, Оливия, понравится, какие у вас предпочтения, поэтому приготовила завтрак на свой, северный вкус.

– В любом случае ты готовишь безумно вкусно и что угодно!

Лилия улыбнулась и как-то характерно повела плечами. Чувствовалось, что между южанкой и северянкой, несмотря на сословные различия и обычаи их народов, сложились прекрасные, если не дружеские, то вполне добрососедские отношения. Еще бы, их всего двое среди ста пятидесяти пришельцев. Надо и мне попробовать влиться в эту маленькую, тесную, но, несомненно, приятную компанию. Тем более приглашали. Ведь мне здесь жить предстоит... до конца жизни.

Я опустила в кресло и смущенно призналась:

– Тьяна, я с удовольствием оценю ваши кулинарные способности и заранее уверена, что они выше всех похвал. В дороге было... не до разносолов.

Хал с Хейго одновременно хмыкнули.

– Признайся честно, Оливия, просто Свер не умеет готовить, – добавил мой риирец.

Дальше риирцы под руководством женщин довольно сноровисто и быстро, только шлейфы мелькали, накрыли на стол, предварительно застелив его скатертью и даже сервировав по правилам. Хорошо, что моя гостиная раньше использовалась еще и как малая столовая. Со столом на дюжину персон и буфетом с посудой. Каждый мужчина сел подле своей половинки в «человеческом» виде. А Хал завис «плащом» в паре шагов, с интересом следя за нами.

Стоило снять крышки с блюд, по комнате поплыл прямо-таки божественно вкусный аромат, от которого потекли слюнки. Я с жадностью вдохнула, наслаждаясь запахом Тьяниной кухни. На вкус блюдо оказалось выше всех похвал. Нежное, тушенное с овощами мясо, приправленное специями. Вроде бы ничего необычного, но оно буквально таяло во рту. Не чета вареву темных и, стоит признать, моей стряпне, в которой я не очень преуспела. Благодарно кивнула Тьяне. Она польщенно улыбнулась в ответ и приосанилась.

– В Рияре, крепости, в которой мы живем... жили до сего дня... в основном Тьяна готовила, – поделилась Лилия после того, как я утолила первый голод, отдав должное вкусной еде.

– С учетом реалий моей замужней жизни, пришлось научиться готовить, – усмехнулась она. – И незамедлительно, а то мы с Шейго умерли бы с голоду.

– Нет, радость моя, скорее бы замучили твоих родителей и свели с ума прислугу, наведываясь к ним на кухню ежедневно, – поправил ее белокурый гигант.

Услышав его голос, не заглушаемый дверью, я удивилась: этот звук не

на шелест похож, а больше напоминает недовольное ворчание ветра. Даже целого урагана, если громче заговорит. И снова мысль о схожести риирских половинок этих женщин с мужчинами их родины не дала покоя:

– Какое странное совпадение... Невероятно...

– Что именно невероятно? – чуть ближе подался к столу Хал.

На мои вопросы большей частью отвечал он. Кроме того, ему явно нравилось поучать.

Я пожала плечами:

– Думаю, не ошибусь, если скажу, что супруг Лилии, которая родом с юга, очень похож на уроженцев тех мест. Тьяна с севера, и Шейго похож на их Бога Ветров...

– Вот! – неожиданно весело указала Лилия пальцем подруге. – Мою догадку подтвердило третье лицо. Не заинтересованное! А ты отпиралась. Ну и запросы у тебя, Тьяна-а-а... Нескромные!

Мужчины рассмеялись; «божественного» вида риирец придвинулся к смутившейся супруге и с нежностью обнял ее за плечи.

– Я не совсем понимаю причину веселья, – всполошилась я, ожидая очередного подвоха.

Хейго улыбался, Хал облетел стол и, приблизившись ко мне, пояснил:

– На родителей наши дети похожи первые годы, до развоплощения. Обретя элементалю, мы утрачиваем внешние черты, потому что дальше развиваются сила и мощь, приобретаются опыт и знания. А вот встретив половинку, ощутив душевную связь, как называют это люди, элементаль обретает четкий образ. По сути, закрепляет внешность, которую проецирует на него или нее его избранник.

У меня стало сухо в горле.

– Вы хотите сказать, что... что...

– Что мы обрели те лица и тела, которыми вы, наши половинки, нас наделили. Примерили на нас внешность, которая нам бы подошла по вашему мнению. И была бы ближе всего, чтобы укрепить нашу связь.

– А чей облик мне достался? – настороженно поинтересовался Хейго, внимательно посмотрев на меня.

Остальные тоже заинтересованно подались ко мне.

Боги, какая промашка! Если бы я только знала об этой особенности риирцев! А тогда, в первые дни знакомства, я сочла, что голубоглазый командир нашего отряда походит на моего древнего предка – сильного духом, мужественного и бесстрашного. Но... но, если бы я знала о возможности выбрать внешность для своего мужа, я бы, наверное, выбрала другой облик. Был у нас при дворе редкостный красавчик, сын барона. По

статусу мне не положен, но красивы-ый...

Закусив губу, я задумалась, как бы дипломатичнее ответить, а то Хейго на глазах мрачнеет. Вон по лицу побежали змейки и опять «закапали» на мою руку. Ой-ой, уже «потекли»! Видно, муж решил основательно забраться мне под кожу, чтобы не сбежала, не отказалась.

— Когда я увидела тебя, ты напоминал моего легендарного предка, воина, Феодоса Малину. Храброго и сильного. Надежного сподвижника основателя Цветаны. К сожалению, Феодос не оставил после себя потомков, но именно он стоял у истоков Цветаны. Я с детства восхищалась его портретом, который, наверное, и сейчас висит в галерее...

Тьяна чуть не подпрыгнула и теперь указала на меня:

— Вот! Значит, не только я позволила себе нескромные желания!

Но перевести разговор в другое русло нам не позволил Хейго, потемневший, расстроенный, наверное:

— Значит у меня не то лицо, что ты хотела?

Хотела, не хотела... Мечты имеют свойство исполняться не совсем так, как мы мечтаем. Но боги даруют именно то, что нам истинно нужно. Я мотнула головой, улыбнулась виновато и, перехватив руку моего нареченного, сжала обеими ладонями. И, заглянув в его почерневшие глаза, которые почему-то совершенно не напугали, призналась:

— Твоя внешность для меня повод для гордости, восхищения и радости, что на моей родине останется хоть что-то еще дорогое сердцу. Как ты недавно говорил, я бы не смогла сделать лучшего выбора, даже если бы их было множество!

Тьяна всхлипнула от переизбытка чувств. Краем глаза я заметила, как потемнели глаза Хала. Кажется, он завидовал сородичу.

В этот момент за спиной раздался знакомый язвительный голос:

— Ты же Бог Ветра, Шейго, сде-елай мне ветер, покажи-и урага-ан, — передразнил он. — Учись, Тьяна, у Оливии мужу ласковые слова говорить.

— Когда же ты уймешься-то, Тьюго? — отмахнулась Тьяна, кажется, несколько не уязвленная.

Я с ней была заодно. Лилия сперва окинула Тьюго хмурым взглядом, а затем расхохоталась — по-видимому, соотнесла очередной выпад вредного элементаря с внешностью Шейго. Неужели эта молодая купчиха и правда думала, что темный, обретя желаемую внешность, превратится в бога?

Тьяна было насупилась, а потом, покраснев, призналась:

— Да! Нескромно! Но можно же и помечать о замужестве с Богом.

— Мне порой кажется, вряд ли они слабее, — вслух подумала я.

Риирцы приосанились, а я неожиданно вспомнила о том, что Хейго

вчера ранили. Встревоженно повернулась к нему и осторожно положила руку на место, где вчера видела рану. Поверх моей руки легла его широкая горячая ладонь, пожала и следом, склонившись ко мне, он ласково успокоил:

– После слияния и смены формы все сразу прошло, родная моя. Не бойся за меня.

Заглянув в его чистые, прозрачно-голубые глаза, призналась себе: «Да, от наших богов они недалеко ушли». И ошеломленно уставилась на Тьюго, доложившего:

– Дворец полностью свободен от белых. Защита перенастроена только на наследников Риира и их половинок. Оливия, мы надеемся, что завтра вы сможете принять участие в захоронении... по вашим традициям.

Я прижала ладони к горящим щекам, не веря своим ушам. Простила Тьюго все его выходки. Да я расцеловать его готова на радостях. Боги, как же долго я об этом мечтала. Мечтала вернуться домой и больше никогда, никогда не видеть белых и снега!

– Завтра же! – обещала я. – Завтра обязательно приступлю к своим обязанностям!

Тьяна виновато потупилась:

– Прости, но я не магичка и помочь вам смогу только на кухне.

– Я! – Лилия даже руку подняла, как примерная ученица. – Я маг-материалист. И смогу что-то исправить, восстановить...

– Пока вам придется возиться одним внутри дворца, все остальные заняты прочесыванием территории. Но вы под постоянным и неусыпным контролем не только половинок, но и любого из нас. Вы – наше будущее!

Я во все глаза смотрела на Хала: он словно в размерах увеличился. Черты его лица плыли, как обычно, но я ощущала его несокрушимую уверенность, стойкость, силу. Сейчас он больше не нудноватый наставник, а воин и командир.

– Три года с вами живу и никак не могу привыкнуть к быстрой смене облика, – неожиданно посетовала Тьяна, чем сняла напряжение торжественного момента, особенно после преображения Хала.

Все дружно улыбнулись и, наконец, продолжили завтракать.

Глава 18

Прогулка по замку. Женские истории

Завтрак, по моему скромному мнению, естественно, оставленному при себе, завершился до обидного быстро, по-походному. Но причина тому более чем важная: темным предстоит много дел. Впрочем, как и мне. Из всех присутствовавших только Хейго попрощался со мной: легонько коснулся моего лица в мимолетной ласке – и исчез в завихрении Тьмы вслед за остальными.

Я растеряннo огляделась: родные стены как-то сразу перестали быть надежными, когда за спиной не стоял мой риирец.

– Не волнуйтесь, леди Оливия, – улыбнулась Тьяна, откинувшись на спинку. – От этих любителей диких сюрпризов не спрятаться нигде. На личном опыте убедилась.

Лилия мягко усмехнулась. В отличие от подруги, она продолжала сидеть за столом с абсолютно ровной спиной, сложив руки на коленях. Мы бы с ней выглядели почти идеально – леди до кончиков ногтей, – если бы не моя одежда. Правила поведения в высокородных семьях прививались с пеленок и соблюдались подсознательно где бы то ни было.

– Дамы, предлагаю пройтись по нашему новому дому и обсудить, чем займемся в дальнейшем, – предложила Лилия, внимательно посмотрев мне в лицо. – Если вас, леди Оливия, не затруднит, разумеется.

Чувствовала я себя вполне сносно, плотно и необыкновенно вкусно позавтракав стараниями этих вполне милых, заботливых и дружески настроенных женщин, поэтому согласно кивнула и попросила:

– Леди, если вы никуда не спешите, сначала мне хотелось бы привести себя в порядок. А затем я с удовольствием пройду в вашей компании.

Обе окинули меня понимающими взглядами.

– До ужина я... мы совершенно свободны, – хихикнула Тьяна. – Можете ни в чем себе не отказывать.

Я буквально выпорхнула из-за стола, желая побыстрее сбросить словно приросшие ко мне штаны и рубашку с надорванным рукавом, пострадавшую в «схватке» с Тьмой. И простецкие вязаные носки – тоже. Нет, они теплые, конечно, но совершенно... В общем, тоже надоевшие. Ух, как я счастлива!

В гардеробной было еще прохладно и отдавало сыростью. Но разве это

может испортить настроение хорошо подкрепившейся магичке с полным резервом?! Тем более наконец-то добравшейся до своих платьев?

Я с огромным удовольствием отпустила частичку силы на волю. Через некоторое время моя одежда благоухала чистотой и свежестью вместе с толстым ковром и заблестевшим зеркалом. Поймала себя на том, что расплылась в широкой довольной улыбке: эх, красота!

По-хорошему надо бы поторапливаться: и дел предостаточно, и Лилия с Тяной ждут. Но я не могла себя заставить. Медленно, касаясь ладонью подолов, прошла вдоль рядов со множеством красивейших нарядов из шелка, бархата, шерсти... Будто перенеслась в далекие времена и собиралась на праздничную службу в Храм Богини Любви и Брака. Наконец я остановила выбор на платье из темно-зеленого бархата. На первый взгляд достаточно скромном, украшенном лишь черной вышивкой. Но, стоило его надеть, оно подчеркнуло достоинства моей фигуры: покатые плечи, высокую грудь, тонкую талию...

Едва я расправила мягкие, ласково льнувшие к рукам складки юбки, в гардеробную заглянула Лилия. Улыбаясь моему отражению, помогла застегнуть крючки на спине и справиться со шнуровкой. Затем словно мои мысли прочитала:

– Надо будет подумать о горничных.

– У меня есть одна толковая женщина на примете. Цветанка... бывшая, – вспомнила я. – В поход меня собирала и к темным особого неприятия не испытывала.

В дверях остановилась Тяна, сложив руки под грудью.

– Нам с вами придется о слишком многом подумать за короткий срок!

В ее голосе чувствовалось радостное предвкушение. Ей явно нравится происходящее здесь. И собственное участие в оживлении дворца, и новая обстановка, и знакомство со мной доставляют удовольствие. Я буквально кожей ощущала ее искреннее приятие и невольно сама заразилась огоньком «хозяйственного» задора, кажется, на самом деле отбросившего темноту неизвестности, согревшего и заставившего нечто спавшее в моей душе вспыхнуть, заиграть новыми красками.

Лилия предложила мне присесть и занялась моей прической. Ловко и бережно расчесала потрескивающую черную гриву, одобрительно покачивая головой, заплела в сложную, затейливую косу вокруг головы. Затем достала из шкатулки, на которую я указала, костяной гребень с изумрудами и закрепила кончик на виске.

Когда мы бежали отсюда, эту шкатулку со шпильками и гребнями я посчитала не стоящей внимания. Сейчас же, глядя, как яркий утренний

свет, проникающий сквозь высокие окна, играет на зеленых камешках, чуть не расплакалась. Эту «безделку» мне подарил дедушка... Римус Малина, разрушитель миров и главный виновник гибели Цветаны вместе с двумя соседними королевствами. Добрейший души человек. Вот так жизнь порой складывается.

Чтобы подруги не увидели мои заблестевшие глаза, быстро прошла к меховому ряду и, пока загоняла слезы обратно, выбрала короткий песцовый полушубок. Правда, не такой белоснежный, как походная шуба. К этому меху, спасавшему от лютого холода, у меня теперь особенная любовь.

За пределами моих покоев стало опять не до улыбок. В доме развелись сырость и затхлость, присущие заброшенному нетопленому жилью. Грязные полы пестрели лужами, вазы в нишах – бурыми потеками и погибшими букетами. Страшно подумать, что может твориться за пределами этого крыла.

– Не взывайте, леди Оливия, моих сил хватило только на уборку трех покоев и помощь Тяне на кухне, – посочувствовала Лилия, сразу увидев, что творится у меня на душе. – Моя житейская хватка оставляет желать лучшего, я неисправимый материалист...

Я признательно сложила руки на груди и благодарно улыбнулась:

– О нет, никаких извинений! Я все понимаю, в моем случае было бы то же самое. Сама сильная землянка, но «хозяйка»... Вы сделали гораздо больше, нежели я в подобной ситуации.

– Зато я и без магии прекрасная хозяйка, – весело похвалилась Тяня, мгновенно улучшив мое настроение необыкновенно милой, обаятельной улыбкой. – Все-то у меня получается! Можно сказать, горит в руках. Леди, со мной точно не пропадете!

Мы с Лилией легко и беззаботно расхохотались, глядя на... точно подругу. С Тяней – не соскучишься!

Затем я, будто по наитию, подошла к окну и выглянула наружу. Из крыла с королевскими покоями открывался вид на замковую стену и внутренний парк, по широким дорожкам которого мимо вазонов и фонтанов когда-то прогуливалась не только пешая и конная знать. Даже добропорядочный и нарядный простой люд приходил поглазеть на прекрасное творение магов-землян, архитекторов и обычных садовников. Вспомнила, как с другими юными розочками, моими фрейлинами и подругами, подглядывала отсюда за гарцующими на породистых скакунах молодыми аристократами...

А сейчас за окнами снег. Конечно, на следующий день зима не сменится весной. Тем не менее в коридорах ощутимо потеплело. Без

притока ледяной магии чужого мира природа возьмет свое. Я с силой дернула створки, чтобы распахнуть окно, раз, другой. Мучительный скрип промерзшего, неохотно поддающегося дерева – и в лицо ударил порыв ветра.

– Девочки, а ведь весной пахнет! – воскликнула Тьяна удивленно.

– Весной... – у меня от волнения перехватило горло.

Она права, за окном еще достаточно холодно, но уже не лютый мороз. Неповторимое ощущение весны витает в воздухе. Со дня на день начнет таять снег и ручьями потечет в реки, а те принесут его в море... И хочется кричать на весь мир: «Весна! Весна пришла!»

Я закусила губу, чтобы не расплакаться от счастья. Скоро! Совсем скоро я смогу выполнить обещание и добраться до розанов отца и сестры. А чуть позднее расскажу на могиле матери и ей чудесные новости: Цветана теперь свободна. И оживает! И пусть по-другому называется, но земле все равно, как ее называют. Ведь главное, что она снова будет наполнена магией жизни.

Еще раз вдохнув бодрящего, неповторимо сладкого воздуха родины, я захлопнула створки, и мы втроем неспешно направились дальше по широкому коридору. Когда-то попасть в эту часть дворца могли только избранные, наиболее близкие к трону и королевской семье люди, либо вышколенная, проверенная прислуга. А что будет теперь?

Вот и покои Александры, точь-в-точь похожие на мои расположением комнат, но убранство в них более строгое и в тонах королевского флага. Алекс была моей полной противоположностью.

– Мы с Сайло заняли эти покои для своей семьи, – почтительно предупредила Лилия.

– А мы с моим «богом ветров» мелочиться не стали и заняли королевские! – Тьяна улыбалась, но, по глазам обеих, – наверное, в душе понимающих, что я сравниваю их с самозванками-захватчицами, – видно, что они ждут от меня возмущения, гнева, обиды.

Мне было больно смотреть на высокие, стрельчатые, темного мореного дуба двери, ведущие в родительские покои. И в то же время я понимала, что так надо, как бы ни было тяжело и обидно. Наконец я процедила сквозь зубы:

– Леди, вы же из богатых семей... Зачем вы взяли одежду моей... мертвых?

Обе тяжело вздохнули, затем переглянулись. Отвечать досталось Лилии:

– Мы понимаем, что вы сейчас чувствуете...

Отметив мой внутренний протест, Тьяна взяла меня за руку, слегка сжала, успокаивая, поддерживая. Останавливая.

– Поверьте, понимаем!

А я не могла оторвать взгляд от дверей, за которыми... была ребенком. Это ни с чем не сравнимые воспоминания.

– Нам самим было крайне неловко, когда пришлось надевать одежду твоей матери и сестры, – поделилась Лилия. – Знаете, как ни странно это звучит, вам тоже придется иногда... заимствовать одежду. – Поймав мой ошарашенный взгляд, она с грустной улыбкой подтвердила: – Да, это еще один сюрприз от темных.

– За возможность переместиться куда угодно со своим риирцем нам всем придется терпеть неудобства, – поторопила обстоятельно пояснявшую суть дела подругу Тьяна.

Но Лилия жестом предложила ей помолчать и продолжила:

– Понимаете, леди Оливия, в момент перемещения Тьма оставляет на нас только ту одежду, которая прилегает к телу плотно, все остальное развоплощается. Тьма – дама голодная и всеядная. Поэтому темными риирскими порталами невозможно перенести и нашу поклажу, и еду. Или...

– Все ясно, леди, простите, что невольно оскорбила вас, – понурилась я.

– Не переживайте, леди Оливия. После инициации вы сутки пролежали, приходя в себя и сродняясь с Тьмой Хейго, и не знали, что мы готовили, убирали. А одежда, что была на нас, увы, испачкалась. Пришлось одалживаться у...

– Сколько? – воскликнула я. – Сутки?

Подруги одновременно, что называется, язык прикусили, и выражение лица у обеих стало... как у розочек. Секретничавших, секретничавших и случайно проболтавшихся. Очень забавно мои новые подруги выглядели: немного виновато, чуть-чуть хитро, а в глазах сверкали веселые смешинки.

– Тьма такая... не только голодная и холодная, но еще и... – Я сжала потемневшие кулаки и в сердцах выпалила: – Я... он... мог хотя бы предупредить! А я... а он... ну я ему...

Лилия покачала головой, иронично улыбаясь:

– Не выйдет, перед темными мы бессильны. Я согласна с надальцами: на риирце где сел, так и все, обоз дальше не идет. Приехали!

Припомнив свой счет вопросов и непонятностей, что накопился к Хейго, тоже усмехнулась, признавая мнение больше знающей о темных Лилии.

Только Тьяна хотела что-то сказать – у нее за спиной закрутился

черный вихрь, из которого вышел Шейго, быстро меняя форму. Приник к своей половинке, заключив в объятия, и положил огромные ладони ей на животик. Немного постоял, словно прислушивался и, довольно вздохнув у нее над макушкой, спросил:

– У тебя все хорошо? Не голодная? Не устала?

– Ума не приложу, как можно за то время, что ты дал мне погулять на свободе, успеть проголодаться. И устать тоже!

Ее делано раздраженный тон никак не вязался с довольными, мурчащими нотками и улыбкой счастливой замужней женщины.

– Что бы ни случилось, только подумайте о нас – и мы здесь, – пророкотал Шейго, напоминая стихающий ураган, и исчез так же, как появился.

Никак не привыкну к их манере, если так можно сказать, не стучаться в двери!

– Как вы познакомились? – любопытствовала я. – Ой, простите, наверное, это не вполне приличный вопрос, мы же мало знакомы.

Тьяна усмехнулась, пожав плечами:

– Заодно и узнаем друг друга лучше. Так вот, в Надале началась грызня за жирный кусок пирога. Кое-кто решил, что слишком большая его часть попала в руки одной семьи. Видать, спать не давала. Меня похитили, а так как каждый мелкий делец зависит от Даров и знает нрав моих родственников... В общем, ночью меня увезли за город и только тогда выставили отцу и братьям условия.

– Какой ужас! – ахнула я и прижала ладонь к губам.

– Да, пока меня, связанную, везли, словно товар, запихнув в повозку со свиньями, тоже думала: какой кошмар! Потом в лесной избушке бросили подышать свежим воздухом. Я тоже ужасалась, знаете ли. А ночью смогла сбежать. Изо всех сил вертелась, чтобы веревки ослабли, а потом напоролась на обломок лопаты и перепилила путы.

– Боги, да вы такое приключение пережили...

История Тьяны увлекла меня подобно книге, а Лилия только снисходительно улыбалась.

– Ой, какое там приключение! – махнула рукой северянка. – Вот когда я в лесу заблудилась, а по пятам стая волков неслась, опережая горенаемников, тогда действительно начался ужас. Но все прежние страхи исчезли, когда между мной и волками появился огромный, черный, говорящий... плащ. На смерть похожий, да при свете полной луны...

– Полный ужа-а-а-с... – как торговка на базаре протянула я, забыв о манерах и живо вообразив эту картину.

Лилия начала посмеиваться.

– Ну вот, представляете, каково: вытаращились мы с волками на это диво дивное – плащ говорящий, на смерть похожий, – а оно сверкнуло глазами голубыми и низким мужским голосом заговорило: «За тобой не угнаться!»

Тьяна тоже понизила голос, и так у нее это потешно получилось, что мы с южанкой расхохотались до слез.

– Честно признаться, это сейчас смешно, а тогда я в обморок упала. Впервые в жизни. Очнулась, сидя на дереве... высоко-о-о... До икоты нервической! И ко всему прочему меня к своему боку сама смерть прижимает... нежно так... и тяжело вздыхает. Дальше по-мужески басит: «Я смотрю, ты не только со мной в догонялки играешь...» Я вниз глянула – а там наемники рыщут. «Смерть» опять тяжело вздыхает и спрашивает: «Это свои? Или уже лишние и ненужные?» Ладно, думаю, помирать, так в компании с похитителями. И ответила: «Вы правы, уважаемая... мый, эти точно лишние и, в общем-то, уже ненужные».

– Тьяна, ты невероятная! – заливалась Лилия.

А наша героиня, скромно потупив глазки, продолжила с большим воодушевлением:

– «Говорящий плащ» бросил меня на дереве, а сам слетел вниз и до смерти напугал моих похитителей. А потом так ловко, да так нежно, тиская за все выпуклости, спустил меня на землю. И напросился в провожатые до дома. Водил он меня по этому лесу недели две, поросенок, пока я на радостях, что спаслась, не влюбилась в него, как кошка, хотя про себя догадывалась, что пути-то нам дня три от силы.

– Просто голос у него был божественным, да? – прорыдала от смеха Лилия.

Тьяна смутилась, пожала плечиками:

– Не зря ж у меня родовое имя Дар. Такие подарки нужно дарить только самым-самым, на богов или смерть похожих, которых любой враг до икоты испугается.

– Батюшка твой, сдается, тоже так подумал, раз разрешение на брак с единственной дочерью быстро дал, – сделала вывод южанка, вытирая слезы. – Уморила. Как представляю тебя... Лесная Дева с Богом Ветров трясется на дереве.

– Надальцы из рода Дар свою выгоду всегда видят, – наставительно подняла палец вверх Тьяна.

Мы постояли немного, успокаиваясь после занятой истории, которой купчиха-северянка поделилась с присутщим ей даром рассказчицы.

Несомненно, сильно приукрашенной, потому что натерпелась она тогда... Но благодаря, надеюсь, доброму и покладистому нраву, теперь и сама воспринимает случившееся с большой долей шуток. И нас не пугает.

А потом мой взгляд невольно вернулся к дверям родительских покоев.

– Тьяна первая прошла инициацию, – тихо сказала Лилия, но голос ее звучал твердо и торжественно. – Именно благодаря ей риирцы обрели надежду на будущее, и мы нашли половинки, нашли своих мужчин. Нет ничего в этом мире, на что бы я променяла Сайло.

– Да, конечно, понимаю, – спокойно кивнула я.

– Оливия, память и любовь к родным живет в сердце. Мы, наши семьи и дети, подарят твоему старому дому тепло, жизнь, любовь. Без которых это, – Лилия обвела вокруг рукой, – только камни. Мы не дадим сгинуть памяти о Цветане. Наши семьи и те, кто сюда придет со своими половинками. Просто помни, что именно мы дали надежду целому народу на новую жизнь. Риир спас Эйр от гибели, а теперь мы должны помочь ему возродиться.

Я слушала вдохновенный голос южанки и проникалась ее словами, пока не вмешалась деятельная северянка с житейским подходом:

– Мы здесь первые, поэтому и займем родные тебе покои, обиходим твой дом, землю, сделаем так, что прежних хозяев не забудут, перестанут проклинать. Ведь каждый житель, приезжая сюда, будет видеть и знать: вся красота вокруг – дело рук цветанцев. Ты сможешь очистить имя своего рода...

– Спасибо! – Я не выдержала и заплакала от переизбытка эмоций. – Вы правы, спасибо вам за эти слова и поддержку.

Тьяна и Лилия обняли меня с двух сторон, даря утешение. И все же северянка, будучи достойной купеческой дочерью, добавила:

– А всех остальных пока будем селить в другие крылья и на другие этажи. Учитывая, что скоро сынок у нас с Шейго появится и семьи по закону должны быть большие...

Услышав очередную новость, довольно странную, я вспомнила одно шумное, неугомонное и отчасти буйное семейство, жившее неподалеку от моего дармашского поместья. Мне так и не удалось посчитать, сколько у них детей, а спрашивать было неудобно.

Я отстранилась от подруг и переспросила:

– В каком смысле – должны быть большими? Именно должны? И по закону?

Северянка снова хлопала глазами, словно не к месту проболталась, а заговорила Лилия:

– Ох, прости, что сразу столько новостей на тебя свалилось, но днем раньше, неделей позже... Уже не важно. Совет нового Риира постановил, что для восстановления численности «исконного» населения, необходимо минимум по три потомка от каждой семьи. Это обязательное количество... детей для каждой пары, в которой половинка – риирец. Больше – пожалуйста, меньше – нельзя. Но это только для темных, людям – как захочется...

– А кто у нас Совет возглавляет? – ровно спросила я, на самом деле желая пойти и закопать законодателя.

Ставить условием количество детей... это чушь! Как говорят в Дармаше, бред сивой кобылы. Тем более я плохо (надеюсь, пока) представляю, как хотя бы одного завести. И возможно, мой муж тоже не осведомлен, что озадачило меня не на шутку. Вдруг он не ходил в те самые дома свиданий? Или ходил, но просто грелся, как со мной. Боги, что мы тогда делать будем... в постели? И часто обсуждаемых в будуарах придворных дам загадочных бугров в области паха у Хейго не заметила, когда он меня касался. Может, и не желает как женщину вовсе? Ох, как же быть? У кого спросить? Невольно посмотрела на живот Тяны, уж она-то точно знает о постельных отношениях с риирцами. Она показалась женщиной не лицемерной и не чопорной, но завести разговор на слишком будуарную тему... Нет! Я даже потупилась от стыда!

Пока я лихорадочно соображала, каким образом следовать букве риирского закона о количестве детей, Лилия ответила на мой вопрос:

– Иерархия у риирцев не такая, как у людей. У них чем элементарнее, тем более развиты защитные качества. Хала, ты с ним знакома, оставили судией, но обет безбрачия сняли, по понятной причине. У него нрав спокойный, выдержанный, посему продолжит хранить истину и справедливость, как сказал Сайло.

– Да, Хал похож на терпеливого учителя, – признала я, улыбнувшись своим ощущениям от бесед с ним.

– Десять риирцев вошли в Совет. Наши мужчины, как одни из самых сильных и удачливых, тоже. Из тех, с кем ты шла сюда, еще Кайго, он неразговорчивый, но самый ответственный хранитель порядка.

– Я заметила в походе, – и тут признала очевидное.

Лилия продолжала:

– Они долго совещались, занятие нашлось для каждого из ста пятидесяти. Дел впереди много, сейчас любой риирец занят под завязки капюшона.

– Почему они все время в черном ходят? Одинаковым? – не сдержала я

любопытства, пока Лилия переводила дух.

Подруги переглянулись и звонко рассмеялись, затем наперебой принялись рассказывать:

– Леди Оливия, вы повторяете вопрос каждой из нас!

– Пора бы нам завести общий учебник по риирцам, чтобы не рассказывать одно и то же каждой новой половинке, а просто давать читать.

– А одежда... ну, эта черная одежда останется на них до гробовой доски.

– Не совсем понимаю вас, – опешила я.

– Одежда риирцев «пошита» их же Тьмой, – терпеливо объясняла Лилия. – Они могут, конечно, забавы ради, надеть поверх что-то иное, но стоит сменить форму – и все, голодная дама скушала. Поэтому носят только свое, вечное и бессменное, черное одеяние.

– Всегда? – уныло уточнила я.

– Всегда! – хихикнула Тьяна, тут же добавив: – Не печалься, модница, здесь есть и хорошее зерно. Все деньги я могу тратить на свои наряды!

– А деньги откуда? – спросила я, потом поморщилась. – Ой, забыла, теперь казна Цветаны принадлежит Рииру...

– Нет, леди Оливия, если бы я ждала, когда мой муж доберется до казны Цветаны, была бы разутой и раздетой! – категорично заявила северянка.

– То есть...

– Мы встретились с Шейго прямо перед появлением белых, чтоб им ни дна ни ржавой медной крышки, – ответила она. – Мой батюшка не был счастлив новостью о замужестве любимой доченьки с нищим иномирцем. Если риирцам можно питаться, как они путано изъясняются, энергетическими потоками, то мне, простой купчихе, нужны еда и одежда. И дом, и много чего еще.

– Очень много! – с ехидцей подтвердила Лилия. – Даже слишком.

– В общем, риирцы с моим отцом, Даром-старшим, быстро смекнувшим, как найти применение их способностям, начали весьма прибыльное дело, – нисколько не обидевшись на подругу, похвалилась Тьяна и не без гордости добавила: – Теперь я занимаюсь не только стряпней, но и заказами со всего Эйра, что поступают на наши темные услуги.

Услышав о «темных услугах», я заподозрила страшное, даже Тьма по пальцам поползла.

– Нет, леди Оливия! – Тьяна поспешила отместить мои подозрения. – Речь идет не о гильдии наемных убийц или воров. А вот Орден

телохранителей – почему бы и нет? И вообще, заказы бывают самые разные.

Между прочим, недавно к нам обратились не кто-нибудь, а сами жрецы Бога Смерти из Южной Мораны. Нашли там старое капище и несколько артефактов. Королевские некроманты-дознаватели прибрали их себе и надеются, что риирцы помогут с распознаванием. Люди-то боятся активировать незнакомый артефакт, мало ли что случится.

– Я и не знала, что риирцы настолько успешно и к общей выгоде соседствуют с людьми, – приятно удивилась я. – В наших землях о них почти не слышали.

– Потому что свое поселение, которое назвали, как прежнюю столицу, Рияр, темные основали в непроходимых горах, ближе к Надалю. Это довольно далеко, на севере, – пояснила Тьяна. – А к южным они вышли через наши связи. Вот так Сайло и познакомился с красавицей-княжной. – Казначейша темных телохранителей хитро посмотрела на Лилию. – Во время одного из заказов по охране... тела. А уж Сайло так пристрастился к ее охране и тесному общению, что они, сердечные, не заметили, как... инициировались.

Героиня этой истории покраснела до корней волос. А Тьяна полностью выдала ее:

– Тьмы она не испугалась, а вот когда черные змейки по ней побежали, вот тогда мы ее, как и вас, Оливия, ловили всей толпой.

– Зато весело живем, – заступилась я за нас с Лилией.

Подруги со мной согласились, и мы продолжили осматривать жилое крыло, обсуждая перечень дел и намечая, чем заняться прежде всего.

Глава 19

Неожиданное наследство. Помолвка

Утро! Раннее-ранее, розовым светом проникающее в окна и медленно подбирающееся по мягким коврам к кровати. Открыв глаза, я невольно увлеклась игрой света в моей чистенькой и посвежевшей спальне, прогретой и радующей глаз привычным уютом и комфортом. Смотрела, как невесомые пылинки кружатся в солнечном лучике, опасаясь даже малейшим движением нарушить сладкие, драгоценные мгновения покоя и неги.

Давненько я не просыпалась, как в детстве и юности, с ощущением, что пришел новый день – и все будет хорошо. Когда хочется обнять весь мир, хочется петь!

Как же приятно лежать в мягкой большой кровати, на пышной подушке, подложив под щеку ладонь, а вторую – поверх пухового одеяла в белом тонком пододеяльнике, вышитом родовыми вензелями, искусно вплетенными в растительный узор лучшей королевской белолшвейкой, – роскошь, уже довольно подзабытая за годы жизни в Дармаше.

Перед сном я подбросила поленьев в топку и легла спать в «зимней», любимой когда-то ночной рубашке до пят, в кружевах на груди и розовых цветочках. И теперь, кажется, всей кожей впитывала ощущение теплого мягкого счастья. Как же много вокруг удивительных и в то же время обыденных вещей, приятных до странного щекотного трепета в душе, которые начинаешь ценить слишком поздно. Но лучше поздно, чем никогда – эту истину я усвоила на всю оставшуюся жизнь.

На душе и вокруг царили покой и умиротворение, поэтому можно было спокойно рассматривать свои руки. Пошевелила пальцами, поднесла к глазам – Тьма тоже «дремала», ощущаясь лишь благостным шлейфом и загадочным удовольствием. После целого дня «соседства» или тесного «проживания» – поди разберись! – страх перед ней исчез незаметно, словно снег растаял. И я лениво размышляла, каким образом она является частью Хейго и живет во мне. В общем, загадочная сущность эта Дама.

Я пошевелила пальцами, поднесла руку ближе к глазам, всматриваясь. Тьма представлялась едва заметным серым облачком, окутавшим пальцы. Видимо, ощущая мои сильные эмоции, она начинала концентрироваться и тоже «нервничать» – снова по телу. Это мне в самом начале знакомства с

Тьмой «привиделось», что она будто бы живая и похожа на змеек. В спокойном состоянии я пришла к мнению, что «ленточки» и «гады» – эманации Тьмы. Наверное, обделенный даром человек заметит лишь чуть более насыщенные тени, которые будут метаться по лицам половинок. И только маги, как и сама вчера, увидят черные снующие «ленточки».

Мысль порадовала безмерно. Не видят и не надо, это к лучшему. Нечего простой люд пугать, ведь он трудится на благо королевства. Другое дело – чародеи из высокородных фамилий и королевских династий. Хм-м-м, а вот те пусть лишний раз подумают, стоит ли точить на нас зуб.

Даже представила, как появлюсь в «темной наружности» перед королем Дармаша, внушая страх и уважение... Удовлетворившись картинкой, хихикнула – и настроение резко скакнуло вверх. Перевернувшись на спину и подняв руку, я полюбовалась на свои пальцы, как на дорогое украшение, которым можно похвастаться. Или напугать коварных обманщиков! Жаль, вчера к вечеру мужчины так и не появились, занимаясь зачисткой территорий, как они выразились.

– Я рад, что к моей Тьме ты быстро привыкла, – довольно прошелестел рядом голос моей половинки.

Обернувшись, я увидела знакомую картину: Хейго лежал, облокотившись на подушки, чуть скрытый тенью полога, в своей, как выяснилось, бессменной черной одежде и... обуви.

Отметив мой возмущенный взгляд, обращенный на его ботинки, он хмыкнул и через мгновение «разулся», затем пошевелил обнаженными пальцами ног и признал:

– Я забыл, что у людей находиться в обуви на кровати – дурной тон. Но хочу сразу заметить, что к моей Тьме ни одна соринка не прилипает. Если ты беспокоишься об испачканном белье.

Облизав губы, я кашлянула, а то горло пересохло и, отведя взгляд от обычных мужских ног, странно взволновавших меня, ответила:

– Да, по обыкновению мы не лезем в кровать в обуви или дорожной одежде... но... ты что делаешь?

Последний вопрос я выкрикнула, сорвавшись на писк, поскольку Хейго так же легко, как и от обуви, избавился от своей одежды. Все! И теперь лежал совершенно голый. И будь неладно неумное наследственное любопытство Малина, я успела разглядеть его полностью: сильные мускулистые руки, которые он заложил за голову, широкую безволосую грудь, рельефный, словно каменный живот, узкие бедра, мускулистые ноги воина. И то, что в паху, тоже рассмотрела, заливаясь жарким стыдливым румянцем. Хм-м-м, если судить по описаниям и замечаниям женщин, что

обращались ко мне за разными травками в Дармаше, да разговорам в будуарах, там все как у людей.

Я закрыла ладонями лицо и пробормотала:

– Бесстыдник! Разве можно так перед девушкой и в чужой спальне!
И...

Я услышала мягкий смех, затем Хейго настойчиво отвел мои руки от лица и прошелестел:

– Ягодка моя, не знал, что ты такая стыдливая, но ради тебя я штаны «надел», чтобы не смущать.

Уловив мой облегченный вздох, рассмеялся в голос и сгреб в охапку, прижимая к обнаженной груди.

– Оли, спальня эта наша, привыкай видеть меня всяким. Мы уже едины. Как только жреца сговорчивого найдем, так и свадьбу для тебя сыграем...

Хотела оттолкнуть Хейго, но не смогла. Наоборот, замерла, прижавшись щекой к его груди, ощущая жар его кожи и уже знакомый до малейших оттенков запах летнего луга. Расслабилась и опустила неловко растопыренные руки, а затем храбро положила ему на плечи. Сердце колотилось все быстрее – в объятиях полуобнаженного мужчины я оказалась впервые.

Между нами лишь ткань ночной рубашки, и я чувствую, как моя грудь слегка расплющивается о его. Происходящее между нами воспринимается особенно остро. Было чуть-чуть страшно, немного волнительно и одновременно возникло желание быть еще ближе, теснее. Опять облизнув губы, я нерешительно сжала руки на плечах Хейго, наслаждаясь его внутренней силой, мощью, что таится в этом теле. Мой мужчина, мой воин, моя половинка!

Хейго ладонью провел по моей талии, поднялся по спине, слегка надавливая указательным пальцем ложбинку позвоночника – так приятно, нежно, щекотно, что я выгнулась, словно кошка. Погладил мои плечи, а потом зарылся пальцами в распушенные волосы, которые я забыла заплести на ночь в косу.

– Мне тоже очень нравится чувствовать твое тело под ладонями, – неожиданно как-то придушенно произнес он.

Я в этот момент ладошками подбиралась к его ключицам, восторгаясь шириной плеч, ощущая каждый пережат мышц – и замерла, оставив руки у него на груди. Сглотнула и, приподняв лицо, притворно удивленно спросила:

– Почему ты решил, что мне нравится тебя трогать?

Склонилась над ним чуть ниже, всматриваясь в темнеющие, словно в шторм, необычайно яркие глаза, несколько резковатые для цветанца черты лица, отметила, как уголки губ дрогнули в улыбке, слегка обнажив идеально белые зубы. Хейго коротко усмехнулся – дернулся кадык на мощной шее. Меня будто приворожили: глаз не могла оторвать от него. Даже кадык и шея у него истинно мужественные. И еще – видно, как жилка бьется. Тоже удивительно: кровь у него красная, сама видела, а состоит он из Тьмы.

– Потому что наши чувства тоже одни на двоих, цветочек мой, – тихим шелестом прошелся по моим нервам его голос, вызвав приятную волну мурашек, разбежавшихся до кончиков пальцев и затем свернувшихся в животе теплым клубочком.

Наконец, я смогла отвести взгляд от его шеи и, чувствуя, как жар смущения заливает не только лицо, даже шея и плечи горят, хрипловато переспросила:

– То есть никаких секретов, тайн и...

– Никаких! – широко улыбнулся Хейго, так что из уголков глаз разбежались морщинки, как у любого человека. – Ты вся моя, а я весь твой. Давай уже начнем наслаждаться этим счастьем?

И резко перевернул меня на спину. Теперь он склонился надо мной, закрыв широкими плечами окно и оказавшись в нежно-розовом ореоле рассвета. Мы словно окунулись в этот чудный небесный свет в преддверии длинного дня. В душе что-то дрогнуло и потеплело: хороший знак – вот так встретить рассвет, буквально купаясь в нем. И в объятиях самого прекрасного в мире мужчины.

Пока я любовалась Хейго, забыв обо всем, он решил за нас: смял мои губы в жарком поцелуе, тесно-тесно прижавшись. И – о, боги! – наконец позволив ощутить тот самый, важный и с такими загадочными улыбками обсуждавшийся мамиными фрейлинами, бугор.

Конечно, я наивная, но обрадовалась, что у меня все как у всех, вернее, у него, и утонула в своих ощущениях, которые дарили губы и руки Хейго. Казалось, он касался меня везде и одновременно, как ласковый летний ветер: гладил, мягко сминал, зарывался в волосы, пил меня, мою душу, тепло... Я чувствовала, что взамен жара, в котором полыхало мое тело, в меня вливалась прохлада. Но удивительно, она не успокаивала, не остужала – а сонмом будоражащих мурашек носилась по моему телу, делая кожу невыносимо чувствительной, отзывчивой на любую ласку моей половинки.

В какой-то момент я очнулась, поняв, что мои ноги лежат на бедрах Хейго, целующего меня в шею и мнущего мою грудь... уже под рубашкой.

Я судорожно сглотнула и попыталась одернуть слишком задравшийся подол, а то сквознячок, холодивший секретные местечки, дал понять, что мои женственные «тайны» для Хейго скоро перестанут быть таковыми. Сомкнула ноги и, резко перевернувшись, дернула в сторону.

И тут же по моей обнаженной попе прошла его широкая ладонь в собственнической такой ласке, а следом прозвучало ласковое:

– Трусика ты моя.

Хейго накрыл меня одеялом и спеленал так, что не дернешься. А сам привычно касался кончиками пальцем моего лица, наслаждаясь этой незатейливой лаской. Такой мягкой, нежной и... только нашей.

– Прости, но...

Мое смущенное извинение он прервал с улыбкой:

– Я помню, сначала брак и честь, а потом брачная ночь.

Я замотала головой, потом запоздало вспомнила про честь и закивала, затем зажмурилась, восстанавливая дыхание, возвращая ясность мыслям, и призналась:

– Просто я не могу вот так сразу. – Наверняка мои щеки стали свекольного цвета, перед тем как решилась сказать: – Я не знаю, насколько ты... опытен по части... хм-м-м... заведения детей. У меня самой в этом вопросе мало... если честно, то никакого опыта. И... боюсь.

Хейго навис сверху, обнял мое лицо ладонями и, всматриваясь мне в глаза, прошелестел, явно волнуясь:

– Верь мне! Всегда! Я не подведу никогда!

Вон как «змейки» забегали от меня к нему... Правда, они больше не пугали. Их суть я себе уяснила.

– Пытаюсь...

Улыбка у меня вышла кривоватая.

– Я понимаю, что порой наши поступки вызывают у вас раздражение...

– Выбивают дух, ты хотел сказать! – ехидно парировала я.

– Может, и так, но ты – третья женщина-половинка. Лилия с нами всего год, а она очень сдержанна. Наш опыт отношений в браке или со своей женщиной основывается большей частью на поведении Тьяны. Мы научимся всему, узнаем женские повадки, предпочтения, выберем более приемлемую линию поведения перед и после слияния и инициации...

– Было бы неплохо хоть в общих чертах предупреждать об этой вашей инициации. Я чуть со страху не умерла! – напомнила я обиженно.

– Спорный вопрос, – улыбнулся Хейго. – Люди склонны воображать лишние страхи и потом сами пугаются.

– Хейго, ты меня слышишь? Нет? – возмутилась я. – Я тебе как женщина говорю, что с нами так нельзя. Ваши иномирные сюрпризы заставляют половинок бежать сломя голову, стоит только опомниться. Это уже из личного опыта!

– Отрадно, что моя леди наконец научилась называть меня по имени, – довольно прошелестел он.

– Я не шучу, – добавила голосу строгости.

– Ягодка моя, нежная, ласковая, – страстно шептал Хейго, целуя мои щеки, виски, глаза, лоб. – Такая чувственная, мягкая, моя. Как же приятно просто касаться тебя. Мне кажется, я сойду с ума от наслаждения, когда смогу взять тебя полностью, как женщину...

Закрыв глаза, я поймала себя на том, что тянусь за губами Хейго, радуясь прикосновениям, теплу и немыслимым ощущениям, которые они дарят. И мне уже не до всяких там инициаций и прочих сюрпризов от темных. Душу охватил чистый восторг.

Все-таки я смущенно прошептала:

– Подобное приличным, невинным леди говорить не принято...

И замолчала, потому что осознала, как мне сказочно повезло. Ведь королевским отпрыскам редко удастся жениться по любви. Чаще вступают в брак по расчету, вопреки душе, сердцу и желаниям тела. Мою двоюродную тетку со стороны мамы отдали за старика в залог мира с южным соседом. Этот брак долго не продлился. Не потому что супруг умер – тетку отравила юная и коварная фаворитка старого сластолюбца.

Я вцепилась в руки Хейго и утонула в его глазах. Забота, невероятная нежность и желание, которые не спрятать. Любовь, царившая между двумя другими парами, подарила мне надежду на счастливое будущее. Надежду, что и меня так смогут когда-нибудь полюбить. И мои собственные чувства, что глубоко проросли в душе, только укрепили эту надежду. Ведь Хейго – он такой... такой невероятный... мой. Целиком и полностью! И даже со всеми его секретами и тайнами...

Даже выбрав принца из тех, что могли одобрить родители для семейной жизни, я вряд ли обрела бы даже сотую долю единения, как с моим темным. И на неизменную верность рассчитывать точно не могла. И на полное доверие, когда ошибки одни на двоих.

Радостно вдохнув полной грудью, я вскинула руки и, обхватив лицо любимого ладонями, погладила, с восторгом принимая его для себя. Вот именно сейчас и целиком. Мой мужчина – как же много в этом коротком, но таком важном, всеобъемлющем слове. Моя половинка...

– Да, я твоя половинка, – улыбнулся Хейго.

Надо же, кажется, я призналась вслух. И сразу вспомнила о важном деле:

– А когда помолвка?

– Пошли прямо сейчас, – не раздумывая, предложил он.

Я обняла его за шею и притиснула к себе крепко-крепко.

– А давай!

– Мы вчера нашли ее сами, – осторожно сообщил Хейго про сокровищницу. – Проверили все уголки дворца, чтобы не осталось затаившихся монстров или ищущих... Ты можешь только обуться и шубу накинуть. Мы Тьмой пройдем.

Я невольно передернулась, но желание быстрее попасть туда буквально подталкивало, снесло в нетерпении. Махнув рукой на приличия и этикет, кивнула и, освободившись из мужских рук, поспешила за сапогами и шубой.

Вскоре мы переместились в подвал, где находится королевская сокровищница Цветаны. Я была в нем не раз, вот и сегодня с ностальгией огляделась в просторном подземелье, освещаемом магическими светляками темных, зависшими под потолком.

Множество полок со старинными рукописями и книгами в золоченых окладах – важнейшие королевские грамоты, государственные договоры и прочие исторические документы, с которыми подробно знакомилась сестра. Знаю только, что в библиотеке им не место по причине большой важности и ценности. Сундуки, ларцы, ящики – все вроде бы на своих местах. Столы для хранителей и главного казначея. Высокий стул для короля, что бывало «наводил шороху» на придворных, проверяя те или иные записи.

Папа говаривал: «Деньги любят счет и не любят суету».

Хейго прошел со мной к шкафу с фамильными драгоценностями Малина. Затаив дыхание, я провела ладонью по черненым, причудливой чеканки створкам, запуская родовое охранное заклинание. Щелкнул замок – двери распахнулись, приглашая меня, последнюю из династии Малина, взглянуть на сокровища. Ничего не поделать, теперь они не мои...

Хейго спокойно, словно смотреть на королевские драгоценности для него самое обычное дело, окинул взглядом несколько полок с великолепными гарнитурами, коронами, браслетами, украшавшими блистательных Малина во время коронаций, торжественных приемов, свадеб, балов, и поразил до глубины души:

– Вчера вечером, когда мы вошли сюда и ознакомились с содержимым и этого шкафа, запертого вашим заклинанием, Совет Риира принял решение: передать его тебе, законной наследнице.

– Все-все?.. – Моему удивлению и потрясению не было предела. – Ты знаешь, сколько они стоят? Ведь эти украшения собирались моими предками веками и связаны с наиболее значимыми событиями в жизни королевской семьи: бракосочетаниями, коронациями, мирными договорами, рождением наследников... Для казны Риира этот дар будет огромной потерей. Тем более над ними работали лучшие мастера, гравившие и оправлявшие камни редкой чистоты и красоты.

Хейго внимательно смотрел на меня, пришлось даже отвернуться, чтобы скрыть повлажневшие глаза. Наконец он поведал:

– Мы подумали о том, что в этом шкафу хранятся не столько бриллианты, оправленные в драгоценный металл, сколько часть истории твоего рода, крепко связанной с самой родиной. Последней наследнице Цветаны должно остаться хоть что-то от ее дома, родных. Что будет только твоим, Оли. Не общим, не для народа, а на память и для наших наследников.

Я посмотрела на мамину парюру с сапфирами, в которой она обычно выходила на люди, и разрыдалась. Потом спрятала лицо в ладонях и уткнулась в грудь Хейго, прохлюпав:

– Спасибо вам!

– Не за что, – мягко ответил мужчина, родной, сразу заключивший меня в тесные объятия. – Поверь, для риирцев это не дорогой подарок, мы не видим в холодных камнях и металле большой ценности. А вот любовь и тепло наших половинок – самое огромное сокровище, ради которого мы готовы убивать, меняться или менять целый мир.

– Не сильно меняйте, ведь именно этот мир дарит вам половинок. Такими, какие мы есть, – тайком вытерев нос рукавом рубашки, посоветовала я.

– Кольцо выбираем? Или уже не нужно? – немного иронично поинтересовался моя темная половинка.

– Помолвка – это очень-очень серьезное и важное событие, – всполошилась я, быстро пробегая взглядом по своему наследству.

Как же у темных все быстро меняется. Была нищей принцессой, а стала одной из богатейших.

– Ты уверена, что хочешь именно это кольцо? Оно какое-то тяжелое, грубоватое... – засомневался Хейго, когда я взяла из бархатного ложа довольно увесистое кольцо с голубым топазом и множеством мелких алмазов.

Полюбовавшись искорками, вспыхивающими на гранях камней, словно приветствуя меня, я счастливо выдохнула:

– Уверена! С детства о нем мечтала! Оно не простое, это сильнейший защитный артефакт...

– Тебе не нужны артефакты, я сам убью любого, кто только подумает о том, чтобы причинить вред моей половинке! – мрачно заявил Хейго.

Я торжественно положила возжеленное кольцо ему в руку и раскрыла тайну:

– Оно должно было беречь любовь. Это кольцо Феодос Малина, чей облик запечатлен в тебе, лично изготовил для будущей невесты. Он был не только сильным воином, но и не лишенным романтики магом – искал любимую. Жаль, так и не встретил.

– А я нашел, – хрипловато прошелестел Хейго.

– А ты нашел, – кивнула я, невольно краснея, и протянула ему руку, нарочно разведя пальцы.

– Только надеть? На любой? – переспросил Хейго, разглядывая кольцо.

– Да... И можешь поцеловать потом, – шепнула я, счастливо улыбаясь.

Кольцо – истинный артефакт – село как влитое. Жених меня обнял и поцеловал, закрепляя помолвку. И я даже не заметила, как вновь очутилась в спальне, где бережливая и расчетливая половина, нет, пожалуй, четверть принцессы Малина всполошилась:

– Ой, а мой шкафчик?

– Пусть там остается, все равно без твоей магии его никто не сможет открыть. Совет Риира уже дал тебе право владеть. Не волнуйся, он только твой! Темный никогда слова не нарушит.

Ну и ладно, в сокровищнице даже надежнее. Тем более неизвестно, что тут наверху во дворце твориться будет в ближайшее время. И все же, скрепя сердце я спросила еще раз:

– Хейго, вы действительно понимаете, насколько... как дорого они стоят...

– Да! – прекратил он мои попытки подобрать слова. – С вашими представлениями о жизненных ценностях мы ознакомились в первые годы пребывания на Эйре. Скажу больше, я могу прямо сейчас, недолго посмотрев на содержимое твоего шкафчика, сказать примерную стоимость «потери», – последнее слово он произнес с ехидцей. – Не переживай, понадобится – мы еще больше найдем...

– Где? – вытаращилась я.

– Где-нибудь, – пожал он плечами. – Мест, что ли, мало?

– Неужели украдете? – подозрительно прищурилась я.

– Найдем! Люди привыкли доверять земле свои сокровища. По всему Эйру не счесть схронов, кладов, тайников, щедро политых кровью,

проклятиями и прочими атрибутами, которые наша Тьма особенно остро чувствует.

– Невероятно! – Я смотрела на своего темного с восторгом. – И все равно передай, пожалуйста, членам Совета от меня искреннюю благодарность за столь щедрый дар.

– Они догадывались, что тебя порадуют. И Риру это пойдет на пользу...

Восторги поутихли, и я недоуменно переспросила:

– Польза? А какая польза в том, чтобы вернуть мне... наследство? Пусть и частично.

Хейго усмехнулся и покачал головой. Кажется, «частично» его немало позабавило.

– Теперь представители Риры обязаны присутствовать на всех коронациях. Нам будут давать первые клятвы правители, вступающие на престол, трон – у кого как принято.

– Ну и?!

Я поторопила Хейго, уже догадываясь о цели щедрого дара.

– И будет правильно, если пока единственные принцесса и княжеская дочь будут выглядеть достойно на подобных торжествах. Вам с Лилией придворные традиции известны, поэтому станете нашими официальными представителями. У Лилии есть семейные украшения, и мы решили, что у тебя тоже должно быть что-то свое... родное. Статусное!

– Понятно, – вздохнула я. Ну да, конечно, сюрпризы от темных всегда с перчинкой. И уточнила еще один любопытнейший вопрос, вспомнив, что темные слов на ветер не бросают: – В каком смысле «пока единственные принцесса и княжеская дочь»?

Хейго одной рукой скользнул под шубу и положил ладонь у меня между лопаток. А второй теребил кружево на вороте ночной рубашки, напомнив о неподобающем внешнем виде невесты на помолвке. Впрочем, меня это смутило лишь на миг. Слишком хорошо и уютно стоять в объятиях любимого мужчины.

– Наш договор с людьми гласит: любая половинка принадлежит Риму, вне зависимости от сословия, статуса или происхождения. Может статься, со временем породнимся со многими королевскими домами Эйра. Не только принцессами, но и принцами. Ведь наши дети будут не только мужского пола, но и женского...

– О-о-о... сложно представить, каким станет новый Рим, – задумалась я.

– Со временем увидишь, – успокоил Хейго. – Рим станет колыбелью

многих народов, культурных особенностей, традиций. Но всех нас будет скреплять Тьма Риира, а значит, мы будем сплоченными, едиными и тем сильны! Мы не королевство в традиционном представлении, мы страна свободных духом!

– Пока это только мечты, – улыбнулась я.

– Жители Риира никогда не бросали слов на ветер и впредь не намерены. Все, кто с нами уже начал работать, знают: свое слово мы держим твердо.

– Я надеюсь, – кивнула уверенному в светлом и благополучном будущем Риира мужчине.

– Верь мне! У тебя и наших детей будет все самое лучшее.

Хейго приподнял мое лицо за подбородок, вглядываясь в глаза. И в этот момент я увидела знакомую серую нить. Моя половинка замолчал и «прислушался» к собеседнику, затем сообщил:

– Сегодня завтракаем у Тьяны и Шейго. Как только приведем дворец в порядок и обезопасим, переберемся обедать в большой зал. А сейчас прости, но нам пора на... службу. Все ждут твоего участия в захоронении погибших.

Тяжело вздохнув и вымученно улыбнувшись, я ответила:

– Вчера я тщательно все обдумала и предлагаю провести обряд обращения к богам...

– Что это такое? – насторожился Хейго.

– Обряд поможет и земле избавиться от страшной раны, и мертвым уйти на покой, и душам отправиться к богам.

– Если ты считаешь, что так будет правильно, мы готовы поддержать тебя.

– Можно, я сначала обговорю это с женщинами? Мне понадобится помощь Лилии как материалиста и ваша, однозначно, тоже.

Мы еще пару мгновений наслаждались теплом друг друга, а затем я отправилась одеваться.

Глава 20

Обращение к высшим

Осторожно пробираясь меж облетевших деревьев, я то под ноги поглядывала, опасаясь «коряги», то на крыши заброшенных домов бывшей столицы Цветаны. Думы о том, что под ногами наверняка лежат мертвецы, не давали покоя. Саваном им стал снег. Уже не хрусткий и рассыпчатый, как раньше на морозе, а такой, каким бывает по весне: влажный, тяжелый, потерявший искрящуюся белизну.

Звнящую тишину – птица не крикнет в небесах – нарушал только звук моих шагов да треск ломаемых веток. Даже ветер стих в преддверии обряда, к которому я тщательно готовила вымерший город. Но это пока. Я уверена: скоро все изменится! Поэтому бросала в кучу палки-заготовки из жальчика, которые срезала и остругивала с одного конца. Ветки этого куста жесткие, прямые, за что часто используются во время обрядов, вот и я решила так же.

Усталость давила на плечи вместе с песцовым меховым костюмом, удобство которого я оценила во время похода и предпочла надеть для работы на холоде. Только уни заменила кожаными зимними сапогами – из-за влажного снега северная обувка быстро промокла бы.

Когда солнце начало клониться к закату, я оценила приличную охапку заготовок, решила, что достаточно, и огляделась в поиске моих добровольных помощниц. Так... Видимо, я увлеклась и зашла в глубь парка, выбирая будущие вешки поровнее. Вздохнула, успокаиваясь: ничего страшного, подумаешь, осталась одна; кто рискнет выйти навстречу самой Тьме...

Вопреки уговорам самой себя, я даже не услышала, а ощутила чужое, враждебное присутствие. Резко обернулась – и чуть не задохнулась от ужаса: двое белых! Один – с почти фиолетовыми волосами, как я поняла, свойственными сильнейшим. За ним замер второй – с прядями, отливающими голубым. Только сейчас их мерзкие патлы не искрились напряжением, потускнели, кожа заметно посерела, а когда-то белейшие балахоны, будто из снега сотканые, выглядели, как самая обычная тряпка. Яснее ясного, что, утратив связь с магией своего мира под напором наступающей им на пятки или бьющей по макушкам «весны», эти облезлые твари испытывали немалые трудности.

Между нами всего несколько шагов, смертельно опасных для меня и раздражающих белых. Я потерянно уставилась на них, отметив в их ледяных бельмах звериный голод. Ну да, конечно же, риирцы говорили, что помимо людских душ эти хищники с удовольствием питаются магией чародеев Эйра.

Время, кажется, замедлилось, а может, и вовсе остановилось. Мои мысли, наоборот, неслись вскачь, заставляя принять решение, как вернее поступить. Если начну магичить, они нападут быстрее, чем я успею завалить их землей. Скорее всего, вместе с ними провалюсь в «собственноручно» вырытую яму. Убежать не успею.

До боли в руке сжала нож: попробую выиграть лишнее мгновение...

Белые «шагнули» ко мне – в один миг оказались на расстоянии вытянутой руки. Меня словно обожгло магией ледяного мира, а дальше под кожей неожиданно что-то зашевелилось – злобное, мрачное, убийственное. Что-то, помешавшее сделать им последний шаг.

Ледяные глаза-кристаллы замершего напротив меня белого выматывали душу. Наконец он оторвал от меня взгляд и с ненавистью посмотрел на солнце, лучи которого весь сегодняшний день ласково согревали мою макушку под вязаной шапкой. Затем мертвящим взглядом скользнул по стенам дворца. В ледяных зенках мелькнула неуголимая жажда: эта тварь явно не чаяла убраться с Эйра восвояси, да только сил на новый портал не хватало.

Я шевельнулась, произвольно пятаясь от белых, что незамеченным не осталось. Тварь с фиолетовыми лохмами решила: резко подняла руку и потянулась к моему лицу. Вот-вот коснется и украдет мою душу, мою силу, паразит лютым холодом и заберет себе мою магию, мою суть, жизнь!..

Сердце пропустило удар, когда ледяные пальцы коснулись моей щеки. И тут жуткая физиономия белого перекосилась от боли, потому что по его руке черной лентой побежала Тьма. Стремительно опутала серый балахон, чтобы заживо сжечь – смерть пришла не за мной!

Открыв рот в безмолвном крике, не в силах ни отвернуться, ни зажмуриться, я наблюдала, как в страшных судорогах скукоживалась, умирала ледяная тварь. Черная вспышка... мгновение, пока передо мной «таял» один белый, и за спиной второго возник Хейго. Его голубые глаза напомнили чистый горный хрусталь, настолько были холодны, бесчувственны. Второй белый ничего не успел: ни пикнуть, ни дернуться. Темный маг прошел сквозь него, а впитав суть врага, по обыкновению, с омерзением стянул руки.

Полуболевшись на свою героическую половинку, я злорадно

взглянула под ноги на две жалкие кучки пепла, напоминающие о том, какой смертельной опасности подверглась. А у меня под кожей, надо думать, устраивалась взбудораженная Тьма Хейго, недовольно ворча и порывая. Моя защитница! С которой – проверено на деле – даже белый не страшен.

– Цветочек, – уже второй раз обратился ко мне Хейго с новым ласковым имечком, видимо, придуманным лично (рисунок ночной рубашки, наверное, приглянулся), – ты почему не позвала меня?

– Не успела, – всхлипнула от облегчения на груди тесно прижавшего меня любимого мужчины. – Они неожиданно появились. Я растерялась.

– Просто позови мысленно. А то сейчас я только по твоему ужасу понял, что ты в опасности, – ворчал мой темный защитник.

Уткнувшись Хейго в грудь, я, наконец, глубоко вдохнула. Ах, как же сладок этот глоток жизни! Потом, нервно хихикнув, высказала ошеломительную мысль:

– Я и не подозревала, что стала смертельно опасной для окружающих.

– Не обольщайся, Оливия. – Хейго приподнял мое лицо и заглянул в глаза. – Смертельно опасен я. Для любого, кто попытается тебя коснуться, желая причинить вред.

– Выглядело очень впечатляюще!

Я старательно улыбнулась, и блестящие голубые глаза смертельно опасного мага потеплели.

– Оли, больше ничего не бойся, мы едины. Только подумай обо мне и помни: я всегда рядом, что бы ни случилось. Наши действия, ошибки, враги – одни на двоих.

В груди стало легко-легко, тепло, на лице сама собой расплзлась счастливая улыбка. Но удержаться от иронии я не смогла:

– Кто бы мог подумать, что разделить с кем-то свои ошибки или врагов будет так приятно.

– Напиши об этом в вашем учебнике для будущих половинок. Вдруг они заранее проникнутся и перестанут с воплями сбегать от нас, – неожиданно совершенно серьезно предложил Хейго.

Посверлив взглядом свою половинку, я не без ехидства поинтересовалась:

– Хейго, душа моя, признайся честно: риирцы хоть иногда делают или говорят что-либо без далеко идущих планов? Или без пользы для себя?

Удивительно, но вопрос застал риирца врасплох. Он задумчиво поглаживал мое лицо, передавая кончиками пальцев свою нежность, и я наслаждалась этими особенными мгновениями. Потом он едва заметно пожал плечами, повторяя жест, к которому, видимо, приобщился в

физической форме:

– Элементаль усваивает любой опыт, который было бы глупо не использовать в жизни.

«Темные! Что с них возьмешь!» – мысленно усмехнулась я и наконец вспомнила о насущных проблемах:

– Нам пора.

Отряхнув меховые штаны от влажного снега вперемешку с землей, я сравнила себя с северным медвежонком после спячки – мятым, грязным, исхудавшим. Пришлось повозиться на большом участке, очищая его от снега и наледи. К счастью, трупов под ним не обнаружилось. А вот белоснежный походный костюм я вывозила здорово.

– Все, пентаграмма готова, – устало распрямилась Лилия.

Она аккуратно, чтобы не стереть четкие линии, положила в центр сложнейшей пентаграммы со множеством геометрических линий и фигур глубокую деревянную чашу. Каждая нарисованная фигура внутри огромного круга была обозначена каким-либо предметом. Драгоценные камни из своего наследства я тоже использовала для усиления мощи ритуала.

– Все вешки расставили и цепь замкнули, – отчиталась Тьяна, появившаяся из темного вихря с Шейго.

Я невольно обратила взгляд в сторону сбегающего по пологому склону города – погибшую и пустую одноименную столицу Цветаны, уже несуществующего королевства. С места, где я устроила центр обряда, хорошо видны заснеженные улицы, черепичные крыши с начавшими таять сугробами, шпили городской ратуши и торговых гильдий. Когда-то Цветана была одним из красивейших городов Эйра, сейчас же это одна огромная, общая могила.

Утром мы долго спорили, что делать с тысячами погибших и столицей. Столько мертвецов невозможно достойно похоронить. Это может занять много дней, а лето наступает. Даже сейчас, хоть вокруг еще лежит снег, запах тления и гниения уже начал витать в воздухе. Что будет дальше – страшно представить. Да и селиться в домах погибших другие жители могут не захотеть.

В конце концов со мной согласились все: Риир начнет жизнь с чистого листа, причем в прямом смысле. Признаться, спорили больше из

сочувствия. Как я ни пыталась скрыть боль оттого, что самой придется участвовать в уничтожении частицы родины, не вышло. Но я свято верю: после того как Цветана исчезнет, вместо нее непременно родится что-то другое. В моих силах помочь этому новому стать не менее значимым и для меня, и для бывших цветанцев.

Мы все успели. Небо покраснело с наступлением заката. И в этом отчасти траурно тоскливом, отчасти напоминающем очистительное пламя свете я видела, как от вешек в небо, подобно молниям, тянутся золотистые нити. Я использовала правило создания Грани, долгих три года защищавшей людей от белых. И теперь было неимоверно тяжело видеть, как подобной энергетической стеной окружены столица, ближайшие селения, парк, по которому мы два дня назад прорывались к дворцу, спотыкаясь о конечности трупов.

Еще я надеюсь, что магия погибших землян, лежащих под множеством розанов, обязательно поможет нам осуществить этот обряд, как помогла прорваться к дворцу. Чародеи моей родины в последний раз послужат людям. Мертвых нужно предать земле, нельзя их душам бродить неприкаянными. Нельзя!

Мы переглянулись с Лилией и, осторожно ступая, заняли свои места в пентаграмме. Темные и Тьяна тесным кольцом встали вокруг. Сейчас я увидела почти всех риирцев, с любопытством глядевших на меня из-под темных капюшонов разноцветными глазами невероятно ярких оттенков. Смертоносное для любого врага темнейшее воинство – это я уяснила, как никто другой.

От волнения облизнув губы, я начала ритуал. Древнейший, как сама жизнь, созданный на заре времен, когда люди гораздо больше почитали богов и, не боясь тревожить их покой, призывали обратить внимание на происходящее на Эйре. Судить, миловать. Люди искали истину у бессмертных. Про обряд мне когда-то рассказывала мама, показывая странички древнего, заботливо хранимого фолианта. Покойная королева, происходившая из другого рода, обладала даром материалиста и очень любила книги.

Именно ритуал божественного очищения я решила провести после того, как накануне Тьяна нашла книгу в родительских покоях и отдала мне.

Отрешившись от сущего, я полностью раскрылась перед миром: больше не существовала как личность, став частичкой Эйра, такой же, как и находящаяся рядом со мной Лилия. Тишину разрезал мой сначала тихий, затем все усиливающийся магией голос, речитативом устремлявшийся вверх, а потом словно с обрыва падавший вниз. Я хотела дозваться хоть

кого-нибудь из богов – создателей Эйра за помощью.

В какой-то момент мое сознание будто разделилось на две части. Одна тряслась от страха, ведь ритуал слишком сложный, старый, вдруг не получится; вторая растворилась в происходящем. Я истово просила высших, умоляла, на древнем языке взывала к их милости.

Мы с Лилией синхронно полоснули ножами по ладоням – боль и кровь в качестве платы за помощь, дабы люди не тревожили покой бессмертных по пустякам. Алая кровь обильно закапала в чашу в центре пентаграммы, высасывая из нас силу. Боги, только бы еехватило до конца ритуала...

Мой голос дрожал от эмоций, скопившихся в душе за годы изгнания, и я щедро отдавала их, вкладывая в призыв. Так много боли, страхов, неудач и обид, а теперь – любви и надежды.

Сначала вспыхнул сапфир во втором луче пентаграммы, на миг ослепив яркой вспышкой. В лицо подул ветер, но не колючий и морозный, царапающий нежную кожу, а теплый. Ветерок мягкой лаской прошелся по щекам и рванул к другим участникам действа. Я задохнулась от радости – меня услышал Бог Ветров!

Следом зазвенела песня, слов которой было не разобрать, но именно под эту мелодию напевает колыбельную каждая мать Эйра своим детям. Она идет от самой души, а слова рождаются сами по себе. Это Богиня Любви явилась!

По моим щекам побежали слезы благодарности.

Загорелся ярким зеленым светом седьмой луч пентаграммы, в наивысшей точке которого лежал большой изумруд. Воздух наполнился дивным запахом разнотравья летнего луга, умытой дождем лесной листвы – Богиня Жизни откликнулась! Мое тело запело от полноты ощущений – сила прибывала. Казалось, я могу свернуть горы, обнять весь мир.

С небес медленно падали цветочные лепестки, белоснежные, живые, благоухающие. Затем они чернели, укрывая заснеженную землю. Невероятно: на мой призыв откликнулся и Бог Смерти – властелин Подземного мира!

К моменту кульминации ритуала призыва вокруг творился хаос: всюду мелькали многочисленные всполохи силы высших, зеленели, цвели ближайшие вешки, ветер кидал комья снега, разливался густой ароматов цветов, торжественная музыка заглушала мой голос, земля под ногами дрожала – нам явились все боги Эйра, вспомнив о своих детях.

Успокоили мою совесть и душу – я приняла верное решение.

С последним заклинанием я подхватила чашу и окропила кровью пентаграмму. На ногах удержалась с трудом, хорошо, что меня подхватил

Хейго, паривший над землей в ипостаси элементаря. Лилию поддерживал Сайло. Затем мы дружно уставились на территорию, окруженную вешками: там все уходило под землю, а в сияющее божественными проявлениями небо, вспыхивая яркими светлячками, летели освобожденные души. Десятки, сотни, тысячи... Как же вас много... Я не плакала, глядя, как «светлячков» принимали высшие, посылая свой божественный свет. Теперь души свободны!

Когда перед нами появилось совершенно голое, темное поле – город исчез напрочь! – шум резко стих. В первый момент тишина даже оглушила, а в груди образовалась пустота. Все молчали, оправляясь от потрясения. Наверняка и темные не ожидали того, что произошло на их глазах, – Эйр и наши высшие сумели удивить даже их.

Неожиданно под ногами что-то глухо брякнуло. Мы с Лилией в недоумении нагнулись и заглянули в ритуальную чашу. Оказалось, нашу кровь приняли, нам же подарили камень – обычный, овальный, с желтизной и с ладонь размером. Бывшая княжна, не сдержав любопытства, первой попыталась взять подарок богов. Но, вскрикнув, отбросила, подула на обожженные пальцы. Посочувствовать или отругать за торопливость и неосторожность ее никто не успел. От камня, словно тот в воду упал, побежала круговая теплая волна, я ее кожей ощутила, под одеждой. А сам дар богов на глазах растворился, исчез в земле.

Через некоторое время мы заметались в панике: укрывавший долину и горы снег начал стремительно таять, образуя сильнейшее половодье, которое грозило смыть и нас. Видно, боги предупредили, что за помощью часто лучше не обращаться. А может, просто не подумали о нас, смертных песчинках, освобождая души погибших и Эйр от оков иномирного холода, пробуждая землю к жизни.

– Проклятье! – выругалась Тьяна, проваливаясь в ледяную лужу по колено.

Совсем скоро мы стояли в натопленных королевских покоях: мокрые, грязные, но счастливы-ые-е!

– Я хочу в Рияр, в теплую ванну, – проворчала Лилия, разглядывая свою замызганную одежду и пострадавшую ладонь.

По ее ладошке шустро сновали змейки – сноровисто лечили пострадавшую руку. Сайло заметно беспокоился, нервничал за свою любимую, попутно высушил ее одежду и пытался поддержать.

Я тоже осмотрела свою ладонь: порез быстро затягивался – Тьма Хейго успешно справлялась и с моей раной, пока он тоже сушил мою шубу. Правда, окончательно испортил мех, перестарался. Я прыснула со смеху,

покосившись в зеркало: принцессу Малина в грязно-желтом, свалявшемся «одеянии» теперь не узнал бы и родной отец, был бы жив.

– О, как быстро! Пожалуй, инициация не совсем плохая идея, – восхищенно поделилась я, разглядывая порозовевшую, целехонькую кожу на ладони. – Налицо экономия расходов на целителей, порталыщиках, телохранителях. А ведь я еще обо всех возможностях своей весьма полезной «соседки» не знаю...

– Напишите об этом в вашем учебнике для...

Хал сразу замолчал, когда мы с Лилией и Тьяной мрачно воззрились на него.

Отметив, что не меня одну задел совет темного умника, устало заметила:

– Лары, у вас дурная привычка все подслушивать, контролировать и давать советы. Причем советовать в том, в чем вы, темные, не сведущи.

– Элементали накапливают любой опыт, – по обыкновению начал нудеть риирский судия.

– Мы помним, Хал, – оборвала его Лилия. – Но поверь, к полному пониманию женской сути вы придете нескоро. Да-да, не надо с недоверием смотреть на меня. За тысячелетия существования Эйра даже местные мужчины в ней разобраться не смогли и сами это во всеуслышание признали. Почему бы вам просто не положиться на нас в вопросе составления учебника для половинок?

– А может, мы в Рияре поговорим? – взмолилась беременная Тьяна. – Я хочу помыться, поесть и отдохнуть, а здесь пока неизвестно, когда такое счастье привалит...

Я и согласиться не успела, как закружилась Тьма, Хейго прижал меня к себе – и в следующее мгновение мы оказались в небольшом каменном зале.

– Никак не могу привыкнуть к этому способу перемещения, – облегченно всхлипнув, я огляделась по сторонам.

– Это ненадолго, – усмехнулась Тьяна. Затем с предвкушением потерла руки: – Здесь внизу, в подземелье, есть чудные горячие источники. Чтобы время на ванны не тратить, сейчас соберем вещи, поесть – и туда махнем... втроем.

– Ой, а у меня с собой ничего нет, – озадачилась я.

– Я возьму на нас троих. Привыкай: иногда приходится носить то, что удалось найти после перемещения, – успокоила меня Лилия и пошла к выходу.

– А я на кухню за едой, – заторопилась повеселевшая Тьяна и деловито

распорядилась: – Шейго, помоги мне принести поднос, хочу побольше и повкуснее.

– Я тебе пока покажу дом, в котором мы поселились в новом мире, – прошелестел у меня над макушкой Хейго.

Усталость давала о себе знать, но любопытство, как всегда, оказалось сильнее. Поэтому я с огромным удовольствием направилась с «мужем» осматривать дом, приютивший риирцев. Когда-то здесь был форт для охраны перевала, заброшенный, но с вполне крепкими стенами, намертво вросший в горы, которыми я успела полюбоваться со смотровой площадки. В заходящих лучах светила передо мной предстали снежные вершины, окрашенные красным светом, казалось, подпиравшие небо. Седые и незыблемые, как мир. Оглашаемые криками пернатых хищников, которые доносил ветер.

Далее в освещаемых масляными лампами коридорах мы встретили... людей. Как выяснилось, здесь жили несколько человек – пожилых, потерявших форму и не имеющих дома бывших наемников, прибывших к темным после совместных дел. Эти обосновавшиеся в Рияре стражи, как их уважительно назвал Хейго, искренне улыбались, поздравляя его с женитьбой, которой, кстати, еще не было, с обретением семьи и будущими детками. Услышав последнее пожелание, я совсем засмушалась, вспомнив утро. Наше нежное и страстное утро, когда трепетала каждая жилка в моем теле...

Затем, поймав серую нить, Хейго перенес меня в подземелья, где я попала в пещеру со странным запахом и горячей водой, исходящей паром. Прямо среди камней Шейго рядом со скатертью положил большой поднос, заставленный умопомрачительно пахнувшей и выглядевшей едой. О неудобствах, неловкости и чужой одежде я тут же забыла – хотелось поесть, помыться впервые за много дней и просто отдохнуть.

– Красота-а! – выдохнула Лилия, полностью отразив и мое мнение. – Тьяна – ты настоящая волшебница. Мужчины, вы свободны хотя бы часа на три. У нас будет праздник души и тела. Женский банный день. Надеюсь, нам никто не помешает, иначе сильно пожалеет.

Сдержанная южанка выразительно посмотрела на наших половинок, после чего все трое, явно сожалея о том, что их не оставили праздновать, исчезли в вихре тьмы.

Глава 21

Свадьба в Надале

Накинув шубу, я выглянула в маленькое окошечко более чем скромной комнатки, отданной нам с Хейго в старом форте. Конечно, военная крепость не замок, но «любоваться» на опостылевшие за неделю горы надоело. Кроме того, здесь даже летом можно продрогнуть. И спать больше не хочется. Кажется, выпалась на год вперед.

Я порядком устала от Рияра – каменного мешка, по которому гуляли сквозняки и бродили тени. Поэтому согласна с Тяной, прожившей здесь три года среди пришельцев с другими нравами, отношением к миру, вообще иных, и захотевшей перебраться в королевские покои. И надо отдать ей должное, сделавшей немало для того, чтобы приспособить риирцев к жизни в новом мире. Я бы, наверное, сошла с ума от постоянной опеки ста пятидесяти мужчин откровенно пугающей наружности, да еще в затерянном высоко в горах форте.

– Долго мы еще пробудем здесь? – тихо, чтобы не нарушать утренний покой, спросила Хейго, ощутив его присутствие в комнате.

– Мне жаль, но дворец пока плавает, – так же тихо прошелестел у меня за спиной его голос.

Следом Хейго обнял меня, прижимая спиной к своей груди. Хм-м, оказывается я не только привыкла к этому обычному проявлению внимания, но и стала нуждаться. Рядом с моим темным сразу становилось теплее и уютнее. Наверное, его эмоции подобно одеялу укутывали меня, спасая от окружающей безнадёги и унылости.

– Все настолько плохо? – забеспокоилась я, оборачиваясь к нему.

– Нет, но будет лучше, если вы еще пару дней проведете здесь, в Рияре. Там все... сыро.

– А здесь – холодно и туманно, – проворчала я, поежившись. – От старых очагов грязь, дым, как ни старайся, а тепло только у горячих источников. Не понимаю, из каких соображений вы выбрали этот... суровый край?

Чуть не высказала вслух «глухую дыру», но, по старой привычке, вовремя прикусила язык.

– Форт был пустым, никому не нужным и главное – почти недоступным людям, – улыбнулся Хейго. – Во время землетрясения

обвалом снесло переправу через ущелье, остался веревочный ненадежный мост, ведущий сюда. А холод нас не беспокоит...

В его голубых глазах я видела тепло и нежность. Наверное, в моих отражались те же чувства. А вот любовь, столь неожиданную самой себе к пришельцу из другого мира, я прятала. Не буду навязывать. Надеюсь, мне повезет, и когда-нибудь Хейго ответит на мое чувство.

Погладила его по щеке, потом пальчиком повторила линию скулы, коснулась брови, поправила золотисто-рыжие пряди волос, разгладила морщинку на лбу. Наверное, Хейго раздумывал над моим поведением: до сих пор я не отваживалась на ответную ласку, все глазами ела свою половинку. Его радужка начала темнеть, по коже забегали тени и змейками скользнули навстречу моим пальцам.

– Тебя что-то тревожит, Оли? – Я молчала, не в силах признаться, что собственные чувства пугают тем, что могут так и остаться только моими. А общим будет лишь мое тепло. – Твой дом в безопасности, мы направили воду в реку. Ваше пребывание здесь скоро закончится, и...

Я мотнула головой, опуская взгляд. Чтобы унять сосущее чувство тревоги в душе, не мое – половинки, – сменила тему:

– Когда вы сообщите королям Эйра, что победа за вами?

– В свое время, – огорошил меня Хейго.

– Но почему?

– Всему свое время! Время – самый ценный ресурс. Мы чистим наши земли от белых, перенастраиваем вешки Грани. Сегодня закончим и замкнем созданную вашими чародеями защиту на себя. Мы хотим, чтобы ни у кого не возникало вопросов, где проходила граница захваченных территорий. И должны быть готовы к новому положению дел на Эйре, где белые больше не угрожают людям.

– Понятно, – выдохнула я потрясенно. – А как же в Цвета... в Риир смогут вернуться люди?

– Оставим на границе проход, и тот, кто действительно захочет жить на наших землях, присягнет на верность Риiru. Мы хотим, чтобы наши земли были не опасны для жителей, а главное – наших семей. Разгулы, грабежи, насилие недопустимы. За подобные проступки наказание – смерть. Кто хочет мира и процветания, оценит и переедет к нам.

Глядя во все глаза то ли на мужа, то ли на жениха, я усваивала новые правила жизни. Если смотреть глубже и шире, нельзя не согласиться, что это самое верное. И большинство людей, желающих мира, оценят это по достоинству. Но такой подход... пугает жесткостью и бескомпромиссностью. Как закон о половинках!

– Вы выбрали свадебное платье и украшения на церемонию? – неожиданно спросил Хейго.

Чувствовалось, что он не разобрался в моих эмоциях, поэтому насторожен и нервничает.

– Да, – кивнула я сначала рассеянно, а потом, вспомнив активное участие в подготовке к моей свадьбе Тяны и Тьюго, поморщилась: – Еще бы не выбрать – за неделю, да с такими помощниками.

– Лилия сказала, что в королевских семьях свадебную церемонию готовят несколько месяцев. Шьют наряды, собирают приданое, подбирают украшения, зовут гостей.

– Учитывая существующее сейчас положение вещей, ведь я каждое утро просыпаюсь с тобой в одной кровати, будет верным не затягивать с бракосочетанием на несколько месяцев, – попросила я. Потом с тяжелым вздохом добавила: – Хал обмолвился, что лучше поторопиться с торжественным событием, а то жрец, который согласился провести обряд, может передумать... Хотя я поражена! Ведь вы спасли Эйр, а храмовники противятся...

– Мы своего заведем, Оли, – успокоил Хейго. – Совет уже принял такое решение. Учитывая, что теперь у каждого из нас будут свои половинки и дети, в жрецах есть необходимость.

– И в храмах всех богов, раз они откликнулись на наш призыв впервые за столько лет. Все откликнулись! – настойчиво попросила я. – Один храм я обязательно построю на свои деньги, в честь рода Малина...

Хейго смерил меня загадочным снисходительным взглядом, а потом все же признался:

– Об этом мы тоже подумали. Хал с Кайго предположили, что именно ты первой захочешь построить храм в новом Риире.

Я вновь удивилась редкостной прозорливости темных, но, не сказав и слова, просто пожала плечами, признавая их правоту.

– Хочу к папе... и маме, и к Алекс... И Пушистика забрать... – С мольбой посмотрела на Хейго. – Ведь теперь можно, опасность миновала?! Тем более Тьмой пройти раз-два...

Он медленно провел ладонью по моим волосам, заплетенным в две косы и переброшенным на грудь. Затем ласково коснулся моих щек, так же, как и я, провел по скулам, потом обхватил голову руками. Поглаживая большими пальцами виски, всматривался мне в глаза со знакомым голодным любопытством, которое, кажется, просто невозможно насытить. Легко коснулся губами уголка моих губ, отстранился и положил руку мне на низ живота, вызвав жаркий румянец, потому что спросил с намеком:

– Уже не болит? Все прошло?

Как же неловко: мои женские дни для темного тайной не стали. Недомогание своей половинки он ощутил сразу.

Я отвела его руку и, полыхая от смущения, ответила:

– Да, но спрашивать даму об этом неприлично.

– А жену? – усмехнулся Хейго.

– Я пока невеста.

– Тогда я рад сообщить, что в Надале Дары все подготовили к нашей свадьбе. Торжественная церемония пройдет сегодня. Тьяна и Лилия уже ждут тебя там и помогут собраться, одеться, а потом...

– Сегодня? – изумилась я.

– Да, родная. Сегодня. К полудню! – твердо ответил Хейго, словно кнутом угрожал за отказ, но тут же более мягким тоном пообещал пряник: – После мы посетим твоих родственников. И еще пару обязательных мест.

– Теперь понятно, почему мне не спалось! – Мысленно я уже начала готовиться к самому важному событию в жизни каждой девушки. – Как чувствовала: день простым не будет.

– Я надеюсь, он станет счастливым для тебя. Мы постараемся!

– Вот это «мы» и пугает.

Огромное зеркало в золоченой оправе, словно большой парадный портрет, отражало настоящую принцессу. Часа три подруги при помощи армии улыбчивых и бесконечно терпеливых служанок готовили меня к парадному выходу. Первым делом отправили в шикарную ванну с ароматными маслами – южанка Лилия постаралась. Попытались избавить от «простолюдинского» загара, а когда не удалось, Тьяна сказала, что красоту ничем не испортишь и так даже лучше, не то была бы бледненькая... в темную полосочку.

Мне сделали сложную высокую прическу, под стать короне-диадеме кронпринцессы рода Малина, со множеством шпилек, украшенных бриллиантами. После чего мои черные волосы, по мнению Лилии, замерцали, как ночное небо, выгодно оттеняя высокий лоб, нежную шею и изящную линию плеч. Тьяна восторженно всплеснула руками и вытерла слезу.

В моих больших серых глазах отразилась невообразимая смесь страха,

возбуждения, восторга и предвкушения. Слегка нахмурившись, я отметила, что в походе похудела, окончательно растеряв лишние округлости. Особенно изменилось лицо. Четко проступили по-женски тонкие, аристократичные черты, которым резкие росчерки рода Малина и пухлые мамины губы придавали, на мой взгляд, законченность, свойственную повзрослевшей леди.

Прекрасное, расшитое жемчугом белоснежное платье с высоким воротником из тончайшего кружева, послужившее не одной невесте нашего рода, в котором последний раз переступала храм Богини Любви в качестве невесты моя кузина Рашель, я выбрала не случайно. Хохотушка Рашель вышла замуж по любви. Жаль, умерла довольно скоро – небольшое королевство, куда увез ее избранник, накрыла страшная повальная зараза. И все же я верила: это платье принесет мне удачу.

Тончайшие белые перчатки до локтя, королевская корона и тяжелое украшение, облегающее мою шею и веером бриллиантовых капелек стекающее в декольте, не говоря уже о туфельках, белье и прочем, дополнили наряд. Я сверкала как звезда на небе и сама собой восхищалась: принцесса Малина – красивая и недоступная.

– Папа будет доволен! – радостно воскликнула Лилия.

Сама бывшая княжна блистала в пышном голубом платье. Этот цвет очень подошел к ее смуглой коже и иссиня-черным волосам, украшенным топазами, как и лиф, декольте и шея.

– Его светлость князь Мортан волновался о моем наряде? – удивилась я. – Ведь свадьба пройдет в узком семейном кругу. Твои родители, клан Даров и...

– Это невозможно! – виновато улыбнулась Лилия.

– И невыгодно! – вмешалась Тьяна, поправляя юбку роскошного розового платья. Ее шею и уши украшали крупные рубины, цена которых превышала мое воображение.

Я отвернулась от зеркала и подозрительно посмотрела на подруг.

– От меня опять что-то скрыли?

Служанки, озабоченно сновавшие туда-сюда по богатым, достойным дворца купеческим покоям, отведенным нам с Хейго в поместье клана Даров, смекнули неладное и мышками юркнули за дверь.

Первой начала объясняться Лилия:

– Мой отец – правитель маленького, но сильного государства. Моего брата-близнеца, которого прочили в князи, убили. Потом я познакомилась с Сайло. Понимаешь?! Я – наследница! Есть еще младший брат, но я или мои дети могут наследовать княжескую корону.

– А как это связано с моей свадьбой? – недоумевала я. И тут до меня дошло: – А-а-а, вот оно что...

Тьяна хитро блеснула глазами. Как говорится, настоящая купчиха: ушлая, смекалистая.

Лилия, виновато потупившись, извинилась:

– Прости. Для княжеского рода Мортан свадьба риирца с принцессой Малина – редкая возможность упрочить свое положение. Прекратить пересуды или недовольства тем, что вторая наследница князя замужем за пришельцем, непонятно кем, без рода и племени. – Лилия глубоко вздохнула, прежде чем продолжить: – Отец, узнав о нашей связи и... любви с Сайло, готов был убить его. Князь потерял старшего наследника, а спустя всего несколько месяцев дочь... тоже не обрадовала. Дальше нашему роду пришлось отражать удары недоброжелателей. Риирцы помогли, страх перед ними позволил Мортанам удержать власть в княжестве. И тем не менее...

– Понимаю, – грустно вздохнула я, представив себе, что творилось в семье Лилии.

– Да, ты – как никто другой, – согласилась она. – Как только отец узнал о вас с Хейго, настоял на участии в церемонии, в ее подготовке и освещении...

– Да, но Дары смогли убедить Мортанов, что Нададь для большой свадьбы подойдет гораздо лучше, – не осталась в долгу Тьяна и широко улыбнулась, подмигнув мне: – Гильдия веников не вяжет и принцессу достойно отведет в храм. Батюшка даже взял все расходы на себя!

– А в чем выгода Даров?

Я не могла не улыбнуться в ответ. В конце концов, каждая из нас в свое время попала в тяжелую жизненную ситуацию, а у подруг еще и родные, которых нельзя подвести.

– Для людей риирцы – как одна семья. Их всего сто пятьдесят – размер среднего клана. По сути, купеческий клан Даров породнился сначала с князьями Мортан, а теперь берем выше: в наш клан вошла хоть и проклятая, но принцесса из старинного и сильнейшего когда-то рода Малина. Это, как ни верти, выход в свет. Аристократия не сможет воротить от нас нос. За это мой батюшка готов заплатить любые деньги. И рассказать всему миру!

– Мне кажется, у темных тоже здесь своя выгода имеется? – с подозрением спросила я.

Обе родственницы хихикнули и заговорили наперебой:

– Они с достоинством приняли помощь князя и батюшки...

– Посоветовали, как лучше подать новость о свадьбе темного...

– Разрешили рассказать людям о героическом спасении Эйра риирцами...

– В красках, с батальными подробностями, приукрасить, добавить страстей побольше, кровищи там... подвигов ради нас, и...

– А сочинить легенду не просили? – перебила я, подумав, что подвигов, на мой, женский, взгляд, было действительно предостаточно. – Ну или...

– Несколько баллад о подвигах принцессы Малина и семерых отчаянных смельчаков-темных на землях, замороженных белыми, я уже оплатила стихоплетам и бродячим певцам, – прервала меня Тьяна. – Исполнять будут на ярмарках, в торговых рядах, трактирах и прочих людных местах.

Отметив мое замешательство, Лилия поддержала подругу:

– Как сказал старший Дар, хорошая молва лишней не бывает! Благодаря красивым песням люди запомнят род Малина, как героев...

– Дамочки, все ждут только вас, – громыхнул от дверей мощный бас отца Тьяны. – Там зева... людей набежало. Нечего честной народ заставлять ждать. Фу-ух, жарница!

– Вы правы, лар Дар, представление положено начинать вовремя, – согласилась я.

– Ваше высочество, красивее вас невесты не видал, – искренне восхитился старший Дар, одобрительно осмотрев и свою дочь, и княжескую. – Праздник будет на славу!

На чью славу, даже спрашивать не надо. Мы дружно склонили головы, поблагодарив за комплимент. Затем быстро окинули придирчивыми взглядами друг друга и направились праздновать.

По коридору мы плыли, шурша юбками, в полном торжественном молчании. Толстые ковры заглушали звук шагов. Клан Даров в самом деле оказался не просто богатым, а очень-очень богатым! Думается, они вполне в состоянии завести себе королевский дворец. Даже светильники на стенах блистали позолотой, не говоря уже об остальном убранстве огромного дома. Немного кичливо, немного безвкусно, но дорого.

Со второго этажа к сопровождающим мы спускались за старшим Даром, облачившимся в роскошный бархатный кафтан с золотой канителью и даже камзолом. На его широкой груди красовалась толстая золотая цепь с печатью Главы Торговой гильдии Надаля.

У крыльца нас ждали не менее тридцати риирцев. И Хейго! Хотя по правилам, должен был встречать у входа в храм. Но кто темному указ? Разве он мог свою половинку оставить в толпе людей одну? Да и кому

придет в голову, что один из черных плащей – сам жених.

Увидев меня, жених от неожиданности, а может, волнения материализовался. Его глаза восхищенно вспыхнули ярким, жадным голубым пламенем, затем начали стремительно темнеть. Удивительно, но окружающие люди не испугались проявлений Тьмы. Видно, в доме Даров давно привыкли к гостям-иномирцам.

В следующее мгновение Хейго стоял вплотную ко мне. Словно одержимый, провел пальцами по моему лицу, жмурясь от удовольствия. А потом тихо прошелестел:

– Сегодня... уже сегодня... – Наверное, мысли вслух. – Ты прекрасна, Оли... И моя!

– Я помню, – польщенно шепнула ему на ухо.

Внутри начали разливаться загадочное тепло, томление, голод и... вождление. Я облизнула вмиг пересохшие губы, наконец догадавшись, чего сегодня ждет Хейго, и хрипло попросила:

– Возьми себя в руки, родной.

– По каретам! – громыхнул Дар.

– Мы на свадьбе принцессы, лар Дар, не забывайте, – укорил главу торговцев князь Мортан – высокий поджарый пожилой южанин.

В отличие от купца Дара, князь оделся в строгий, но дорогой кафтан из тяжелого голубого шелка с красной лентой через плечо, вышитой рунами, – символом власти. За ленту, подобную этой, в южных княжествах аристократы готовы перегрызть горло сопернику. На мой взгляд, смотрится она внушительнее, нежели золотая цепь Дара.

Отец Тяны жестом приказал отворить высокие парные двери своего дома, приглашая всех к выходу. Затем отвечал князю:

– Уж поверьте, ваша светлость, свадьба пройдет по обычаям Надаля, и даже глухой услышит о ней!

От волнения кружилась голова. Шейго, стоявший за спиной Тяны, выслушав тестя, смешно поднял глаза горе и поморщился, насторожив меня. Надо же было разузнать о свадебных обычаях северян сразу после того, как Хейго перенес нас в дом Даров. Они встретили так радушно, что в водовороте приготовлений я забыла поинтересоваться.

Во дворе Лилия, Тяна и я оказались в окружении темных. Яркое солнце слепило, заставляя жмуриться. Здесь, на севере, лето не бывает жарким, как на моей родине. Более мягкое, ветреное. Но какое же счастье попасть в лето и впитывать солнце всем телом!

Меня поразило огромное количество нарядных женщин, окруживших полдюжины открытых карет, украшенных цветами. Старший Дар с князем

и нарядными супругами выехали на первой карете, следом за ними – мы с Лилией и Тьяной. Далее следовали братья моих подружек и остальные родственники. Великолепные лошади, тоже украшенные цветами и лентами, медленно шли в сопровождении риирского караула. Позади и сбоку двигалась галдящая, разноцветная женская толпа.

Стоило процессии выехать за ворота поместья на тракт, воздух разорвал жуткий звук – женский плач... Вздрыгнув от испуга, я судорожно осмотрелась: что случилось?! К плачу добавились резкие звуки скрипок, словно кто-то рвал струны. Усмехнувшись, Тьяна успокаивающе положила ладошку мне на руку:

– Испугалась! Не нервничай. Это свадебный обычай такой: провожая невесту в другой род, женщины клана рыдают. Чем громче, тем лучше – значит, девушка ценная и достойная. Вот!

– По-моему, они себе еще и помощниц пригласили, – буркнула Лилия, слегка поморщившись.

Тем временем плач превращался в надрывный вой. А карету начали засыпать черными цветами, будто одних риирцев в черном мало. Чем я не преминула поделиться:

– У меня ощущение, что это не свадьба, а похороны!

Лилия захихикала, пряча улыбку в платочке:

– Ничего, сейчас подальше отъедем, и затихнет.

Зря я на это надеялась. Как только вой стих, сопровождающие свадебную процессию женщины затянули не менее жалобную песню. А так как к ним по мере приближения к городу присоединялись новые и новые «певицы», вскоре я чувствовала себя оглохшей и уставшей от «музыкального» сопровождения.

Наконец подъехали к празднично убранному цветочными гирляндами столичному Храму Всем Богам Эйра, возле которого нас встретили жрецы. К моей радости, заунывная песня оборвалась. В руки к Хейго я почти рухнула, с облегчением признавшись:

– Я представляла свою свадьбу более счастливым событием, чем это.

– А я мечтаю о том, что будет после нее. И тебе советую, – проказливо отозвался он.

Жрец на ступенях храма замер едва не со скорбным лицом. Недовольно окинул взглядом риирцев, на мне его взгляд немного потеплел, на старшем Даре стал жарким и благодарным. Дальше мы слушали хвалебные речи темным, спасшим людей от «белой напасти», и мне, слабой женщине, свершившей подвиг. Хорошо говорил, проникновенно, даже неудобно стало. Затем воздал за особые заслуги роду Дар и князьям

Мортан, вырастившим достойных дочерей. Истово благодарил богов. Я воспряла духом и внимала, мысленно посылая высшим свое «спасибо».

Потом заговорил о семейных ценностях, особенно послушании жен и рождении детей. Когда речь зашла о труде и прочих качествах достойного человека, жрец закашлялся – поймал мрачный золотистый взгляд одного из темных – и, отдав службе говорильник (так называют артефакт, усиливающий голос на всю храмовую площадь), пригласил нас пройти в храм.

Обряд бракосочетания приостановился: в кульминационный момент на руки жреца, в которых он держал наши ладони, собираясь соединить, заползла пара «змеек». Жрец, неожиданно по-бабьи взвизгнув, отпрыгнул от нас. Я сильно волновалась, Хейго, видимо, тоже, вот Тьма и «постаралась». В чувство служителя Богини Любви и Брака привел суровый, обещающий скорую кару взгляд князя, а храбрости ему придал увесистый кошель главы надальских купцов.

Тем удивительнее было по завершении церемонии наблюдать отклик богини. Над нашими скрещенными ладонями вспыхнул яркий свет, прошел через зеркала и золотистым лучом устремился в небеса сквозь отверстие в куполе храма. Наши кисти обвили золотистые рунические браслеты и под восторженный вскрик жреца тут же впитались в кожу.

– Вы истинно любите, дети мои, – выдохнул он, устремив взгляд вверх, словно думал там увидеть богиню.

– На наших свадьбах тоже богиня откликалась, – с гордостью сообщила Тьяна жрецу, – значит, боги поддерживают и одобряют появление риирцев на Эйре.

Старый храмовник недоверчиво осмотрел необычные супружеские пары, но спорить не стал, стало быть, даровский кошель придал ему благостного настроения.

Из храма я вышла женой Хейго на законных, да еще и освященных богиней основаниях. На площади нас встретили радостные крики и поздравления. Шум, гам, вопли... Мужу пришлось защищать меня от летящих букетов. Традиция у надальцев такая: кто попадет в молодых цветком, тот скоро обретет семейное счастье. Но кидаться целыми букетами... Может, народ не обычаи блюдет, а просто мелко мстит проклятой невесте?!

Очередной, метко брошенный букет не успел долететь, «съеденный» Тьмой внешне невозмутимого Хейго. После этого цветы бросали очень-очень осторожно. Но у кого на свадьбах не случались маленькие

неприятности и конфузы, пусть кинет в меня букетом! А на свадьбы в Дармаше я насмотрелась за неимением других развлечений, кроме житейских событий у соседей.

Совсем недавно я даже мечтать не могла о семье и муже, а сейчас мы с Хейго вдвоем сели в карету не хуже королевской. Нас сопровождали представители трех сильнейших кланов Эйра, которые стали мне, по сути, семьей. Подумаешь – шумно? Зато празднично, нарядно, весело. Риирцы одаривали меня улыбками искренне, от души. Князь Мортан остался доволен новой родственницей. Батюшка Дар сиял, что начищенный золотой, королем восседая в другой карете и снисходительно взирая на своих подданных – многочисленный торговый люд Надаля. Его могуществу теперь сам бог Подземного мира не страшен.

Лилия и Тьяна улыбались в объятиях своих половинок. В общем, день удался. Главное – свадебное застолье пережить, а потом покой и... первая брачная ночь.

Я опять начала волноваться. Ох, какая же жизнь у меня... насыщенная!

Глава 22

Любовь! О, как же ты прекрасна!

Наконец-то мы попали в наши покои!

Первая брачная ночь уже не так пугала неизвестностью и, возможно, болью, как перспектива участия в шумном празднике с наступлением вечерних сумерек. Вернее будет сказать, в многоголосом хаосе, что творился в поместье Даров прямо под открытым небом, по прошествии нескольких часов вызывавшем глухое раздражение.

Даже большая зала в этом гостеприимном доме не вместила бы столько народу, прибывшего на нашу свадьбу. Угощение приготовили выше всех похвал. Причем всего-то за неделю. Вино лилось рекой. Тосты, поздравления, подарки. Прибыли даже надальские князья, эрлы, как их называют здесь. Помимо собственных даров они доставили подарок и свиток с поздравлениями от своего короля, или надэра.

Весьма неожиданным стал визит двух супружеских пар из мелкопоместных цветанских аристократов, пробившихся к нам с мужем сквозь плотное кольцо риирцев, Даров и Мортанов, чтобы лично приветствовать и выразить почтение. Удивительно: стоило вести о свадьбе проклятой принцессы Оливии Малина разлететься по городам и весям стараниями моих новых родственников, обо мне вспомнили бывшие подданные. Увы, но порадовать соотечественников возвращением себе трона Цветаны, а им – потерянных земель и богатств я не могла. Более того, с грустной усмешкой в душе отметила страх, который они, будучи магами, не смогли скрыть, увидев на моем лице отметины Тьмы.

Спустя некоторое время зоркая Тьяна легонько толкнула меня локтем в бок, глазами показывая на этих гостей, которые, узнав об изменениях на родине, все-таки остались на свадьбе, не то вняв моей просьбе, не то благодаря радушию хозяев. Тем не менее мне было приятно увидеть их здесь, ведь на портал потратились и на подарок. Держась вместе, они опасливо наблюдали за темными, прислушивались к разговорам непринужденно веселящихся надальцев и, по неприкрытому любопытству в глазах видно, пытались выяснить, что да как будет дальше.

Время от времени посматривая на своих высокородных соотечественников, я отмечала, что настороженность и страх притупились, и теперь они угощались терпким дорогим вином за разговором с двумя

старшими братьями Тьяны. По лицам цветанцев скользили самые разные эмоции, быстро сменяя друг друга: от неверия до горячего интереса. Купцам Дар не занимать воображения и не привыкать расхваливать товар. Наверняка они расписывали этим гостям преимущества Риира и будущее процветание избавленного от белых полуострова.

Только я улыбнулась с облегчением – грянул бал. И пока все желающие размяться объевшиеся кавалеры, как забавно выразилась Тьяна, приглашали дам, Хейго под шумок, вернее, под музыку, решительно увел меня с этого праздника жизни. Тем более, по словам Шейго, не отступавшего от своей половинки ни на шаг, веселиться гости будут до рассвета. А Сайло добавил – до упаду.

Мы встали у дверей и словно не решались сделать последний шаг.

– Дар сказал, что муж должен перенести молодую жену за порог на руках, но перед тем надо разорвать невестино платье, оставив прошлое за дверью...

– Ты что? Ни в коем случае! – испугалась я и руками прикрыла лиф платья. – Это традиции надальцев, а я цветанка. У нас невестино платье год шьют и передают из поколения в поколение, а мое стоит столько, что половину города купить можно. А ты его... порвать хочешь?! Не дам!

– Хорошо, не буду рвать, давай через порог перенесу, – согласился мой темный муж, подхватывая меня на руки.

Охнув от неожиданности, я инстинктивно прильнула к нему, обвив крепкую мужскую шею руками. Хейго открыл дверь, потом сразу же закрыл ее за нами ногой. Выглянув из-за его плеча, я увидела, как вдоль стен побежали тоненькие ниточки-паутинки Тьмы, словно защита от посторонних или непрошенных гостей.

– Ты думаешь, на нас могут напасть? – заволновалась я.

– С чего ты решила? – попытался увильнуть от ответа Хейго, неторопливо ступая в сторону спальни по розовым лепесткам мимо накрытого закусками и вином стола.

Несколько свежих роскошных букетов благоухали ароматами лета.

– Хейго, ты сплел вокруг нас кокон из Тьмы!

Даже досада взяла: опять темнит.

– Я элементарь, – неохотно начал муж, – мы накапливаем...

– Да помню, помню – любой опыт, – поторопила я, слегка отстранившись и посмотрев ему в глаза.

Хейго прижал меня еще сильнее, прежде чем повергнуть в изумление, потому что признался:

– Из прежнего опыта знаю: мои одинокие соплеменники порой

забывают о том, что другие могут быть заняты... своей половинкой. И явиться в самый неподходящий момент.

– И замучают советами?! – посочувствовала я.

Мы мгновение-другое смотрели друг на друга, а затем громко рассмеялись.

Правда, смех резко оборвался, потому что оба ощутили наконец и уединение, и наступившую ночь. За окном громко стрекотали кузнечики, соревнуясь с доносившимися сюда глухими звуками продолжавшегося веселья, мелькали тени ночных птиц и мотыльков. К счастью, окна крыла с покоем выходили на другую сторону дома. Тяжелая, тканная золотой нитью оконная штора мягко колыбалась на летнем ветерке, который проказливо метнулся в глубь спальни, шевельнув портьеры. Добрался до кровати, тронул белоснежные простыни и тонкие узорчатые покрывала, словно на правах хозяина этой страны приглашал гостей окунуться в мягкую, хрусткую чистоту постели и... неизвестность.

Я быстро отвела взгляд от кровати и уставилась на носки своих кремовых туфель, выглядывающих из-под подола.

– Не бойся, Оли, я с тобой!

Сначала дыхание Хейго согрело мой висок, затем он коснулся его губами и, осторожно опустив меня на ноги, помог встать. Плавное развернуло к себе спиной – и тут же смел мое удивление и едва не вырвавшийся вопрос «зачем», начав расстегивать мелкие пуговицы-жемчужинки на спине. Как ни странно, я не чувствовала его раздражения или нетерпения от того, что ему приходится заниматься работой прислуги. Мужчина, который тратит время на осторожное разоблачение новобрачной вместо того, чтобы по традициям надальцев без затей сорвать свадебное платье, в очередной раз приятно удивил.

В душе благодарность к мужу смешивалась со смущением и немного пугающим, будоражащим возбуждением, любопытством и уже испытанным вожделением и томлением, что неизменно охватывали, когда я

была рядом с Хейго. Особенно в его объятиях, особенно по утрам, когда он будил меня поцелуями и ласками, был нежен и терпелив.

Пальцы мужа касались моей обнаженной спины, посылая по коже волну мурашек и дрожи. Я придержала платье на груди и склонила голову – захотелось, чтобы губы Хейго прошлись по каждому позвонку, тронули местечко за ухом, о котором до него не догадывалась, не знала, насколько оно чувствительное.

Муж не спешил, я чувствовала его эмоции как свои, – наслаждался тем, что раздевал меня. Наконец расстегнул пуговички до талии и с тяжелым рваным вздохом положил широкую сильную ладонь у основания моей шеи. Затем медленно-медленно огладил спину до самого копчика. Потом снова поднялся вверх, приласкал лопатки, плечи, развел пальцы и вновь задержал ладонь на шее. Возможно, с другим мужчиной я бы занервничала, зная о крепкой хватке, нетерпении, жестком, доминирующем праве. Но не с Хейго. И он оправдал мое доверие – осторожно погладил шею у основания головы, затем размял уставшие за день мышцы.

Я тянулась за ласками, как в тумане наслаждаясь прикосновениями волшебных пальцев моего темного мага, даривших непередаваемо сладостные ощущения. Затем он плавно отвел мои руки от корсажа и помог платью скользнуть вниз. Я словно очнулась от чар, когда платье шелковым белым облаком с шорохом упало к ногам вместе с пышной нижней юбкой. Хотела обернуться, чтобы взглянуть на мужа, но, тихо ойкнув от неожиданности, вновь оказалась у него на руках.

Хейго вновь поставил меня на ноги, а сам сел на край кровати, развернув лицом к себе. Пламя свечей в тяжелых канделябрах, освещавшее лицо моего темного, добавляло ему таинственности и... иномирности. Я заглянула в его стремительно темнеющие глаза и вспомнила, что осталась в тоненькой рубашке, чулках и туфлях. Смутилась и неосознанно вскинула руки прикрыться. А он усмехнулся – и через мгновение на нем остались лишь брюки.

– Не хочу тебя пугать раньше времени, – еще шире улыбнулся он, стоило ему поймать мой недоуменный опасливый взгляд, брошенный на его штаны.

– И напугал еще больше, – буркнула в ответ, чувствуя, как запылали мои щеки.

Легкий смех Хейго истаял как утренний туман. Он потянулся к вороту нижней рубашки. Я напряглась: голый меня ни один мужчина не видел до сего дня. Он аккуратно распустил завязки и спустил рубашку, обнажив меня по пояс, открыв полную грудь с призывно заострившимися розовыми

вершинками. Погладил мои плечи, руки, потом положил ладони на грудь.

Странно, я же слышала разговоры служанок о потере невинности, о первой брачной ночи у высокородных. Почему-то у меня сложилось впечатление, что все происходит быстро. Больно. Часто – неприятно для девицы. А у нас все идет как-то очень неторопливо.

Но мне нравится! Я отчасти успокоилась и с трепетом наблюдала за руками мужа на своем теле, доставлявшими приятные ощущения, посылавшими теплую волну в низ живота. Удивительное дело, меня все больше возбуждали его ласки. Особенно взгляд, потемневший до черноты, но нисколько не пугавший, а наоборот, притягивающий, приглашавший погрузиться в нее.

И все же я на всякий случай уточнила:

– Ты точно знаешь, как... это происходит?

– Что, Оли? – усмехнулся Хейго.

– Ну-у... брачная ночь у супругов... о-о-о... – стыдливо шепнула я, глядя как он, подцепив рубашку, стягивает ее вниз, ладонями почти обжигая мою кожу.

Невесомая ткань, щекотно коснувшись бедер, упала, а на мне остались тоненькие шелковые панталончики с кружевами и чулки с туфлями. Но Хейго они не мешали, он начал так же неспешно ласкать мою грудь, слегка сминая полные полушария и привлекая меня к себе.

– Я же говорил тебе, Ягодка, что этот опыт тоже приобрел. Откуда сомнения? Я чувствую, что тебе все нравится.

Сжав кулаки, чтобы не поддаться смущению и не прикрыться, я сделала шаг, встала между его ног – и почему-то оробела коснуться в ответ своего темного, провести по широким мускулистым плечам, груди, потрогать рыжеватые жесткие волосы, как делала не раз.

– Просто ты нетороплив, и...

Высказать сомнения я не успела. Хейго провел ладонями от моей груди до живота, обнял бедра. И вдруг будто кто-то дверь приоткрыл, а в щель ворвался ветер – муж позволил мне ощутить свои эмоции: возбуждение и наслаждение разливались, словно лава.

– Оли, просто тебе не понять сейчас, что я в полной мере чувствую, ощущаю. Пока я закрываюсь от тебя, чтобы мы оба не сорвались. Я должен сделать все правильно, ведь обещал, что этот день станет для тебя счастливым.

– Он уже счастливый, – прошептала я, оглушенная эмоциональным шквалом.

А Хейго словно не слышал, резко притиснул меня к себе и, носом

уткнувшись в мою грудь, жадно вдохнул. Потом покрыл поцелуями, проложил горячими губами дорожку к животу. Дальше исчезли мои панталончики – Тьма «съела».

– Моя Оли!

– Теперь уж точно твоя, – смущенно пытаюсь прикрыть срам рукой, согласилась я, переступая с ноги на ногу и скидывая туфельки, чтобы случайно не достались Голодной Даме.

– Нет, ни ты, ни один человек не поймет, насколько это важные для любого риирца слова! – глухо прошелестел Хейго, настойчиво возвращая мои руки на прежнее «место». – Моя женщина! Наше тепло! Моя семья!

– Ты ошибаешься, милый. Люди тоже дорожат семьей и... любят друг друга, – возразила я.

У меня в груди кольнуло – собственные безответные чувства дали о себе знать. Хейго тоже ощутил этот болезненный укол. Вскинул внимательный взгляд на мое лицо, затем, словно пытаюсь забраться мне в душу, поведал:

– Столько лет нести бремя долга судии. Знать, что можешь, но не имеешь права на семью и тепло. А потом потерять даже долг и служение Риiru. Потерять целый мир и всех, кого знал. – Я зарылась пальцами в его волосы и поглаживала, передавая поддержку и сочувствие. Муж придерживал меня, положив руки на обнаженные ягодицы. – Десять лет мы были изгоями в мире, где, кажется, нас ничто не ожидало, были лишними и ненужными. Пока не появилась Тьяна.

– Повезло... – хрипло призналась я, едва держась на ногах.

Не прекращая меня ласкать, не давая разорвать наш зрительный контакт, Хейго продолжал признания:

– Знаешь, что я испытал... нет, каждый из нас, когда выяснилось, что Тьяна – половинка Шейго?! Дикую, беспросветную зависть. Мы понимали, что это чудо, скорее всего, неповторимо. А потом с нами случилась Лилия – и надежда вспыхнула вновь!

– Ох, – выдохнула я потрясенно, когда руки Хейго пробрались к внутренней, очень чувствительной стороне бедер, – и оказалась у него на коленях, оседлав его бедра.

Он обхватил мою голову и коснулся моих губ своими.

– Потом встретил тебя в Тартусе. И успел удержать, когда ты падала в обморок, увидев меня.

– Это от неожиданности. С непривычки и от усталости, – виновато улыбнулась в ответ. – Прости, пожалуйста. Так глупо вышло.

– Тогда я отнес тебя в комнату...

– Это из-за тебя мне сменили покои? – догадалась я.

– Да. Король Дармаша тоже удивился, увидев, куда тебя определил комендант форта. И сразу разжаловал его.

– Ого!

Вот это новости!

Сидеть обнаженной на коленях у мужчины, ощущать его горячую кожу своей, касаться грудью его груди и при этом вести разговоры... было невероятным... опытом. Теперь я не боялась неизвестности – не сгореть бы от того огня, что собирался внизу живота и между ног.

Хейго то оглаживал мои ягодицы, то пробегал руками по спине, то зарывался пальцами в волосы и продолжал говорить:

– Потом ты удивила нас, узнав меня из семерых, подарив надежду. Мне хотелось думать, что ты нечто большее, чем просто одна из женщин.

– Я маг земли и принцесса Цветанская, и поэтому действительно больше, чем обычная женщина, – шепнула я, подаваясь к своему риирцу, чтобы быть еще ближе, теснее.

Желание горячило кровь, она бежала по венам все быстрее благодаря губам Хейго, целовавшего мое лицо, выдыхавшего признания:

– Ваша магия – ничто. Белые это доказали. Да и статусы ваши, по большому счету, ничего не значат для нас. Главное – сила души, огонь в твоей крови, которая согреет любого риирца. А достался он только мне, одному.

– Жадина... – всхлипнула от избытка ощущений: пальцы Хейго творили чудеса с моим телом, пробираясь в самые потаенные уголки.

В какой-то момент я поняла, что штанов на Хейго тоже больше нет, но не испугалась, а еще больше распалилась, даже осмелилась поерзать, чтобы плотнее ощутить его крепкие бедра.

– Ты моя, Оли. Ты во мне всегда. А я в тебе. Неразделимые и единые во всем. Ты поймешь это немного позже. Пока я один в полной мере чувствую и сгораю. И твою пустоту, к сожалению, тоже ощущаю, но надеюсь, что со временем ты заполнишь ее ответным огнем.

– Пустоту? – удивленно выдохнула я, оторвавшись от его губ.

– Вы, люди, называете это любовью. Мы же ощущаем внутреннее пламя.

– Горите? Горите от любви? – Я словно вынырнула из страстного тумана от удивления.

Размытый шлейф – и через миг я лежала спиной на кровати, а муж склонился надо мной, вклинившись между моих ног. Аккуратно вытащил из волос диадему, шпильки, отложил в сторону и пристально посмотрел,

вновь навевая мысль, что пытается забраться не только мне под кожу, но и в душу.

– Да. Тьма сложно реагирует на сильные эмоции, а любовь заставляет ее гореть, – прозвучало из его уст почему-то горькое признание. – И если чувство не обоюдное, то как бы выжигает меня изнутри. Раньше я замерзал от холода, а теперь – плавлюсь от нестерпимого жара.

Я вытаращилась на Хейго, наконец догадавшись, что он сейчас признался, что любит меня! И когда до моего расплавленного желанием сознания дошло, что любит без взаимности, шумно выдохнула и легко, беззаботно рассмеялась. А почувствовав темное, мрачное шевеление у себя внутри, с широкой улыбкой сказала:

– Знаешь, похоже, мы оба закрывались друг от друга вместо того, чтобы просто признаться, что оба любим! – Радость, робкая, неуверенная расправляла крылья в том самом месте, где только что ворчала Тьма. – Видишь ли, у людей не принято, чтобы женщина первой признавалась в любви, навязывала свои чувства мужчине. Поэтому мне пришлось прятать их и страдать молча.

– Глупенькая моя, – довольно прошелестел Хейго.

Судя по собственным ощущениям, его, как говорят, отпустило.

– Ты тоже не больно отличился сообразительностью, – счастливо попеняла я, обнимая любимого за шею. Затем вдохнула полной грудью и громко призналась всему миру в своих чувствах, раскрываясь душой перед любимым: – Я люблю тебя, Хейго!

И буквально захлебнулась в ответных чувствах. Больше не сдерживаемые эмоции Хейго затопили меня, увлекли в сладостный жаркий водоворот, в котором я уже не могла определить, где его чувства и ощущения, а где мои. Где его руки и губы, а где мои. Наши тела сплелись в жаркий вихрь, сначала поднимавший нас вверх в диком возбуждении и страсти, а затем летевший вниз, чтобы мы успели прочувствовать сладостный миг одного на двоих удовольствия.

В себя я пришла совершенно без сил на груди у мужа. Потерлась об нее щекой и устроилась поудобнее на большом, мускулистом, живом «ложе».

– Ну давай, – неожиданно предложил он.

– Что именно? – устало переспросила я. Любовь, оказывается, выматывает.

– Сайло и Шейго предупредили, что после хм-м-м... любовных утех женщин тянет поговорить.

Помолчав, я буркнула:

– Напомни мне внести в учебник для половинок, что риирцы слишком полагаются на советы соплеменников и всех людей ровняют под одну гребенку.

– То есть не всех женщин тянет поговорить? – разочарованно уточнил Хейго.

Понятно, раз хочет поговорить, пожалуйста:

– Не знаю, я только стала женщиной. Может, и не всех. – Сладко зевнула и немного иронично добавила: – Но, кажется, среди риирцев есть мужчины, которых как раз тянет поболтать.

Мы еще помолчали. Я снова потерлась о грудь моего «разговорчивого» темного щекой, устраиваясь у него под боком, чтобы наконец заснуть. И в этот момент мне передалось его волнение, а затем он резко перевернул меня на спину.

– Что случилось? – всполошилась и я.

– Я забыл про метку! – ответил муж, сдвигая с меня простыню.

Я попыталась прикрыться, но муж не позволил, а дальше в некотором недоумении наблюдала, как он указательным пальцем водил вокруг моего пупка, рисуя странную спираль, тонкая нить которой начиналась у холмика волос и петляла к пупку, как бы перетекая в него. Странное магическое действие происходило под шепот Хейго на неизвестном языке. Так проникновенно и истово, словно он молитву читал.

– Что ты сделал? – нервно спросила я, когда Тьма вспыхнула черным пламенем, а на моей коже остался едва заметный спиралевидный след, видимый магическим зрением.

Муж невероятно собственническим жестом положил ладонь мне на живот, накрыв «спираль», а потом с откровенным восторгом посмотрел на меня:

– Это метка Тьмы, она поможет нашим детям родиться исключительно риирцами.

Я поднялась на локтях и возмущенно высказала:

– В каком смысле – только риирцами? И почему ты не обсудил этого со мной? Может, я была бы против, и...

Хейго, едва не облизываясь, посмотрел на мою обнаженную грудь, мотнул головой и был неумолим:

– Представителей моей расы всего сто пятьдесят. Да, мы нашли способ получить потомство от людей. Но сколько пройдет времени, пока кровь людей не разбавит нашу настолько, что элементали Тьмы просто исчезнут с лица Эйра?

– Э... но...

Я запнулась с дальнейшими обвинениями.

Подумав немного, признала, что Хейго прав: всего два-три поколения – и риирцев не станет. Сохранится лишь тень магии темных в крови их потомков.

– Но тогда от моего рода тоже никого не останется, – горько всхлипнула я.

– Я понимаю, что ставлю тебя перед трудным выбором, но на кону существование целой расы и небольшого рода многочисленных людей. Что важнее – подумай. Пойми.

Судорожно вздохнув, я отвернулась от мужа, свернулась в клубочек и со слезами в голосе выдавила:

– Понимаю...

– Прости за боль, я вновь заставил тебя страдать. Никогда бы так не поступил, если бы не судьба Риира. От огромного мира остались жалкие крохи. Если боги дали нам, единственным, второй шанс, оставив всего сто пятьдесят судий-мужчин, мы обязаны сделать все, чтобы возродить, спасти свой народ. И даже в какой-то мере помочь и людям. Кто знает, вполне возможно, нас спасли именно из-за Эйра.

Недавно я сама думала так же. На душе полегчало, и я повернулась к Хейго:

– Вы правда так считаете?

– Правда, – кивнул он с мягкой, извиняющейся улыбкой, лаская меня нежным взглядом.

Я прикрыла глаза и снова оказалась в горячих объятиях любимого. Полежав немного в тишине, успокоившись, спросила:

– Ты спишь?

– Нет, – хмыкнул Хейго.

– Пройдет совсем немного лет, и во дворце будет не протолкнуться.

– Вполне возможно.

– Там больно от воспоминаний, – призналась я и поделилась сокровенным желанием: – Может, мы построим свой дом? Или... В закрытой для посторонних части парка, ну... раньше закрытой, стоит дом. Его называли домиком садовника, но на самом деле в свое время мой дед построил его для фаворитки. Однако ситуация с королевскими... привязанностями скоро изменилась, и там устраивали пикники и небольшие семейные праздники.

– Он тебе нравится? – с сомнением спросил Хейго.

– Да, дом достаточно большой, в нем несколько уютных комнат. Он вполне подойдет для семьи. Его обустраивали тщательно, с любовью. Там

есть все для обычной семейной жизни. Рядом большой сад, пруд. Я постоянно там бывала, развела огромный розарий. По сути, это часть моего прошлого, дома, которого больше нет. Хотя, конечно, я не рассчитывала, что останусь в Цветане до конца жизни. Мне предстояло составить партию какому-нибудь принцу...

– Если это твое желание, значит, я уведомлю Совет, что теперь это наш дом, – твердо заявил Хейго, не дожидаясь, когда я закончу. Видимо, даже предположение о другом мужчине в моей жизни ему не по нраву.

Я с восторгом кинулась к нему целоваться. И скоро мы так «воспламенились», что дальше было не до разговоров. Засыпала я с мыслью о любимом и о том, что моя первая брачная ночь, как он обещал, оказалась незабываемой и счастливой.

Глава 23

Визиты

Ночь! Тишина! Дармаш. Королевский дворец, конечно, не спит, но гостиная его величества Бариуса Семнадцатого, куда мы с Хейго вышли из портала, дышит покоем и уединением. Оглядевшись, невольно обменялись взглядами. Он – хмыкнул насмешливо, я – озорно хихикнула.

Вот он, мой день мести! Признаться, мелкой и отчасти детской, но на большее я не способна, да и риирцы создают свое государство в новом мире, где им нужны союзники и партнеры.

К этой встрече я готовилась не меньше, чем к свадьбе! Специально надела траурный наряд, который должен усилить впечатление от ползающих по мне «гадов». Черное шелковое платье с искорками блесков, бисера и стекла, с приоткрытыми плечами и обманчиво-скромным декольте, подчеркнутым цепочкой с черным агатом в виде большой капли в россыпи мелких бриллиантов. Никаких шуб или накидок я не взяла. Пусть мой родственник мается, гадает, от чего мне тепло: то ли Тьма согревает, то ли белые испарились вместе с их магией, а он до сих пор о том не знает. Меня распирало мстительное веселье.

В покоях короля Дармаша я не была ни разу. Поэтому с любопытством осмотрелась: да, по-королевски роскошная гостиная, хорошо освещенная полной луной, заглядывающей в открытые высокие стрельчатые окна. Выдержана в бежево-коричневых, теплых тонах. Искусные гобелены, золоченые подсвечники – в сущности, ничего необычного. Быт в Цветане и в этом королевстве не слишком различался. Как и речь, и нравы, и многое другое.

Мы прошли к спальне. Хейго легко толкнул двери. Главный обманщик Эйра сидел в глубоком кресле рядом с канделябром на пять свечей, поглощенный чтением какой-то толстой книги.

Заметив нас в дверном проеме, Бариус вытаращился, смешно приоткрыв рот, словно на диво дивное. А я совсем неприлично устала на него, одного из сильнейших, хитрейших и коварнейших королей Эйра, представшего передо мной в белой ночной рубашке до пят, меховых тапках (это в летнюю душную ночь!) и белом ночном колпаке на макушке. С виду этаким добрым Духом Сна, которого призывают к больным или беспокойным детишкам, чтобы уснули.

– Жизни вам желаем, – прошелестел приветственную фразу риирцев Хейго.

Я тоже привыкла к ней за время общения с темными и невольно начала повторять.

– Вы? – наконец обрел дар речи король Дармаша. – Здесь? Как? А где моя охра... а, вы не через двери...

– Да, ваше величество, двери и стены, впрочем, как и охрана, для нас не преграда, – мрачно усмехнулась я, глядя в глаза человеку, которого еще совсем недавно люто ненавидела.

А сейчас не знаю, что к нему испытываю. За время тяжелейшего похода, после погибшей Цветаны и Шандара, после сотен ходячих трупов ненависть точно ушла, оставив горечь и грусть. С остальным душевным «наследием» предстоит разобраться в ходе этого визита.

– Для вас? – насторожился Бариус, заинтересовавшись обобщением «нас».

– Да, для нас! – не без злорадства подтвердила занятный для мага-человека факт. – Благодаря походу, в который вы меня с легкой руки отправили, я обрела любовь и супруга.

Король молчал. Видимо, эта новость не стала для старого интригана полной неожиданностью, и он определялся со своим отношением к ней.

– Позвольте я присяду!

Не дожидаясь приглашения, прошла к соседнему креслу и села, отклонившись на спинку. Хейго встал за моей спиной, словно скала. Наше чересчур близкое соседство явно начало нервировать его величество. Перчатки я тоже надевать не стала. Подняв словно бы в задумчивости руку, «играла» с Тьмой, сгибая пальцы и посылая «змеек» в центр ладони.

Мой дармашский родственник хрипло спросил:

– Значит, новости из Надаля не пустые слухи? И ты...

– Да, верно, – ровным, лишенным эмоций голосом подтвердил Хейго. – Принцесса Оливия Цветанская стала риирской подданной и моей женой.

– Ваше величество, надеюсь, слухи донесли до вас, что боги Эйра одобрили наш союз? – весело поинтересовалась я.

– Что с тобой произошло, Оливия? – с нескрываемым ужасом и отвращением спросил король. – Что ползает по тебе?

Я легко и беззаботно рассмеялась: ради этого, пусть и сиюминутного страха на лице его величества, собственно, и затевался наш поздний визит.

– Это, – нарочно покрутила руками, играя Тьмой, – муж меня оберегает. В отличие от благородных могущественных родственников, он

всегда хранит обеты, честь и членов своей семьи, – насмешливо продолжила я. – Не вышвыривает из дворца, не посылает на смерть недрогнувшей рукой. Не раздает договора и клятвы, заранее зная, что это пустой звук. Не дарит королевств, причем щедро, не скупясь, жаль, уже несуществующих. Но кто обращает внимание на подобные мелочи, не правда ли?

Его величество отложил книгу, устроился в кресле поглубже и вернул лицу нечитаемое выражение. И сразу перестал выглядеть смешным или старым, несмотря на одежду и колпак.

– Ты осталась жива – это главное! Мы отправили тебя под самой надежной на Эйре охраной. И будучи сейчас передо мной, ты доказала сей факт. А договор? Ты требовала невозможного, когда рушился целый мир. Как быть в подобной ситуации?

– Быть человеком! – возразила я. – Рассказать, объяснить, дать возможность принять и поступить правильно. Принять в семью.

Я замолчала, потому что поняла: все это сейчас стало неважным и ненужным.

– Мы выполнили договор, – вновь в нужный момент, когда я не могла найти слов, вмешался Хейго. – В полном объеме. Очистили Эйр от белых. Если остались единичные экземпляры, они скоро погибнут за Гранью. Мы уверены, что благодаря резкому потеплению и таянию снега на границе вы уже догадались.

– Да, но почему короли Эйра узнают последними о том, что угроза миновала? Весь Надаль еще неделю назад отмечал сие событие, а мы должны ждать доклада...

– Риирец всегда держит слово. Всегда и во всем, – ледяным голосом оборвал короля Хейго. – Мы выполнили договор, о чем цвет магической печати дал вам знать. Теперь вступили в силу ваши обязательства. А докладывать кому бы то ни было – не наша задача. Мы не ваши подданные или подчиненные.

У его величества дернулся уголок рта и руки сжались на подлокотниках кресла.

– Мы понимаем, но было бы правильным, если бы нас известили сразу после победы. Мы бы организовали миссию, которая официально передала бы вам земли Цветаны и определила новые границы...

Я зло фыркнула, совсем не как принцесса. А Хейго тем же ровным, ледяным тоном продолжил «ставить короля на место»:

– Согласно вашей конвенции Дорштада, ни вы лично, ни каждый по отдельности, ни все короли Эйра вместе не имеют полномочий передать

нам корону и земли Цветаны. Особенно пока жива последняя и, главное, законная наследница.

– Этот случай – исключение! – воскликнул Бариус Семнадцатый, потеряв апломб и уверенность. – К тому же вы провели с наследницей брачный обряд. Теперь все более чем законно.

– Совет Риира решил предупредить вас и каждую наследную династию: попытки обмануть, увильнуть от исполнения каждого пункта договора, создание лазеек для подобных проволочек повлекут за собой смерть. Вас и ваших наследников.

– Мы еще живы – значит, договор соблюдается, – нервно протестовал король.

Я подняла голову, любуясь мужем. Еще перед переходом сюда мы договорились, что для пущей убедительности он не будет менять облик, а останется «плащом». Хейго, не обращая внимания на короля, ласково погладил пальцами мое лицо, успокаивая. Следом от него пришла горячая волна любви и нежности. Затем он перевел взгляд на свидетеля этой сцены, наблюдавшего за нами с весьма большим интересом:

– Запомните, ваше величество, и передайте другим. Ваша «ошибка» с передачей нам прав на Цветану стоит вам Шандара и Коралуса. Отныне все земли, что были захвачены белыми и отвоеваны риирцами, согласно конвенции Дорштада, принадлежат нам. Риiru. Вашими чародеями установлены магические вешки, так называемая Грань, которая разграничивала территорию людей и белых. Именно вы, люди, провели черту, которая указывает, где теперь начинаются земли Риира. Пересечение ее с военными действиями – смерть. Ваша и всех ваших наследников.

– Но это несправедливо! – возмутился его величество. – Белые захватили и часть земель Дармаша!

– За ошибки, ваше величество, должен платить каждый! – торжественно, с мрачным удовлетворением произнесла я. – О чем вы сами мне недавно говорили. Я плачу за ошибки деда, а вам должно быть легче, ведь вы платите исключительно за свои!

Мой двоюродный дядюшка как-то неожиданно словно съежился в кресле, устало сгорбился. Окинул нас с Хейго мрачным взглядом, а потом спросил у меня:

– Что там? За Гранью?

– Были лютый холод и смерть!

Подумала и коротко, но эмоционально поведала о своих приключениях, впечатлениях и диком страхе. Рассказала о белых, как мало их было и насколько они сильнее нас. О живых мертвецах – стражах на

службе у белых. Я видела, как на глазах старел король, осознавая истину: без темных мы бы погибли. И вероятнее всего, насколько сильны темные, раз за считанные дни устранили угрозу всему живому на Эйре.

– Как ты сама-то? – немного по-простецки, по-родственному и житейски хрипло спросил дядюшка-король.

– Как это ни удивительно, счастлива! – улыбнулась искренне. – Почти сразу после взятия дворца мы провели обряд очищения, и, вы не поверите, все боги откликнулись на наш призыв. Все! Высшие приняли и обогрели каждую душу погибшего цветанца. От столицы и ее окрестностей не осталось и следа, но теперь ничто не напоминает об огромном кладбище, которое там было. Остался Дворец Малина, он станет центром будущей столицы Риира, средоточием власти и правления.

– Все боги? – сипло переспросил король.

– Да, это было воистину потрясающее воображение божественное действо, – с придыханием призналась я.

Бариус пожевал губы, облизнул их, видно, что перенервничал, а потом тоже признался:

– При создании Грани мы... мы тоже проводили этот древний обряд, но никто из богов не откликнулся, не пришел на помощь.

– Видимо, вы не вложили эмоциональный посыл, а подошли к обряду формально, – спокойно пояснил Хейго, удивив и меня, и короля.

– Вы думаете? – осторожно переспросил Бариус.

– Уверен! – ответил Хейго. – В момент кульминации Оливия и Лилия, супруга риирца Сайло, чуть не выгорели полностью. Мне пришлось закрыть Оливию своей Тьмой. А Сайло – Лилию. И договариваться о поддержке с вашим Богом Смерти.

– Что? – потрясенно выдохнула я. – Почему вы нам не рассказали об этом?

Король, как и я, оторопело уставился на темного, оказывается, умеющего договариваться с богами.

– А зачем? – как ни в чем не бывало пожал плечами Хейго. – Не хотели вас тревожить по пустякам. И бог ваш оказался с подвохом: подбросил камешек, нас чуть не смыло. Не до разговоров было.

– Так это Он?

– Бог Смерти – с подвохом? – вслед за мной проскрипел его величество.

Мой невообразимый муж, оценив наше с дядюшкой потрясенное состояние, неожиданно усмехнулся и кивнул:

– Есть немного.

После длительного молчания я спросила о другом важном деле:

– Ваше величество, что с моим псом?

– Ждет тебя в Тартусе. За ним присматривает цветанка Нина с мужем, – ответил король, кажется уже пришедший в себя. – Только вчера мне доложили, что твой кобель вырос до устрашающих размеров, отожрался и гоняет кур. Теперь яиц в форте не сыщешь днем с огнем!

Я невольно улыбнулась: мой дурачок Пушистик, как же я по нему соскучилась. Мы немного помолчали, а потом его величество вспомнил о других государственных делах:

– Что будет с Коралусом и Шандаром?

– А что с ними должно быть? – удивился Хейго, но меня не проведешь, это он напоказ. – Выжгли все – и проблемы нет.

– В каком смысле – выжгли? – изумился король.

Догадавшись, как очищали земли темные, я пояснила вместо Хейго:

– Тьма – Дама голодная и всеядная, – не смогла удержаться от нотки снисходительного превосходства. – Когда риирцы ее отпускают, без надзора может скушать все: живое и неживое. Не переживайте, ваше величество, зато теперь земли Риира девственны, как при создании мира. И готовы к заселению подданными, присягнувшими на верность и желающими только мира и благоденствия. Кроме Цветаны, больше нет Коралуса и Шандара, теперь на полуострове – Риир. Милости просим.

– И тебя такое положение устраивает? – с хитрым блеском в глазах поинтересовался король.

Понятно! Снова интриги, политика, попытки использовать бывшую принцессу в своих интересах, только уже для влияния на темных.

– В отличие от людей, риирцам не важны мой статус, родословная, уровень силы. Важно только то, что я люблю и любима. Так что – да, меня все устраивает. Более чем. Хочу, чтобы каждый человек на Эйре знал, что принцесса Цветанская стала полноправной темной и за Риир готова голову сложить! Именно вы, короли Эйра, этому поспособствовали. Отвернулись, предали, послали на смерть. Вот и нечему удивляться.

– Я уже извинялся, и...

– И снова предали, – с грустной иронией сказала я. Потом старательно зловеще усмехнулась: – Благодарите высших, что темные преследуют мирные цели. И родство с последней королевой Малина из рода Дарана, который так легко отказался от своей дочери в трудную минуту. Трон Дармаша перешел бы при следующей коронации к другой династии.

Его величество поперхнулся воздухом, силясь что-то сказать, но благоразумно промолчал. Правда, когда мы встали по завершении

неурочного визита, он глухо и устало произнес:

– Прости, если сможешь, Оливия. Знаю, не поверишь, но я действительно сожалею. И в любой момент готов... поддержать тебя. Если будет надо.

Покивав в сомнениях о его обещании, я решила воспользоваться случаем:

– Ваше величество, думаю, вы знаете, что у меня есть небольшое поместье в столице, ставшее мне домом в изгнании. Я вложила в него много сил и не хотела бы продавать. Наоборот, раз вы готовы родственному поддержать меня, предлагаю вам подумать об установлении с Рииром дипломатических отношений. Ко взаимной выгоде.

Его величество замер, глядя на нас. Несколько мгновений молчал, видимо, тщательно обдумывая предложение. Наконец, медленно, явно стараясь скрыть тайное нежелание, ответил:

– Я готов рассмотреть ваше предложение, леди Оливия.

– Так вот, я хочу оставить поместье за собой или Рииром в качестве посольства, – решила не откладывать дело на потом, коль Бариус вынужденно согласился и не успел указать конкретный срок.

– Вы истинная дочь рода Малина, леди Оливия. – В голосе Бариуса чувствовалось уважение, а в глазах отразился интерес, смешанный с капелькой ехидства. – Мой указ будет готов завтра к полудню.

Я тайком торжествующе выдохнула и уже деловым тоном завершила разговор:

– Ваше величество, я буду признательна вам, если его доставят в контору королевского стряпчего на улице Оружейников.

Своим нежеланием расстаться с поместьем я поделилась с подругами. Они поддержали меня, а «риирский казначей» и потомственная купчиха Тьяна, которая, несомненно, предприимчивее и дальновиднее меня и больше знает о происходящем в Совете, предложила подумать на тему посольства Риира. А я вовремя вспомнила. И, кажется, все получилось!

Мы откланялись. Не знаю, как король, а я была вполне довольна аудиенцией. Прижалась к своему темному и с облегчением окунулась в объятия его Тьмы.

Утро мы встретили в моем дармашском поместье. Качались на качелях в саду, как самые обычные люди: Хейго в человеческой ипостаси, а я

переоделась в платье попроще из запасов оставшейся здесь одежды. Было бы жаль до слез продавать дом, приютивший, обогревший, подаривший надежду. Пристанище, в котором я так нуждалась, в которое столько сил вложила. Но новый день и новый дом ждут меня в Риире. А сюда мы будем наведываться, как получится. Тем более здесь могила мамы.

Потом мы отправились гулять по столице, зашли в контору стряпчего, где нас ждал обещанный королевский указ. Седовласый лар, владелец конторы, пообещал быстро подобрать хорошую, надежную прислугу для работы в будущем посольстве. Помощники стряпчего с неистовым любопытством таращились на нас с Хейго. Боялись до дрожи в руках, но усердно улыбались и пытались услужить. Документы подготовили быстро и аккуратно. Закончив с делами, мы отправились к маме.

На кладбище я провела много времени. Наверное, это утомило бы любого другого мужчину, но не Хейго. Он помогал приводить могилу в порядок, сидел рядом и делился теплом, пока я тихонько плакала и молилась. Благодаря моей магии на могильном холмике вовсю цвели цветы, посаженные по весне и многолетние, радуя глаз яркими красками и сочной зеленью. Подержав ладонь над могилой, Хейго сказал, что души бывшей королевы больше нет в этой земле, лишь бранные останки. Душа ее свободна и ушла на перерождение.

Из Дармаша мы «ушли» Тьмой в Тартус. Навели там шороху своим появлением, как сказала Нина, восторженно всплеснув руками. В подробностях рассказали о победе, порадовав магов-пограничников, которым скоро можно будет вернуться домой. Они догадывались, что за Гранью ситуация изменилась: тварей у границы не стало, заметно потеплело. Хотели проверить, что с той стороны творится, раздвинув магическую завесу, как для нас при переходе, но не вышло. Беспокоились, конечно, но маги дураками не были и кое-что сами сообразили, тем более по городам и весям уже шли слухи о победе темных над белыми и отважной принцессе.

Пушистик, завидев меня, чуть не затоптал, пытаясь запрыгнуть на руки всей своей немалой тушей. Его поселившаяся во мне Тьма никак не затронула. А я вся изгваздалась в начавшей оттаивать земле. Впрочем, несколько не расстроилась, потому что почувствовала ее отклик. Что может быть лучше для землянина, чем песнь оживающей земли?

Большим удовольствием было встретиться и поговорить с Ниной. Мы долго беседовали с ней и ее мужем за чаем, гостеприимно накрытым для нас новым комендантом форта, делились новостями. Под конец пригласили их переехать в Цветану-Риир. И супруги, уютившиеся с сыновьями на

чужбине в двух маленьких комнатках, с радостью согласились.

Договорились, что немного позже в Тартус придут темные для сопровождения первого обоза в Риир. С ним поедут первые переселенцы, которых наберет муж Нины. Удивительно, но моих соотечественников совершенно не пугали темные и клятва верности Рииру. Важнее было узнать, что за Гранью теперь будет спокойно и своя земля, а «служить и работать они привыкли».

Ближе к вечеру мы побывали на могиле Александры и отца. Больше не опасаясь белых, я очистила от снега землю вокруг розанов, чтобы к корням быстрее поступало тепло и свет. А потом снова плакала, только уже от счастья, правда, не без печали и горечи. Но ведь счастье бывает разного «вкуса», и порой нужно радоваться такому.

Когда закат окрасил верхушки гор у горизонта, Хейго перенес нас во дворец Малина. Со дня на день я займусь благоустройством бывшего домика садовника, и называться он будет домом Оливии и Хейго. Столько приятных дел впереди, что руки чешутся от нетерпения! И в груди все поет от радости.

Глава 24

Коронация

Семь «плащей» и двое риирцев в человеческом облике замерли вокруг нас с подругами. Тьяна и Лилия осматривали меня самым критичным образом: купеческая дочь норовила навесить на меня побольше бриллиантов, чтобы «представительница Риира выглядела достойно» (подразумевается богато), «дабы ни у кого мысли не закралось, что мы тут бедствуем». Княжеская дочь беспокоилась о выражении моего лица, чтобы «вид был суровый, королевский, а не как у побитого котеночка».

Замучили!

– Кто из нас принцесса Оливия Малина Риирская? – наконец возмутилась я, раздраженно одергивая шлейф парадного платья из жемчужной тафты. – Меня с пеленок учили этикету, торжественным выходам и прочим светским премудростям. И на коронации я уже была пять лет назад!

От моего резкого движения по стенам побежали радостные блики – это бриллианты на моей короне-диадеме и украшениях на шее и руках вспыхнули искрами, поймав солнечный лучик.

От дальнейших советов и придирчивого осмотра наряда нас отвлекли Хал и Кайго, одновременно появившиеся из темных порталов. Мы во главе с Тьяной сразу же подались к ним с животрепещущим вопросом:

– Ну, как все прошло?

Темные улыбнулись. Зеленые глаза Кайго и бирюзовые – Хала ярко вспыхнули, выражая довольство нашим любопытством и, видимо, собственным успехом.

– Саркофаг доставлен в Южную Морану в целости и сохранности! – скромно и кратко доложил Кайго.

Зато Хал наставительно нудным тоном продолжил:

– Исходя из того, что элементарно...

– Да-да, накапливают любой опыт! – Мы дружно отказались от предисловия, нетерпеливо потребовав: – Что дальше?

Другие риирцы посмеивались, а верный себе Хал обстоятельно продолжил:

– Мы любопытствовали, как моранцы труп своего великого святого принца хранят. Душа ушла, а смысл тело хранить?

– Ну и? – едва не взвыла Тьяна. – Я рожу быстрее, чем ты до главного дойдешь!

Хал бросил на ее живот пристальный, словно проникающий под кожу взгляд, и таким же занудно-спокойным тоном поправил:

– Родишь ты, положим, завтра. Хотя я могу и ошибиться. А насчет саркофага...

– Завтра? – Шейго стремительно придвинул жене стул, на который она сразу опустилась. Затем подняла взгляд на свою половинку и хрипло выдохнула: – И ты знал?

Шейго пожал плечами, соглашаясь:

– Элементаль нашего сына сформирован и готов увидеть этот мир. Да, думаю, сегодня или завтра.

Лилия напомнила тему разговора:

– Так что там с Дарием Венценосным?

Хал кивнул и продолжил вещать:

– Моранцы попеняли, что мы припозднились с возвратом саркофага, на месяц почти задержали, а их чародеи выложились, сохраняя тело великого героя нетронутым и как бы живым. Признаться, я был поражен умениями этих южан: тело мужчины действительно сохранилось в таком виде, будто его душа только покинула брентную оболочку.

– Я провел пару экспериментов... незаметно, – вмешался Кайго. – Никаких посмертных изменений в теле не обнаружил. Моранский способ «заморозки» надо взять на заметку. Таким образом можно смертельно раненных человеческих половинок сохранять для последующего излечения... или спасения.

– Вы из-за этого такие довольные вернулись? – разочарованно спросила я.

– Нет, – по меняющемуся лицу Хала скользнула усмешка. – Теперь у Риира есть еще один полноценный и очень хорошо к нам настроенный союзник. Настоящий.

– Почему?

Ни я, ни мои подруги никак не могли сообразить, в чем причина такого успеха. Мы втроем поехали глазами Хала и Кайго.

– Раз тело героя «живое», мы решили наладить отношения с моранцами.

– О, боги! – Вот теперь у меня зашевелились подозрения.

– Мы обменяли у Бога Подземного мира душу настоящего изверга-душегуба, приговоренного к смерти, на душу Дария Венценосного. Сейчас он живее всех живых.

Я застонала в отчаянии:

– Он наследник, причем первый и настоящий. А сейчас трон Южной Мораны занимает его праправнучатый племянник. Вы представляете, что натворили?

Кайго криво усмехнулся. И от этой гримасы скромного и молчаливого риирца почему-то стало не по себе. Недолго, потому что Хал в своей манере загундел:

– У правящей сейчас династии нет наследника мужского пола. А кронпринцесса – бесплодна. Там назревал небольшой королевский переворот в связи с отсутствием наследников по мужской линии. Мы предложили свою помощь королю Южной Мораны. Тот с радостью согласился и даже оплатил наши услуги – отдал саркофаг для исследований. В королевстве празднуют возвращение великого героя народу, а правящей династии – былого влияния. Сам же Дарий Венценосный пока слишком отстал от жизни и дезориентирован...

– Насколько я помню, лишь король Южной Мораны интересовался участью младенцев, которых по договору с риирцами должны передавать вам. Теперь понятно почему: тема наследников и детей для него была особенно болезненной...

Я покачала головой в некотором замешательстве после таких новостей.

– Нам пора, иначе опоздаем на церемонию, – поторопил меня Хейго.

Я нервно поправила платье, последний раз окинув себя взглядом в зеркале, и вцепилась в предложенную мужем руку. В следующее мгновение мы чинно вышли из темного портала посредине большого тронного зала во дворце королевства Лаждук. Вокруг нас из таких же темных вихрей появились еще семеро риирцев – моя свита. На самом деле мы хотели добавить внушительности нашей делегации и нагнать немного страха на людей.

Огромный зал со множеством высоких открытых окон. Лаждук – южное королевство с жарким сухим климатом. Стоявшие рядом люди шарахнулись от нас, освободив пространство. Мы попали под пристальное внимание сотен пар напряженных взглядов нарядно одетых аристократов. Караул в красных мундирах выстроился цепью, образовав проход.

На возвышении, где стоял трон, все было готово для коронации, а слева в резных креслах расположились представители других королевств. К моему удивлению, я увидела там короля Дармаша Бариуса Семнадцатого. Значит, дядюшка поддерживает смену династии в Лаждуке и своим присутствием выказывает расположение будущему королю. Если не ошибаюсь, рядом с Бариусом сидит Сеймур Третий – король Южной

Мораны, о котором только-только говорили побывавшие там риирцы. Еще двух правителей в коронах на черной и седой головах я не узнала. Эх, надо бы выяснить.

Распорядитель церемонии пришел в себя и коротким жестом, по моему мнению, не слишком уважительным, нас пригласили стать по правую сторону от помоста. Кресел для представителей Риира – гаранта мира и короны – не приготовили. Как проклятая всеми принцесса, преданная, забытая, ненужная никому, кроме риирцев, я привычно покорно, спокойно отнеслась к такому положению, но сочла это проявлением неуважения. Хотя темным, я уверена, было не до подобных игр. Они хотят мира и процветания Риiru.

Наконец в противоположном конце зала открылись двери, и под звуки торжественной музыки по красной дорожке вдоль ряда красных мундиров двинулся будущий король Лаждука. За ним шла свита – десятка два аристократов и несколько, судя по фамильным чертам, родственников.

Я удивилась, когда заметила четырех молодых мужчин в нетрезвом состоянии. Они кичливо ступали, словно попирали мир, улыбаясь и свысока поглядывая на окружающих. У некоторых присутствующих при виде этих молодцев бледнели лица и сжимались кулаки. Видимо, насолили они окружающим немало.

Темная «свита» полукругом замерла за мной и Хейго, который прибыл сюда в качестве представителя Совета Риира. Завидев нас, процессия на мгновение застопорилась. Претендент на трон Лаждука одарил нас коротким кивком, будто личных министров приветствовал, а затем двинулся дальше, к храмовникам, державшим регалии будущего короля в готовности к церемонии.

Дальше я буквально кожей почувствовала неладное. Не знаю почему, может, Высшие пошутили, подтолкнув недостойных, а может, несусветная глупость и чувство полнейшей безнаказанности и всесилия, но четверо молодых аристократов, которыми верховодил родственник коронуемого, явно что-то задумали. Внимательно посмотрев на меня, невзирая на протокол и темное окружение, этот выскочка во всеуслышание завопил:

– Проклятой цветанской девке здесь не место! Ее родственники чуть не погубили весь мир! Ее нужно немедленно выкинуть за ворота дворца, как и ее мать в свое время!

Для меня время словно замедлилось, а чувства обострились. И словно со стороны я смотрела, как молодой хлыщ приказывает охране схватить и выставить меня вон, при этом дополнительно награждая оскорблениями, отмечая «змеек» на моей коже, называя нечистокровной дрянью. Как

будущий король недоуменно оборачивается вместе со жрецами и королевской свитой. Как солдаты в нарядных мундирах, вымуштрованные исполнять приказы, движутся в мою сторону. Как, не удовлетворившись произведенным эффектом, подвыпивший аристократ, сделав резкий выпад, швыряет мне в лицо перчатку.

И в тот момент, когда перчатка летела, время вернуло свой бег. Донесся шум голосов, а меня охватила смертоносная убийственная ярость.

Хейго, по-прежнему не желавший показывать всем человеческую форму, взмахнул рукавом плаща – и голодная Тьма ринулась сначала к перчатке, а затем, мгновенно поглотив ее, к брызгающему слюной и угрозами молодчику. Опутала его под общий вздох ужаса отшатнувшейся от нас толпы – и в следующий момент в центре живого круга на пол оседал темнеющий пепел.

Все взоры метались между нами и стоявшими на помосте. Будущий король Лаждука прочистил горло, прежде чем нашел в себе силы возмутиться:

– По какому праву вы убили моего племянника? Я – король Лаждука, не потерплю...

– Он умер бы только за оскорбление моей жены! – Голос Хейго мертвящим шелестом пронесся по залу. – Но он посмел угрожать ей, Принцессе Оливии Малина Риирской! Нам – Риiru!

– Мы разочарованы в тебе, – неожиданно прозвучал голос Бариуса Семнадцатого. – Король, который не умеет держать в узде даже свою семью, – плохой король. Твой племянник оскорбил нашу родственницу, что только усугубляет положение. Прощай!

К моему дичайшему удивлению и под ошарашенными взглядами окружающих его величество Бариус Семнадцатый жестом призвал свою свиту и исчез в портале. В кои веки я была ему признательна за поддержку.

Следом поднялся король Южной Мораны. Он загодя подозвал своих чародеев и охрану и холодно, сурово произнес:

– Мы видим, что вы не соблюдаете условий договора, не чтите клятву крови, данную спасителям Эйра. Принцесса Оливия Малина Риирская прошла сквозь лишения и смертельные опасности, чтобы очистить имя рода Малина. Королю, что не имеет чести и не держит клятвы, – грош цена. Прощай!

Неожиданная поддержка второго союзника Риира порадовала. Другие королевские особы удалились молча, но тем самым тоже проявив солидарность. Несостоявшийся король, проводив ошеломленным взглядом почетных гостей, мрачно посмотрел на нас, но не успел и слова сказать.

Хейго отдал безмолвный приказ нашим сопровождающим, и те шагнули в вихри. А сам, крепко и заботливо обняв меня, обратился к замершей в безмолвии, потрясенной толпе:

– Люди, ваши короли обратились к нам за помощью. Мы спасли вас от гибели. Отныне коронующиеся обязаны принести клятву мира с Рииром. Несоблюдение клятвы, подписанной кровью, – смерть не только нарушившему, но и всему его роду. Этот человек забыл про договор сразу, стоило засохнуть на нем крови. Вы сами видели, чего стоит его слово. Каждый риирец помнит, чтит свои клятвы. Мы хотим мира! Помните и не благодарите за то, что, уничтожив сейчас одного бесполезного глупца, мы спасли целый род от смерти за нарушение договора.

Вокруг Хейго закружилась Тьма, и я, наконец, умерла, закончив его речь:

– Мы, Малина, начали, но мы, Малина, и закончили. Мы заплатили жизнью за ошибку, своим королевством, короной и жизнями. Но теперь чисты перед Эйром. И боги, что откликнулись на мой призыв, подтвердили это.

Я прижалась к Хейго, с благодарностью и радостью окунаясь в его Тьму, и в этот момент жрец с короной в руках удивленно воскликнул:

– А как же коронация?

Ответ Хейго опять зловещим шелестом пробежал по большому тронному залу:

– Коронация отменяется. Эта династия не годится в правители, а значит, Лаждуку придется найти нового короля, который чтит клятвы и мир с Рииром. И так будет с каждым, кто не выполнит договор с темными!

Когда мы вышли из портала во дворце Малина, Лилия и Тьяна продолжали беседовать с вернувшимися из Южной Мораны риирцами.

– Так быстро? – удивилась купчиха. – Вот уж не думала, что коронации проходят на раз-два.

От расстройства я не смогла сдержать слез. Хейго обнял меня, потом под недоуменными взглядами подруг поднял мое лицо и, нежно вытерев слезы, ласково прошелестел:

– Ягодка моя, не надо огорчаться. Слова чужаков – всего лишь слова.

Тинго – малознакомый риирец, присутствовавший с нами на коронации, – флегматично добавил:

– Тем более сегодня был удачный повод напомнить королям о договоре и примерно наказать за его неисполнение. Теперь они поторопятся с поисками половинок, введением закона о близнецах и начнут проситься к нам в друзья и союзники...

– Все что ни делается – все к лучшему, – согласился с ним другой сопровождающий. – Ходить с угрозами к каждому местному корольку – только время терять. Сейчас же мы наглядно продемонстрировали: нет дружбы с Рииром – нет короны и трона.

Всхлипнув, я тоже согласилась:

– И Бариус нас поддержал. И Сеймур из Южной Мораны.

– Больше никто не посмеет назвать род Малина про́клятым!

Хейго задорно, с хитринкой посмотрел на меня.

Я заглянула в любимые голубые глаза и мысленно махнула на все рукой, ведь каждый сам платит за свою глупость, а потом согласилась с риирцами:

– Ох, вы правы, лары, все что ни делается – все к лучшему. А у меня помимо коронаций столько дел, столько дел...

Мне ответили дружным смехом, совсем не обидным, наоборот. Я поддержала свою большую дружную семью улыбкой.

Глава 25

Утро нового дня

Утро! Ласковое, уютное, заспанное, ведь ночью мы с Хейго долго любили друг друга, не в силах насытиться. Вскоре пробуждение стало влажным. Я открыла глаза и увидела перед собой Пушистика, умильно смотревшего на меня большими карими глазами. Затем мохнатый проказник ткнулся мокрым носом мне в ладошку и нетерпеливо замахал хвостом, всем своим видом призывая погулять с ним. А еще лучше – поиграть.

Обняв его огромную лохматую голову, потискала чуть-чуть и решила «проснуться»:

– Встаю, встаю уже, чудовище, все равно не дашь поваляться.

С тех пор как две недели назад его привезли с первым обозом, в котором приехали Нина с семьей и несколько десятков других цветанцев, от пса были сплошные хлопоты. Но он любит меня, а я его, и все прощаю.

Отодвинув Пушистика, я свесила ноги с кровати и решительно встала. Хейго уже в заботах, моему темному разлеживаться некогда. Слишком много дел в молодой стране. Тем более появились новые жители, которым нужно помочь с устройством.

– Доброе утро, ваше высочество! Ой, простите, леди Оливия, – улыбнулась мне Нина, когда я заглянула на кухню. – Прикажете подавать завтракать?

Постоянно жить во дворце, где потеряла всех родных и любимых, наблюдала за приходом белых, я просто не могла. Да и предназначение дворца в качестве надежного оплота и защиты для королевской семьи отпало. Поэтому по возвращении Нины мы перебрались в бывший дом садовника. Они с мужем Яном согласились работать у нас с Хейго. Я перевезла сюда дорогие сердцу портреты, книги и прочие «мелочи». Теперь эта замечательная хозяйка на все руки занималась домашними делами, а мы с ее мужем – садом, огородом и даже полем, несмотря на то что скоро осень. Надо готовить землю к весне.

– Немного попозже, сейчас погуляю с Пушистиком. – Пес моментально появился рядом, подлез головой под руку, мол, звали – вот я. И призывно тявкнул, глядя на колдовавшую над кастрюлей Нину. – Ты его уже кормила?

– Конечно. Простите, леди, этот разбойник пробрался в дом и вас разбудил. Вот неугомонный!

– Ничего, пора вставать. У нас с Яном сегодня посадочный день. Вчера с обозом привезли саженцы плодовых деревьев и кустарников. Надо все успеть. Кстати, а где он? – поинтересовалась я, выглянув в окно.

Грядки с пряной зеленью порадовали глаз. Цветы, конечно, погибли, но весной я непременно посажу здесь розы. Еще мы мечтали, что скоро в наши края вернутся птицы и звери. Сейчас я даже комарам была бы рада.

– Так запряг лошадь с рассветом и поехал забирать вашу ценную поклажу, – отвлекла меня от мыслей о будущем великолепии этого уголка Нина. – Да небось по ходу дела какие появились. Или новостями с мужиками делится. Вы уж не подумайте чего, леди. Ян скоро вернется.

– Нет, не беспо... ой... – не успела сказать, чтобы она понапрасну не беспокоилась, пес нетерпеливо потащил меня к двери, прихватив зубами подол.

С радостью на душе и улыбкой на лице я вышла навстречу новому дню. Вдохнула неповторимый запах раннего солнечного утра и прислушалась к пробудившейся после долгой спячки земле.

Довольный пес бегал за палкой, которую я старательно бросала подальше, а сама тем временем обдумывала, чем буду заниматься сегодня. Дел теперь – непочатый край. Целыми днями пропадаю за пределами дома, выкладываясь, как землянка.

Наша купчиха рассчитала, сколько провианта нужно будет на зиму, и договорилась о новых обозах с едой и прочим добром. Мы же с Яном приспособили дворцовый зимний сад, где погибли все растения, не под цветы, а под выращивание корнеплодов и огурчиков для немногочисленной пока общины людей. Поля мы засеем озимой пшеницей и рожью. Как выразился Ян, «в аккурат, чтобы по первости обеспечить себя».

К нашей удаче, среди первых переселенцев нашелся молодой маг-портальщик, которого соблазнили перспективой стать главным порталщиком в Риире. Тоже родом из Цветаны, но силу набравший уже на чужбине. Теперь он работает на износ, осваивается, но доволен открывающимися перспективами и важностью своих задач.

В общем, «мы налаживаем жизнь в Риире и упрочиваем его положение за пределами Цветочного полуострова», как выразилась деятельная Тьяна после очередного собрания Совета.

Совету Риира пришлось срочно привлечь получившего соответствующий опыт риирца для составления карты будущей столичной застройки – цветанцы возвращаются, и им срочно нужны дома. Решили,

что камня в горах для строительства достаточно, и возить далеко пока не надо. Всем вернувшимся окажут помощь. Но нрав и традиции темных наложат отпечаток на облик Риира. Земли много, а вот людей темные не особо жалуют, и всех подряд к себе пропускать не собираются. Поэтому дома будут строить на большие семьи, но не более двух этажей и с хорошими наделами земли для хозяйствования. Лилия с Тьяной заметили, что с таким подходом аристократия у нас вряд ли сильно разовьется.

Вокруг дворца Малина огромную территорию выделили исключительно под застройку для самих риирцев. Сердце «темной страны» должно находиться под надежной защитой. Таким образом, бывший домик садовника – вполне приличных размеров поместье – оказался в самом выгодном месте. Старинный, родной и построенный родными.

Лилия тоже решила переселиться из дворца. Они с Сайло собрались строить дом в стиле, принятом на ее родине, с поправкой на здешний климат. И денег на свое родовое гнездо княжеская дочь не пожалеет. Хорошенько подумав накануне, я решила оставить свои личные дворцовые покои за собой. Во дворце множество портретов моих родственников, библиотека, а потомки должны знать родню в лицо! И историю рода тоже!

Ведь появление детей точно не за горами. Сразу после несостоявшейся коронации Лилия сообщила, что ждет ребенка, вернее, двойню. Темные радовались как дети: ожидается сразу два новых риирца. И несколько не опасались, что им придется самостоятельно воспитывать элементалей, когда те «развоплотятся».

Никогда не унывающая Тьяна пребывает в сомнениях, не может решиться оставить королевские покои. Да и заказы на услуги темных, которые после происшествия на коронации посыпались как горох, ей проще «обтяпывать» во дворце.

Первый риирский младенец, рождение которого основательно встряхнуло наше небольшое общество, чуть не свел с ума как самую молодую мамочку, так и темного папочку. Как только у нее отошли воды, мы дружно перенесли в Нададь. Дальше участвовали в представлении, занятнее свадебного: мамки, няньки, повитухи, целитель, оравший на всех неприличными ругательствами... И душераздирающий визг, когда молодой отец получил на руки младенца. Шейго не справился с эмоциями и перешел в истинную форму элементаля – пламя Тьмы.

Пока женщин поднимали с пола и давали нюхать соли, чтобы привести в чувство, мы с Лилией из-за спин наших половинок таращились на самую потрясающую картину: глазастое черное пламя «держало» тельце крупного человеческого младенчика. Казалось, смертельно опасная Тьма, сжигающая

в пепел что угодно, с нежностью и любовью ласкает слегка синюшную после рождения кожу ребеночка, делится с ним силой, баюкает. А глаза отца-риирца горели от безграничного счастья.

Боги, уже месяц к Тяне, ставшей ни много ни мало народной риирской героиней, не прекращается паломничество одиноких риирцев. Они готовы там дневать и ночевать, с умилением разглядывая свое наконец-то состоявшееся, реальное будущее, возиться и играть с ним бесконечно. Тяна только снисходительно улыбалась и как-то в шутку посоветовала, чтобы мы с Лилией своими чадами быстрее обзаводились, пока всех дармовых няnek не прибрали к рукам.

После того как я, истинная Оли-Ягодка, «пристроила дворец Малина в хорошие руки» расторопной купеческой дочери, сама себе призналась, что правильной, сильной королевой я бы стать не смогла. Поэтому с облегчением и тайными благодарностями всем богам с удовольствием ношусь по Риiru и восстанавливаю утраченное из-за магии белых природное благополучие. Все, что касается земли, теперь моя «королевская служба». Помимо полей и садов я занимаюсь целительством в отсутствие такового мага в Риире, благо моя походная сумка благополучно «пережила» военные действия и была доставлена темными. А вот сдержанная, терпеливая Лилия помогает Сайло с переселенцами.

Вернувшись с прогулки, я поздоровалась с Яном, который приехал с полной телегой саженцев и теперь получал от Нины поручения-указания. Она такая, настоящая домоправительница, как ее ласково называет покладистый трудяга-муж. Мне осталось переодеться и отпустить свою магию на волю и благо земли. Но сначала завтрак, надо только Хейго «позвать». Он никогда не пропускает наши «застолья», а Нина строго следит, чтобы я не забывала про обеды и ужины.

Как хорошо жить в окружении любимых и любя весь мир!

Эпилог

Томительный, будоражащий кровь, обжигающе страстный поцелуй не хотелось прерывать. Хейго словно выпивал меня досуха со всеми чувствами, любовью, нежностью, наслаждался желанием, охватившим наши тела. Искуситель!

– Что-то тихо стало, ты не находишь? – шепнула я, пытаюсь отстраниться и выбраться из крепких объятий.

Я огляделась, прислушиваясь, а Хейго насмешливо ухмыльнулся, поправляя корсет моего платья. Конечно, его одежда всегда в идеальном состоянии, за нее Тьма отвечает. А вот мои наряды частенько страдают из-за наших авантур и привычки тискать друг дружку по любому поводу. Пять лет семейной жизни – а наша связь только усиливается с годами. Иной раз просто физически некомфортно находиться вне досягаемости друг друга. Я даже тревожилась тайком, что будет дальше... Но разве можно сравнить с любой другой такую любовь, какая горит внутри нас с Хейго?!

В алькове, где мы спрятались от любопытных, опасливых и часто ненавидящих взглядов людей, было бы сумеречно и уютно, если бы не настораживающая тишина. Там, в единственном зале дворца двадцать девятого по счету и самого скромного княжества, затерянного среди болот и степей, недавно все гудело от голосов гостей и приближенных, собравшихся наделить княжением преемника почившего князя. А сейчас – тишина!

Я судорожно поправила прическу и нарядное платье, шикнула на смеющегося мужа и, высоко задрав подбородок, попыталась тихонько выскользнуть из алькова, чтобы затеряться среди людей. Не удалось! В этот раз все ждали только нас!

Стоило нам с Хейго занять почетные места, грянула торжественная музыка, заставив меня вздрогнуть и ощутить, как обожгло стыдом щеки и шею. Принимавший княжение светловолосый молодой мужчина, старательно скрывавший волнение, как-то излишне торопливо продолжил путь от дверей к помосту, где его встречал жрец.

Скандалную коронацию в Лаждуке не забыли. Мало того, она обросла выдуманными подробностями. Еще бы, у страха глаза велики. После нашего эпического ухода с показательным сожжением обидчика несчастное королевство целый год раздирали народные волнения и

смертельная грызня влиятельных родов, претендовавших на корону. В результате через год нашего появления в тронном зале ждали не только гости, но и сам будущий король. Места нам подготовили среди правителей других стран, выказывая если не расположение, то точно уважение. И клятву мира с Рииром произносили вдохновенно и убедительно.

Вот и сейчас будущий князь, поднявшись на возвышение, осторожно скосил глаза на нас. Мало ли... Потом церемония пошла как по маслу, спокойно, чин чинком, а я едва удерживала руки на коленях, чтобы не прижать к своим пылающим щекам, потому что от моего темного соблазнителя невозможно было отгородиться эмоционально.

После церемонии молодой князь, весьма недурной собой, кажется, догадавшийся, от чего я такая румяная, лично пригласил нас на торжественный обед. Мы с Хейго решили остаться, посчитав, что сегодня приобретем настоящего союзника и, возможно, друга. Не первого и, я думаю, не последнего. Риир все прочнее и глубже вживается в Эйр и сотрудничает с людьми. Люди – будущее риирцев, и всем это понятно.

Домой мы вернулись поздно вечером. Сначала перешли во дворец. В бывшие королевские покои с некоторых пор я заходила без боли и тоски. К счастью, здесь произошло много счастливых событий за пять лет.

Тьяна дремала на диване, держа на руках своего второго годовалого сына. Распластавшись по мамочке, он спал сладким сном и пускал слюну на бархатное платье. Лилия следила за детьми, увлеченно строившими из кубиков нечто высокое и грозившее рухнуть. Ее девочкам-близнецам и нашему сыну, родившемуся с разницей в два месяца, по четыре года. Бойкие, дружные непоседы.

Наш Феодос, названный в честь цветанского героя, вовсю проявлял собственнические чувства к Лание, младшенькой куколке Сайло и Лилии. Даже играя, он клал руку, еще по-детски пухлую, ей на плечо, как бы опекая; и частенько подыгрывал, чтобы услышать радостный вопль очаровательной победительницы. А сам в этот момент довольно усмехался – весь в папочку пошел, не только элементом, но и повадками.

Самым младшим ребенком в этой милой родительскому сердцу компании был полугодовалый карапуз, который, лежа на животе, забавно гулил, махая руками и ногами. Риго – сын Хала и Мари – упорно продвигался к нагромождению из кубиков под присмотром своей мамы. Смуглой, тоненькой красавицы из Мануока, расположившейся рядом с ним на полу.

Волею случая, а может – судьбы, Халу выпало пару лет назад «поработать» у границы Дармаша и Риира: охотники за головами поймали

беглую опасную преступницу. Дело в том, что Грань просуществовала недолго. Да и зачем, если желающих соваться без спроса к темным еще поискать надо. Это во-первых. А во-вторых, магическая преграда мешала бы животным вернуться на полуостров. Вешки оставили, чтобы указывали границу. А так... обычный кордон, несколько разъездов – все как у людей.

Конечно, всех нарушителей порядка тогда моментально задержали, но заинтересовались необычным случаем. На дознании зануда Хал выяснил, что семью Мари – мать, отца и брата-близнеца – казнили на столичной площади Мануока, обвинив в поклонении культу смерти и создании запрещенных артефактов. Мари удалось скрыться, но ее неотступно преследовали. И причиной тому был необычный артефакт, который она унесла с собой.

Дальше было гораздо интереснее. Мало того что девушка оказалась «половинкой», так еще и артефакт генерировал проявление Тьмы риирцев. И против белых мог бы помочь, а будь мощнее – даже противопоставить что-то самим риирцам. Но в Мануоке не оценили, не разобрались и потеряли такую невероятную возможность.

Пока Хал вез Мари в столицу Риира, они успели влюбиться и инициироваться. Вот так среди половинок появилась обычная горожанка из Мануока, дочь лавочника и мастера артефактов. Но в Риире каждой половинке радуются, как необыкновенной удаче, посланной богами.

Мы с Хейго присоединились к детской игре и одновременно делились впечатлениями от визита. Послушали местные новости, а потом, забрав сына, пешком отправились домой. Гулять любящей семьей, особенно

летом, – это же необыкновенно приятно. Мы шли по дорожке, освещаемой луной, держа за руки скачущего Феодоса, и тихонько беседовали. Казалось, сами Боги указывают нам путь в светлое, счастливое будущее.